О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ
и
ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ
Владиміра Даля.

Изданіе второе, безъ перемѣнъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Шиллеръ сказалъ: «и въ дѣтской игрѣ кроется иногда глубокій смыслъ», - а Шекспиръ: «и на небѣ и на землѣ есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во снѣ». Это можно примѣнить къ загадочному предмету, о коемъ мы хотимъ поговорить. Духъ сомнѣнія составляетъ свойство добросовѣстнаго изыскателя; но само по себѣ и безусловно, качество сіе безплодно и даже губительно. Если къ этому еще присоединится высокомѣрное презрѣніе къ предмету, нерѣдко служащее личиной невѣжества особеннаго рода, - то сомнѣніе, или невѣріе, очень часто бываетъ

лицемѣрное. Большая часть тѣхъ, кои считаютъ долгомъ приличія гласно и презрительно насмѣхаться надо всѣми народными предразсудками, безъ разбора, - сами вѣрятъ имъ втихомолку, или по крайней мѣрѣ изъ предосторожности, на всякій случай, не выѣзжаютъ со двора въ понедѣльникъ и не здороваются черезъ порогъ.

Съ другой стороны, если и смотрѣть на повѣрья народа, вообще, какъ на суевѣріе, то они не менѣе того заслуживаютъ нашего вниманія, какъ значительная частица народной жизни; это путы, кои человѣкъ надѣлъ на себя - по своей ли винѣ, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, - но въ коихъ онъ долженъ жить и умереть, если не можетъ стряхнуть ихъ и быть свободнымъ. Но гдѣ и когда можно или должно сдѣлать то или другое, - этого нельзя опредѣлить, не разобравъ во всей подробности смысла, источника, значенія и силы каждаго повѣрья. И самому глупому и вредному суевѣрію нельзя противодѣйствовать, если не знаешь его и не знакомъ съ духомъ и съ бытомъ народа.

Повѣрьемъ называемъ мы вообще всякое укоренившееся въ народѣ мнѣніе или понятіе, безъ разумнаго отчета въ основательности его. Изъ этого слѣдуетъ, что повѣрье можетъ быть истинное и ложное; въ послѣднемъ случаѣ оно называется собственно суевѣріемъ или, по

новѣйшему выраженію, предразсудкомъ. Между этими двумя словами разницы мало; предразсудокъ есть понятіе болѣе тѣсное и относится преимущественно къ предостерегательнымъ, суевѣрнымъ правиламъ, что, какъ и когда дѣлать или не дѣлать. Изъ этого усматривается, еще въ третьемъ значеніи, важность предмета, о коемъ мы говоримъ, онъ даетъ намъ полную картину жизни и быта извѣстнаго народа.

Не только у всѣхъ народовъ земнаго шара есть повѣрья и суевѣрія, но у многихъ они довольно схожи между собою, указывая на одинъ общій источникъ и начало, которое можетъ быть трехъ родовъ: или повѣрье, возникшее въ древности, до раздѣленія двухъ народовъ, сохранилось по преданію въ обоихъ; или, родившись у одного народа, распространилось и на другіе; или же наконецъ повѣрье, по свойству и отношеніямъ своимъ къ человѣку, возникло тутъ и тамъ независимо одно отъ другаго. Въ этомъ отношеніи есть много ученыхъ указаній у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только повѣрьями русскаго народа, или даже почти исключительно тѣмъ, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное изслѣдованіе этого предмета, а только небольшой сборникъ или

собраніе подручныхъ въ настоящее время запасовъ* .

Сѣверъ нашъ искони славится преимущественно большимъ числомъ и разнообразіемъ повѣрій и суевѣрій о кудесничествѣ разнаго рода. Едва ли большая часть этого не перешла къ намъ отъ чудскихъ племенъ. Кудесники и знахари сѣверной полосы отличаются также злобою своею, и всѣ разсказы о нихъ носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. На югѣ видимъ болѣе поэзіи, болѣе связанныхъ, сказочныхъ и забавныхъ преданій и суевѣрій, въ коихъ злобные чернокнижники являются только какъ необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигдѣ не услышите вы столько о порчѣ, изуроченіи, какъ на Сѣверѣ нашемъ; нигдѣ нѣтъ столько затѣйливыхъ и забавныхъ разсказовъ, какъ на Югѣ.

Повѣрья мѣстныя, связанныя съ извѣстными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти въ эту статью главнѣйше потому, что такое собраніе вышло бы нынѣ еще слишкомъ неполно и отрывочно. Если бы у насъ много лѣтъ сряду занимались повсемѣстно сборомъ этихъ преданій, тогда только можно бы попытаться составить изъ нихъ что нибудь цѣлое. Но преданія эти гибнутъ невозвратно; ихъ вытѣсняетъ суровая

вещественность, - которая новыхъ замысловатыхъ преданій не рождаетъ.

Все на свѣтѣ легче осмѣять, чѣмъ основательно опровергнуть, и ногда даже легче, нежели дать ему вѣру. Подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрьѣ есть или могло быть нѣкогда смысла, на чемъ оно основано и какую ему теперь должно дать цѣну и гдѣ указать мѣсто - это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы повѣрье, пережившее тысячелѣтія и принятое милліонами людей за истину, было изобрѣтено и пущено на вѣтеръ, безъ всякаго смысла и толка. Коли есть повѣрья, рожденныя однимъ только празднымъ вымысломъ, то ихъ очень немного; - и даже у этихъ повѣрій есть, покрайней мѣрѣ, какой нибудь источникъ, напримѣръ: молодцеванье умниковъ или бойкихъ надъ смирными; стараніе поработить умы самымъ сильнымъ средствомъ - общественнымъ мнѣніемъ, противъ котораго слишкомъ трудно спорить.

У насъ есть повѣрья - остатокъ или памятникъ язычества; они держатся потому только, что привычка обращается въ природу, а отмѣна стараго обычая всегда и вездѣ встрѣчала сопротивленіе. Сюда же можно причислить всѣ повѣрья русскаго баснословія, которое, по всей вѣроятности, въ связи съ отдаленными временами

язычества. Другія повѣрья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать или не дѣлать того, чего отъ него прямымъ путемъ добиться было бы гораздо труднѣе. Застращавъ и поработивъ умы, можно заставить ихъ повиноваться, тогда какъ пространныя разсужденія и доказательства, ни малаго, ни глупаго, не убѣдятъ и, во всякомъ случаѣ, допускаютъ докучливыя опроверженія.

Повѣрья третьяго разряда, въ сущности своей, основаны на дѣлѣ, на опытахъ и замѣчаніяхъ; поэтому ихъ неправильно называютъ суевѣріяміи; они вѣрны и справедливы, составляютъ опытную мудрость народа, а потому знать ихъ и сообразоваться съ ними полезно. Эти повѣрья безспорно должны быть всѣ объяснимы изъ общихъ законовъ природы: но нѣкоторыя представляются до времени странными и темными.

За симъ непосредственно слѣдуютъ повѣрья, основанныя также въ сущности своей на явленіяхъ естественныхъ, но обратившіяся въ нелѣпость по безсмысленному ихъ примѣненію къ частнымъ случаямъ.

Пятаго разряда повѣрья изображаютъ духъ времени, игру воображенія, иносказанія - словомъ, это народная поэзія, которая, будучи принята за наличную монету, обращается въ суевѣріе.

Къ шестому разряду, наконецъ, должно причесть - можетъ быть только до поры до времени - небольшое число такихъ повѣрій, въ коихъ мы не можемъ добиться никакого смысла. Или онъ былъ утраченъ по измѣнившимся житейскимъ обычаямъ, или вслѣдствіе искаженій самого повѣрья, или же мы не довольно изслѣдовали дѣло, или, наконецъ, можетъ быть въ немъ смыслу нѣтъ и не бывало. Но какъ всякая вещь требуетъ объясненія, то и должно замѣтить, что такія вздорныя, уродливыя повѣрья произвели на свѣтъ, какъ замѣчено выше, или умничанье, желаніе знать болѣе другихъ и указывать имъ, какъ и что дѣлать, - или пытливый, любознательный умъ простолюдина, доискивающійся причинъ непонятнаго ему явленія; эти же повѣрья нерѣдко служатъ извиненіемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ въ случаяхъ, гдѣ болѣе не къ чему прибѣгнуть. Съ другой стороны, можетъ быть, нѣкоторыя безсмысленныя повѣрья изобрѣтены были также и съ тою только цѣлію, чтобы, пользуясь легковѣріемъ другихъ, жить на чужой счетъ. Этого разряда повѣрья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумѣется, что разряды эти на дѣлѣ не всегда можно такъ положительно разграничить; есть переходы, а многія повѣрья безъ сомнѣнія можно причислить и къ тому и къ

другому разряду; опять иныя упомянуты у насъ, по связи своей съ другимъ повѣрьемъ, въ одномъ разрядѣ, тогда какъ они въ сущности принадлежатъ къ другому. Такъ, напримѣръ, всѣ лицедѣи нашего баснословія принадлежатъ и къ остаткамъ язычества, и къ разряду вымысловъ піитическихъ, и къ крайнему убѣжищу невѣжества, которое не менѣе, какъ и самое просвѣщеніе, хотя и другимъ путемъ, ищетъ объясненія непостижимому и причины непонятныхъ дѣйствій. Лица эти живутъ и держатся въ воображеніи народномъ частію потому, что въ быту простолюдина, основанномъ на трудахъ и усиліяхъ тѣлесныхъ, на жизни суровой, - мало пищи для духа; а какъ духъ этотъ не можетъ жить въ бездѣйствіи, хотя онъ и усыпленъ невѣжествомъ, то онъ и уносится, посредствомъ мечты и воображенія, за предѣлы здѣшняго міра. Не менѣе того пытливый разумъ, изыскивая и не находя причины различныхъ явленіи, въ особенности бѣдствій и несчастій, также прибѣгаетъ къ помощи досужаго воображенія, олицетворяетъ силы природы въ каждомъ ихъ проявленіи, сваливаетъ все на эти лица, на коихъ нѣтъ ни суда, ни расправы, - и на душѣ какъ будто легче.

Вопросъ, откуда взялись баснословныя лица, о коихъ мы хотимъ теперь говорить - возникалъ и въ самомъ народѣ: это доказывается сказками

объ этомъ предметѣ, придуманными такъ же, гдѣ въ ходу эти повѣрья. Домовой, водяной, лѣшій, вѣдьма и проч. не представляютъ собственно нечистую силу; но, по мнѣнію народа, созданы ею, или обращены изъ людей, за грѣхи или провинности. По мнѣнію иныхъ, падшіе ангелы, спрятавшіеся подъ траву прострѣлъ, поражены были громовою стрѣлою, которая пронзила стволъ этой травы, употребляемой по этому поводу для залеченія ранъ - и низвергла падшихъ духовъ на землю; здѣсь они разсыпались по лѣсамъ, полямъ и водамъ и населили ихъ. Всѣ подобныя сказки явнымъ образомъ изобрѣтены были уже въ позднѣйшія времена; можетъ быть древнѣе ихъ мнѣніе, будто помянутыя лица созданы были нечистымъ для услугъ ему и для искушенія человѣка; но что домовой, напримѣръ, который вообще добродѣтельнѣе прочихъ, отложился отъ сатаны - или, какъ народъ выражается, отъ чорта отсталъ, а къ людямъ не присталъ.

I.

ДОМОВОЙ.

Домовой, домовикъ, дѣдушка, старикъ, постень или постѣнь, также лизунъ, когда живетъ

въ подпольѣ съ мышами, - а въ Сибири сусѣдко, - принимаетъ разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичекъ, который ходитъ въ короткомъ смуромъ зипунѣ, а по праздникамъ и въ синемъ кафтанѣ съ алымъ поясомъ. Лѣтомъ также въ одной рубахѣ; но всегда босикомъ и безъ шапки, вѣроятно потому, что мороза не боится и притомъ всюду дома. У него порядочная сѣдая борода, волосы острижены въ скобку, но довольно косматы и частію застилаютъ лицо. Домовой весь оброс мягкимъ пушкомъ, даже подошвы и ладони; но лицо около глазъ и носа нагое. Косматыя подошвы выказываются иногда зимой, по слѣду, подлѣ конюшни; а что ладони у домоваго также въ шерсти, то это знаетъ всякій, кого дѣдушка гладилъ ночью по лицу: рука его шерститъ, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночамъ иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые однако обыкновенно не болятъ; онъ дѣлаетъ это тогда только, когда человѣкъ спитъ глубокимъ сномъ. Это повѣрье весьма естественно объясняется тѣмъ, что люди иногда, въ работѣ или хозяйствѣ, незамѣтно зашибаются, забываютъ потомъ объ этомъ, и, увидѣвъ черезъ день или болѣе синякъ, удивляются ему и приписываютъ его домовому. Иные, впрочемъ, если могутъ опамятоваться, спрашиваютъ домоваго, когда онъ щиплется: любя или не

любя? къ добру или къ худу? и удостоиваются отвѣта, а именно: домовой плачетъ или смѣется; гладитъ мохнатой рукой, или продолжаетъ зло щипаться: выбранитъ или скажетъ ласковое слово. Но домовой говоритъ очень рѣдко; онъ гладитъ мохнатой рукой къ богатству, теплой къ добру вообще, холодной или шершавой, какъ щетка, къ худу. Иногда домовой просто толкаетъ ночью, будитъ, если хочетъ увѣдомить о чемъ хозяина, и на вопросъ: что добраго? предвѣщаетъ тѣми же знаками, добро или худо. Случается слышить, какъ люди хвалятся, что домовой погладилъ ихъ такой мягкой ручкой, какъ собольимъ мѣхомъ. Онъ вообще не злой человѣкъ, а больше причудливый проказникъ: кого полюбитъ, или чей домъ полюбитъ, тому служитъ, ровно въ кабалу къ нему пошелъ; а ужь кого не взлюбитъ, такъ выживетъ и, чего добраго, со свѣту сживетъ. Услуга его бываетъ такая, что онъ чиститъ, мететъ, скребетъ и прибираетъ по ночамъ въ домѣ, гдѣ что случится; особенно онъ охочь до лошадей: чиститъ ихъ скребницей, гладитъ, холитъ, заплетаетъ гривы и хвосты, подстригаетъ уши и щетки; иногда онъ сядетъ ночью на коня и задаетъ конецъ, другой по селу. Случается, что кучеръ или стремянный сердятся на домоваго, когда баринъ бранитъ ихъ за то, что лошадь ѣздой или побѣжкой испорчена; они увѣряютъ тогда, что домовой наѣздилъ такъ

лошадь, и не хуже цыгана сбилъ рысь на иноходь или въ три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то онъ обижаетъ ее: не даетъ ѣсть, ухватитъ за уши, да и мотаетъ голову; лошадь бьется всю ночь, топчетъ и храпитъ; онъ свиваетъ гриву въ колтунъ и, хоть день за день расчесывай, онъ ночью опять собьетъ хуже прежняго, лучше не тронь. Это повѣрье основано на томъ, что у лошади, особенно коли она на плохомъ корму и не въ холѣ, дѣйствительно иногда образуется колтунъ, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовой сядетъ на лошадь, которую не любитъ, то приведетъ ее къ утру всю въ мылѣ, и вскорѣ лошадь спадетъ съ тѣла. Такая лошадь пришлась не по двору, и ее непремѣнно должно сбыть. Если же очень осерчаетъ, такъ перешибетъ у нея задъ, либо протащитъ ее бѣдную въ подворотню, вертитъ и мотаетъ ее въ стойлѣ, забьетъ подъ ясли, даже иногда закинетъ ее въ ясли къ верху ногами. Нерѣдко онъ ставитъ ее и въ стойло зануздaнную, и иному барину самому удавалось это видѣть, если рано пойдетъ на конюшню, когда еще кучеръ, послѣ ночной погулки, не успѣлъ проспаться и опохмѣлиться. Ясно, что всѣ повѣрья эти принадлежатъ именно къ числу мошенническихъ и служатъ въ пользу кучеровъ. Такъ напр. кучеръ требовалъ однажды отъ барина, чтобы непремѣнно обмѣнять лошадь на

другую, у знакомаго барышника, увѣряя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовой не взлюбилъ и изведетъ. Когда же баринъ, не смотря на всѣ явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотѣлось потерять обѣщанные могарычи, то лошадь точно, наконецъ, взбѣсилась вовсе, не вынесши мукъ домоваго, и околѣла. Кучеръ насыпалъ ей нѣсколько дроби въ ухо; а какъ у лошади ушной проходъ устроенъ такимъ изворотомъ, что дробь эта не можетъ высыпаться обратно, то бѣдное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимаго домоваго. Домовой любитъ особенно вороныхъ и сѣрыхъ лошадей, а чаще всего обижаетъ соловыхъ и буланыхъ.

Домовой вообще хозяйничаетъ исключительно по ночамъ; а гдѣ бываетъ днемъ, это неизвѣстно. Иногда онъ забавляется, какъ всякій знаетъ, вскочивъ сонному колѣнями на грудь и, принявшись, ни съ того, ни съ сего, душить человѣка; у другихъ народовъ есть для этого припадка названіе альпъ, кошемаръ, а у насъ нѣтъ другаго, какъ домовой душилъ. Онъ впрочемъ, всегда отпускаетъ душу на покаяніе и никогда не душитъ на смерть. При этомъ домовой иногда бранится чисто по-русски, безъ зазрѣнія совѣсти; голосъ его грубый, суровый и глухой, какъ будто раздается вдругъ съ разныхъ сторонъ. Когда онъ душитъ, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; - кто можетъ въ это

время произнести ее, того онъ сей же часъ покидаетъ, и это вѣрно: если въ семъ припадкѣ удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и въ это время также спрашиваютъ: къ добру или къ худу? и дѣдушка завываетъ глухо: къ ху-у-ду! Вообще, онъ болѣе знается съ мужчинами, но иногда проказитъ и съ бабами, особенно если онѣ крикливы и безтолковы. Расхаживая по дому, онъ шаркаетъ, топаетъ, стучитъ, гремитъ, хлопаетъ дверь, бросаетъ, чѣмъ попало, со страшнымъ стукомъ; но никогда не попадаетъ въ человѣка; онъ иногда подымаетъ гдѣ нибудь такую возню, что хоть бѣги безъ оглядки. Это бываетъ только ночью, въ подпольѣ, въ клѣти, сѣняхъ, чуланѣ, въ порожней половинѣ, или на чердакѣ; иногда онъ стаскиваетъ и сваливаетъ ворохомъ все, что попадется. Передъ смертью хозяина, онъ садится иногда на его мѣсто, работаетъ его работу, надѣваетъ его шапку; поэтому, вообще, увидать домоваго въ шапкѣ - самый дурной знакъ. Перебираясь въ новый домъ, должно, перекрестившись въ красномъ углу, оборотиться къ дверямъ и сказать: «хозяинъ домовой, пойдемъ со мной въ домъ.» Коли ему полюбится житье, то станетъ жить смирно и ходить около лошадей; а нѣтъ, такъ станетъ проказить. Голоса его почти никогда не услышишь, развѣ выбранитъ

кого нибудь, или зааукаетъ на дворѣ, либо станетъ дразнить лошадей, заржавъ по-кониному. Слѣды проказъ его нерѣдко видны и днемъ: напримѣръ посуда вся очутится за-ночь въ поганомъ ушатѣ, сковородники сняты съ древка и надѣты на рога ухвата, а утварь сидѣлая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены всѣ въ одну кучу. Замѣчательно, что домовой не любитъ зеркала; иные даже полагаютъ, что его можно выкурить этимъ средствомъ изъ такой комнаты, гдѣ онъ много проказитъ. Но онъ положительно не терпитъ сорокъ, даже мертвыхъ, почему и полезно подвѣшивать на конюшнѣ убитую сороку. Въ какихъ онъ сношеніяхъ съ козломъ, неизвѣстно; но козелъ на конюшнѣ также удаляетъ или задабриваетъ домоваго. Въ этомъ повѣрьѣ нѣтъ однако же связи съ тѣмъ, что козелъ служитъ вѣдьмѣ; покрайней мѣрѣ никто не видалъ, чтобы домовой ѣздилъ на козлѣ. Иные объясняютъ повѣрье это такъ: лошади потѣютъ и болѣютъ, если въ конюшнѣ водится ласочка, которая въ свою очередь будто не любитъ козла и отъ него уходитъ.

В иныхъ мѣстахъ никто не произнесетъ имени домоваго, и отъ этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, какъ напр. лихорадку, - домовой получилъ столько иносказательныхъ кличекъ, а въ томъ числѣ почетное званіе дѣдушки. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ даютъ ему свойство оборотня и говорятъ, что онъ катится иногда комомъ снѣга, клочкомъ сѣна, или бѣжитъ собакой.

Для робкихъ, домовой бываетъ всюду, гдѣ только ночью что нибудь скрипнетъ или стукнетъ; потому что и домовой, какъ всѣ духи, видѣнія и привидѣнія, ходитъ только въ ночи, и особенно передъ свѣтомъ; но, кажется, что домовой не стѣсняется первымъ крикомъ пѣтуха, какъ большая часть прочихъ духовъ и видѣній. Для недогадливыхъ и невѣждъ, домовой служитъ объясненіемъ разныхъ непонятныхъ явленій, оканчивая докучливые спросы и толки. А сколько разъ плуты пользовались и будутъ пользоваться покровительствомъ домоваго! Кучера, подъ именемъ его, катаются всю ночь напролетъ и заганиваютъ лошадей, или воруютъ и продаютъ овесъ, увѣряя, что домовой замылилъ лошадь или не даетъ ей ѣсть; а чтобы выжить постылаго постояльца или сосѣда, плутоватый хозяинъ не разъ уже ночи три или четыре напролетъ возился на чердакѣ въ сѣняхъ и конюшнѣ и достигалъ иногда цѣли своей. Нѣрѣдко впрочемъ и случайныя обстоятельства поддерживаютъ суевѣріе о домовомъ. Во время послѣдней польской войны, нашъ эскадронъ стоялъ въ извѣстномъ замкѣ, въ Пулавѣ, и домовой сталъ выживать незваныхъ постояльцевъ: впродолженіе всей ночи въ замкѣ, особенно въ комнатѣ,

занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стукъ, что нельзя было уснуть; а между тѣмъ самыя тщательныя розысканія ничего не могли открыть, нельзя было даже опредѣлить съ точностію, гдѣ, въ какомъ углу или мѣстѣ домовой возится, - хотя стукъ былъ слышенъ каждому. Плутоватый кастелянъ пожималъ плечами и увѣрялъ, что это всегда бываетъ въ отсутствіе хозяина, котораго домовой любитъ и уважаетъ, и при немъ ведетъ себя благочинно. Случайно открылось, однакоже, что домовой иногда и безъ хозяина успокоивался и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшнѣ. Сдѣлали нѣсколько опытовъ, и дѣло объяснилось: конюшня была черезъ дворъ; не менѣе того, однакоже, въ одной изъ комнатъ замка пришлась какъ-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топотъ лошадей раздавался въ ней такъ звучно, что казалось, будто стукъ этотъ выходитъ изъ подполья или изъ стѣнъ. Открытіе это кастеляну было очень не по вкусу.

Въ народѣ есть повѣрье о томъ, какъ и гдѣ домоваго можно увидѣть глазами, если непремѣнно захотѣть: должно выскать (скатать) такую свѣчу, которой бы стало, чтобы съ нею простоять въ страстную пятницу у страстей, а въ субботу и въ воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обѣдни, въ свѣтлое воскресенье,

зажечь свѣчу эту и идти съ нею домой, прямо въ хлѣвъ или коровникъ: тамъ увидишь дѣдушку, который сидитъ, притаившись въ углу, и не смѣетъ тронуться съ мѣста. Тутъ можно съ нимъ и поговорить.

II.

ЗНАХАРЬ И ЗНАХАРКА.

Знахарь и знахарка - есть нынѣ самое обыкновенное названіе для такихъ людей, кои слизываютъ отъ глазу, снимаютъ всякую порчу, угадываютъ о пропажахъ и проч. Колдунъ, колдунья, вѣдунъ и вѣдунья встрѣчаются рѣже, и должны уже непремѣнно знаться съ нечистой силой, тогда какъ знахарь, согласно повѣрью, можетъ ходить во страхѣ Божіемъ и прибѣгать къ помощи креста и молитвы. Волхвъ означаетъ тоже, что колдунъ, но слово это въ народѣ неупотребительно; даже о колдунѣ или колдуньѣ слышно уже болѣе въ сказкахъ; кудесники и доки мѣстами тоже извѣстны, болѣе на сѣверѣ, и означаютъ почти тоже, что колдунъ. Ворожея, ворожка относится собственно къ гаданію разными способами, не заключаетъ въ себѣ условіе чернокнижія, но и не исключаетъ его положительно, почему и говорится: я не колдунъ,

да отгадчикъ - то есть, не знаясь съ бѣсомъ, умѣю отгадывать. Кромѣ общеизвѣстныхъ способовъ гаданія на картахъ, на кофейной гущѣ, на рукѣ, на воску, или на вылитомъ въ водѣ яйцѣ, или топленомъ свинцѣ, на бобахъ - отчего родилась поговорка: бѣду на бобахъ развести, - есть также гаданія по священнымъ книгамъ, суевѣріе, выходящее нынѣ уже изъ употребленія. Гадаютъ также, повѣсивъ на веревочку рѣшето и псалтырь, причемъ то или другое должно перевернуться, если назовутъ имя виновнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ кучеръ, подозрѣвавшій товарища своего, деньщика, въ воровствѣ, потребовалъ, чтобы этотъ шелъ съ нимъ къ ворожеѣ, жившей у тріумфальныхъ воротъ, по Петергофской дорогѣ. Пришли, ворожея еще спала; кучеръ просидѣлъ съ деньщикомъ за воротами около часу, потомъ пошелъ справиться, не пора-ли? Говорятъ: можно. Онъ возвращается, зоветъ товарища - но его нѣтъ, и нѣтъ по сей день. Струсивъ ворожеи, при нечистой совѣсти, онъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Для такой же острастки кладутъ на столъ заряженное ружье и велятъ всѣмъ цѣловать его въ дуло, увѣряя, что оно вора убьетъ. Кто боится этого и виноватъ, тотъ признается, или, покрайности, откажется, подъ какимъ нибудь предлогомъ, отъ цѣлованія ружья.

Святочныя гаданья, представляющія болѣе игры - также нерѣдко принимаются въ прямомъ значеніи, и суевѣрные имъ вѣрятъ: строятъ изъ лучинъ надъ чашкой воды мостикъ и ставятъ его подъ кровать - суженый приснится и поведетъ по мосту; кладутъ гребень подъ подушку, суженый-ряженый почешется и оставитъ волосокъ; ставятъ два прибора, въ банѣ, дѣвушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставятъ зеркало и двѣ свѣчи, дѣвушка сидитъ передъ нимъ и должна увидѣть суженаго; бросаютъ башмачекъ за ворота, куда ляжетъ носкомъ, туда идти дѣвушкѣ; кормятъ курицу счетнымъ зерномъ, насыпаютъ передъ каждымъ гостемъ овесъ, пускаютъ пѣтуха, и къ кому онъ подойдетъ, тому идти замужъ или жениться; накрываютъ приборы, по числу гостей, и подкладываютъ разныя вещи - что кому придется; дѣвушка выходитъ за вороты и спрашиваетъ имя перваго прохожаго - такъ будутъ звать жениха ея; подслушиваютъ подъ окнами - и изъ этого выводятъ заключенія; выливаютъ олово, свинецъ, воскъ, и проч.

Гаданія гороскопическія, со времени познанія истинной планетной системы и теченія міровъ, сами собой потеряли всякую цѣну. Не отвергая связи между землею съ ея жителями и между планетами, луной и солнцемъ, - невозможно, однакоже, допустить какую либо зависимость

собственно судьбы или участи каждаго изъ людей отъ взаимнаго стоянія или сосложенія земли нашей и другихъ небесныхъ тѣлъ. Тутъ нельзя найти и тѣни смысла.

Обо всѣхъ поименованныхъ нами выше лицахъ, ворожеяхъ и колдунахъ, ходитъ столько чудесъ по бѣлу свѣту, что они всякому извѣстны. Если какая нибудь Ленорманъ могла дурачить въ нынѣшнемъ вѣкѣ весь Парижъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и оставить послѣ себя огромное состояніе, то нѣтъ ничего мудренаго, что крестьяне наши, а иногда, можетъ быть, и какое либо иное сословіе, наклевываются на эту же удочку. Иногда обманъ чрезвычайно простъ и не менѣе того для тѣхъ, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицеръ, будучи на съемкѣ, заступился за хозяина своего, у котораго ночью были украдены деньги. Весьма основательное подозрѣніе падало на Карпа, котораго, однакожь, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицеръ собралъ мужиковъ въ одну избу, объявивъ имъ, что у него есть волшебная стрѣлка, которая во всякой толпѣ отыщетъ вора и прямо на него укажетъ. Заставивъ всѣхъ мужиковъ напередъ перекреститься, сложить шапки въ кучу и повернуться по солнцу, онъ разставилъ ихъ въ избѣ, какъ ему нужно было, каждаго порознь, вынулъ и раскрылъ съ разными околичностями компасъ свой, развертѣлъ

пальцемъ стрѣлку, и потомъ далъ ей свободу; со страхомъ и ожиданіемъ мужики глядѣли на волшебную стрѣлку, которая, къ безконечному изумленію ихъ, указала прямо на Карпа, поставленнаго, какъ само собою разумѣется, на сѣверъ. Карпъ едва не обмеръ, палъ въ ноги и повинился. Надобно, впрочемъ, сознаться, что изъ посвятившихъ себя этому промыслу людей, попадаются люди необыкновенные по способностямъ своимъ, и что нѣкоторые, дѣйствуя иногда чисто наугадъ, по темному, безотчетному чутью или чувству, нерѣдко угадываютъ истину. Безспорно, что ложъ и обманъ гораздо чаще ими руководятъ; но сила воли, навыкъ обращать все вниманіе свое на одинъ предметъ, сосредоточивать напряженныя духовныя силы по одному направленію, можетъ быть и способность смекать, соображать и заключать мгновенно, безсознательно, какъ бы по вдохновенію - возвышаютъ людей этихъ временно надъ толпою и даютъ имъ средство угадывать и знать болѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, не говоря здѣсь объ уловкахъ, коими хитрые знахари, ворожеи и другіе всезнайки пользуются, - выспрашивая осторожно, окольными вопросами о томъ, о чемъ нужно гадать, узнавая о томъ же черезъ лазутчиковъ своихъ, или постороннихъ людей, - знахари всѣхъ наименованій иногда еще пользуются извѣстными имъ по преданію тайными

средствами, снадобьями и зельями разнаго рода, и тѣмъ производятъ мнимыя чудеса. Примѣры этому встрѣтятся ниже, гдѣ, по случаю разныхъ тайныхъ повѣрьевъ, кой-что будетъ объяснено. Колдуны употребляютъ, такъ говорятъ, сушеное волчье сердце, или медвѣжье мясо или сало, чтобы испортить поѣздъ молодыхъ, на свадьбахъ; лошади весьма естественно боятся этого духа и потому ртачатся, не идутъ; тогда всѣ кланяются знахарю, дарятъ его, зовутъ на свадьбу, потчуютъ - и онъ исправляетъ бѣду, не знаю какими средствами; но смѣшно и досадно видѣть, съ какою глупою важностію такой знахарь сидитъ въ подобномъ случаѣ, не ломая шапки, на первомъ мѣстѣ свадебнаго стола. Однако такого знахаря умный гость прекрасно наказалъ за наглость и безстыдство его. Поспоривъ съ нимъ, онъ вызвался, по предложенію знахаря, выпить ковшъ наговорной воды, и исполнивъ это при всѣхъ, сказалъ: ну теперь ты выпей моей водицы, изъ того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказаться, такъ какъ онъ слишком много напередъ того хвасталъ и хвалился, что ему никто ничего не можетъ сдѣлать. Гость зачерпнулъ въ ковшъ воды и, отошедши въ темный уголъ нашептывать, бросилъ въ ковшъ порядочную щепоть табаку. Несчастный знахарь провалялся въ самомъ жалкомъ положеніи всю ночь на

соломѣ, къ общему удовольствію поѣзжанъ, и свадьба была отпразднована какъ нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слѣпая увѣренность морочитъ людей: народъ не только вѣритъ, что знахарь портитъ свадьбу, испортивъ жениха, или изноровивъ лошадей такъ, что поѣздъ не можетъ тронуться съ мѣста, или даже оборотивъ всѣхъ поѣзжанъ въ собакъ или волковъ; но многіе разскажутъ вамъ, какъ очевидцы, добросовѣстно и въ полномъ убѣжденіи, случай въ родѣ слѣдующаго: я ѣхалъ однажды съ работникомъ, говорилъ зажиточный крестьянинъ, за которымъ кой-что водилось. Мы случайно подъѣхали въ деревнѣ къ свадьбѣ, и онъ попросилъ меня остановиться, увѣряя, что тутъ долженъ быть недобрый человѣкъ, который хочетъ, свадьбу испорить, а потому-де его надо наказать. Только-что работникъ мой вошелъ въ избу, какъ оттуда вышелъ препоганый мужичишка и, подошедъ къ воротамъ, принялся грызть зубами столбъ. Кровь льетъ изо рта, а онъ все грызетъ; наконецъ работникъ мой вышелъ, а мужикъ взмолился ему; тогда тотъ, погрозившись на него пальцемъ, сказалъ: ну, на этотъ разъ ступай, Богъ съ тобой; да смотри, впередъ не шали. Мужикъ поклонился ему, утерся рукавомъ и пошелъ. Въ Сибири какая-то трава, прикрытъ или прикрышъ, избавляетъ молодыхъ отъ всякой порчи.

О знахаряхъ и колдунахъ говорится, что, не отказавъ никому своего ремесла, они мучатся, не могутъ умереть и даже встаютъ отъ этого послѣ смерти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничкомъ, подрѣзать пятки и вколотить между лопатокъ осиновый колъ. Если предавшійся чернокнижію не найдетъ во всякое время немедленно работы чертямъ, кои являются къ услугамъ его, то они его растерзаютъ. Не знаю, впрочемъ, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна черная книга; кажется, дѣло дѣлается, по народному повѣрью, и безъ книги. Общую многимъ народамъ сказку, что кудесники иногда даютъ діаволу росписку кровію своею, продавая ему душу, находимъ мы и въ Россіи, но болѣе на югѣ и на западѣ.

О колдунахъ народъ вѣритъ также, что они отводятъ глаза, т. е. напускаютъ такую мару или мороку, что никто не видитъ того, что есть, а всѣ видятъ то, чего вовсе нѣтъ. Напримѣръ: ѣдутъ мужики на торгъ и видятъ толпу, обступившую цыганъ, изъ которыхъ одинъ, какъ народъ увѣряетъ вновь прибывшихъ, пролѣзаетъ насквозь бревна, во всю длину его, такъ что бревно трещитъ, а онъ лѣзетъ! Вновь прибывшіе, на которыхъ не было напущено мары, стали смѣяться надъ толпой, увѣряя, что цыганъ лѣзетъ подлѣ бревна, а не сквозь него; тогда цыганъ, оборотившись къ нимъ, сказалъ: а вы чего не

видали тутъ? Поглядите лучше на возы свои, у васъ сѣно-то горитъ! Мужики кинулись, сѣно точно горитъ; отхватили на скорую руку лошадей, перерѣзавъ упряжь, а толпа надъ ними во все горло хохочетъ; оглянулись опять - возы стоятъ, какъ стояли, и не думали горѣть.

Упомяну здѣсь еще о заговорѣ змѣй: мнѣ самому не удалось испытать этого на дѣлѣ, но увѣряютъ, что ясеневое дерево, кора, листъ и зола смиряютъ всякую змѣю, лишаютъ ее возможности кусаться и даже повергаютъ въ родъ оцѣпенѣнія. Ясеневая тросточка, или платье, или платокъ, вымоченные въ отварѣ ясеневой коры, или въ настоѣ золы, также вѣточка этого дерева, дѣйствуютъ, какъ говорятъ, на змѣю, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и гадина подпадаетъ власти знахаря. Я вспомнилъ при этомъ, что читалъ подобное въ какомъ-то путешествіи Англичанина по Индіи: тамъ было именно сказано, что Индіецъ касался змѣи вѣткою ясени.

Представляю на усмотрѣніе и убѣжденіе читателя, сколько во всѣхъ чудесахъ этихъ можно или нельзя объяснить, приннявъ за извѣстнаго двигателя и дѣятеля ту таинственную силу, которую ученые называютъ животнымъ магнетизмомъ. Объ этомъ будемъ говорить по поводу сглаза.

III.

КЛИКУШЕСТВО И ГАДАНЬЕ.

Нельзя не упомянуть здѣсь кстати мимоходомъ о мірякѣ и кликушѣ. Есть поговорка; просватать міряка за кликушу, это значитъ свести вмѣстѣ такую пару, которая другъ друга стоитъ, такую ровню, гдѣ оба никуда не годятся. Кликуша извѣстна почти во всей Россіи, хотя теперь проказницы эти уже довольно рѣдки; это, по народному повѣрью, юродивыя, одержимыя бѣсомъ, кои, по старинному обычаю, показываютъ штуки свои преимущественно по воскресеньямъ, на погостѣ или паперти церковной. Онѣ мечутся, падаютъ, подкатываютъ очи подъ лобъ, кричатъ и вопятъ не своимъ голосомъ; увѣряютъ, что въ нихъ вошло сто бѣсовъ, кои гложутъ у нихъ животы, и проч. Болѣзнь эта пристаетъ отъ одной бабы къ другимъ, и гдѣ есть одна кликуша, тамъ вскорѣ показывается ихъ нѣсколько. Другими словами, онѣ другъ у друга перенимаютъ эти проказы, потому-что имъ завидно смотрѣть на подобострастное участіе и сожалѣніе народа, окружающаго кликушу и нерѣдко снабжающаго ее изъ состраданія деньгами. Кликуша, большею частію, бываетъ какая-нибудь бездомная вдова,

разсорившаяся съ мужемъ, дурнаго поведенія жена, или промотавшаяся со стороны нищая. Есть глупыя кликуши, которыя только ревутъ и вопятъ до корчи и пѣны на устахъ; есть и болѣе ловкія, кои пророчествуютъ о гнѣвѣ Божіемъ и скоромъ преставленіи свѣта. Покуда на селѣ одна только кликуша - можно смолчать, потому-что иногда это бываетъ баба въ падучей болѣзни; но коль скоро появится другая, или третья, то необходимо собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ субботу, передъ праздникомъ, и высѣчь розгами. Двукратный опытъ убѣдилъ меня въ отличномъ дѣйствіи этого средства: какъ рукой сыметъ. Средство это весьма не дурно, если бы даже это было родъ падучей болѣзни, которая такъ легко сообщается другимъ: одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей прошлаго вѣка прекратилъ этимъ же или подобнымъ зельемъ распространеніе падучей въ одномъ дѣвичьемъ пансіонѣ, гдѣ внезапно большая часть ученицъ, одна подлѣ другой, впадали отъ испуга и переимчивости въ эту болѣзнь. Страхъ дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ благодѣтельно на нервы и мозгъ.

Мірякъ - почти тоже между мужчинами, что въ бабахъ кликуша: это также одержимый бѣсомъ, который кричитъ, ломается, неистовствуетъ и обыкновенно объясняется голосомъ того или другаго звѣря или вообще животнаго. Міряки въ особенности появляются въ

Сибири, и по мнѣнію нѣкоторыхъ, происходятъ отъ языческихъ шамановъ.

Повѣрья объ огненныхъ зміяхъ, почитаемыхъ злыми духами мужеска пола, основаны, вѣроятно, на явленіи метеоровъ, сопровождаемомъ огнемъ и трескомъ. Въ особенности народъ полагаетъ, что змѣи эти летаютъ къ женщинамъ, съ коими дружатся и коротко знаются. Такія дѣвки или бабы обыкновенно худѣютъ, спадаютъ съ тѣла и почитаются нечистыми, а иногда и вѣдьмами. Сказки объ этомъ сохранились у насъ издревле, и богатырь Тугаринъ Змѣевичъ и Краса Зилантовна* суть исчадія такой четы, родившейся въ дикомъ воображеніи народа. Сказки объ огненныхъ зміяхъ разнаго рода, о зміяхъ семиглавыхъ, двѣнадцатиглавыхъ и проч., сохранились именно только какъ сказки, составляя или шутку, или преданье старины - все это было, да быльемъ поросло, а нынѣ такихъ чудесъ нѣтъ.

Ворожба и гаданія, снотолкованія, а затѣмъ и заговоры - принадлежатъ болѣе къ послѣднему изъ принятыхъ нами разрядовъ, т. е. къ такимъ повѣрьямъ, къ коимъ прибѣгаетъ въ отчаяніи бѣдствующій, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить съ мнимою помощью, подаваемою лежащему на смертномъ одрѣ, въ

полномъ убѣжденіи, что помощь эта ни къ чему не послужитъ; а между тѣмъ, нельзя не оставаться при страдальцѣ въ бездѣйствіи, надобно, по крайней мѣрѣ, въ успокоеніе совѣсти своей и для удовлетворенія общаго требованія, дѣлать, что люди велятъ, - тогда хоть можно сказать впослѣдствіи: что только можно было придумать - все дѣлали. Иногда, впрочемъ, суевѣрія эти служатъ только шуткой, забавой и смѣшиваются съ играми и обрядами. Между тѣмъ ворожба, гаданья и заговоры до того близки къ житью-бытью колдуновъ, знахарей и вѣдьмъ, что здѣсь будетъ удобнѣе поговорить объ этомъ предметѣ.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданій и снотолкованій, основанныхъ не на обманѣ и суевѣріи, можетъ быть допущена только въ видѣ весьма рѣдкихъ исключеній, а именно: въ тѣхъ только чрезвычайныхъ, выходящихъ изъ ряду случаевъ, гдѣ мы должны признать временное возвышеніе души человѣческой надъ обыкновеннымъ, вседневнымъ міромъ, и гдѣ человѣкъ, самъ собою (болѣзненно) или искуственно (при магнитизированіи) входитъ въ особенное, малоизвѣстное намъ доселѣ магнитическое состояніе. Не смотря на безчисленное множество случаевъ и примѣровъ, гдѣ, при подробномъ розысканіи, или случайно, былъ открытъ

подлогъ, обманъ или ошибка - въ наше время уже нельзя отвергать вовсе чудесъ животнаго магнитизма; но вопросъ состоитъ въ томъ, до какой степени чудеса эти могутъ дѣяться, и гдѣ предѣлъ ихъ, за коимъ слѣдуетъ безконечная степь, - скрытая подъ маревомъ сказочныхъ видѣній тысячи одной ночи? Осторожность обязываетъ насъ, не отрицая положительно всѣхъ чудесъ этихъ, вѣрить тому только, въ чемъ случай и опытъ насъ достаточно убѣдятъ; а сверхъ того, еще убѣждаться съ крайнею осмотрительностію, зная уже, что въ этомъ дѣлѣ бывало доселѣ несравненно болѣе ошибокъ, недоразумѣній, умышленныхъ и неумышленныхъ обмановъ, чѣмъ истины. Не худо, кажется, во всякомъ случаѣ разсудить также слѣдующее: Если и допустить, что душа можетъ иногда находиться въ положеніи или состояніи ясновидѣнія, то и тогда она могла бы видѣть одно только прошедшее и настоящее, - но не будущее, котораго еще нѣтъ; другими словами, предложивъ, что душа наша иногда можетъ быть превыше пространства, ни коимъ образомъ нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше времени, покрайней мѣрѣ, относительно будущаго. Тогда должно бы вѣрить въ судьбу, въ неотвратимый рокъ язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свѣтѣ ни добра, ни худа, ни добродѣтели, ни пороковъ, а все шло бы только

впередъ установленнымъ порядкомъ. Этому я вѣрить не могу; я вѣрю въ судьбу другаго рода: въ неминуемыя, неизбѣжныя послѣдствія извѣстнаго сочетанія обстоятельствъ и дѣйствій; даны премудрые, вѣковѣчные законы природы, дана человѣку свободная воля и разсудокъ - все остальное есть судьба, образующаяся изъ послѣдствій дѣйствій того и другаго. На такомъ только основаніи можно допустить ясновидѣніе - гдѣ оно несомнѣнно будетъ доказано на дѣлѣ. Перейдемъ теперь опять къ своему предмету.

Вообще, всякое рѣшеніе, посредствомъ ворожбы, заключаетъ въ себѣ: или простую ложь, сказанную на удачу; или ловкое изреченіе, по примѣру древнихъ оракуловъ, допускающее произвольное толкованіе; или такія свѣдѣнія по предложенному вопросу, коихъ никто не могъ предполагать въ ворожеѣ; или соображенія, догадку болѣе или менѣе основательную; или, наконецъ, безсознательное соображеніе и сочетаніе обстоятельствъ и условій, называемое ясновидѣніемъ. Но, повторяемъ, послѣднее всегда почти крайне сомнительно и едвали можетъ быть наемно или продажно; сами даже ясновидящіе весьма не рѣдко бредятъ, какъ въ горячкѣ, и не могутъ отличить правды отъ лжи.

О снотолкованіяхъ должно сказать почти тоже; предоставляемъ всякому судить, по собственному убѣжденію, о возможности

предвѣщательныхъ сновъ, кои могутъ рождаться у соннаго ясновидящаго, какъ и наяву; обыкновенныя жъ грезы, какъ всякому извѣстно, бываютъ слѣдствіемъ думы, дѣйствій и бесѣды въ продолженіе дня, или же происходятъ отъ причинъ физическихъ: отъ прилива крови или давленія на извѣстные части мозга, изъ коихъ каждая, безспорно, имѣетъ свое назначеніе. Связь эту и послѣдствія ея каждый самъ легко можетъ испытать: изучите немного черепословіе, дайте пріятелю покрѣпче заснуть и начните осторожно нажимать пальцемъ - хоть на-примѣръ органъ музыки; продолжайте, усиливая давленіе, до просыпа спящаго; тогда спросите его, что ему грезилось? и вы услышите, къ удивленію своему, что ему снилось что нибудь весьма близкое къ предмету этого органа. Это доказываетъ, что физическое вліяніе разнаго рода, зависящее отъ сотни случайныхъ обстоятельствъ, рождаетъ сонъ того или другаго рода, измѣняемый и дополняемый настройствомъ души, - а мы ищемъ въ сихъ случайностяхъ будущую свою судьбу.

О кудесничествѣ, чарахъ, гаданіи разнаго рода, - сошлюсь на книгу Сахарова, не желая повторять однажды напечатанное.

Заговоры - которые у насъ обыкновенно совершаются съ молитвой, потому что народъ нашъ страшится чернокнижія, - хотя изрѣдка есть люди, коимъ невѣжество народа приписываетъ связи съ нечистымъ - заговоры составляютъ для меня самый загадочный предметъ, между всѣми повѣрьями и суевѣріями; я признаюсь, что неохотно приступаю теперь къ рѣчи объ немъ, чувствуя напередъ недостаточность, неполноту свѣденій моихъ и убѣжденій. Всякому, кто займется подобнымъ изслѣдованіемъ на дѣлѣ, легко убѣдиться, что тутъ кроется не одинъ только обманъ, а еще что нибудь другое. Если самый способъ дѣйствія признать обманомъ, потому что убѣжденіе наше отказывается вѣрить тому, въ чемъ мы не видимъ ни малѣйшаго слѣда, смысла - то все еще остается рѣшить, какія же именно невидимыя нами средства производятъ видимыя нами дѣйствія? Будемъ стараться, при всякомъ удобномъ случаѣ, разыскивать и разъяснять ихъ; по мѣрѣ этихъ разъясненій, мнимыя чудеса будутъ переходить изъ области заговоровъ въ область естественныхъ наукъ, и мы просвѣтимся. Уже этой одной причины, кажется, достаточно для того, чтобы не пренебрегать, какъ обыкновенно дѣлаютъ, симъ предметомъ; жаль, что ученые испытатели природы, копаясь по

цѣлымъ годамъ надъ каплею гнилаго настоя и отыскивая въ ней микроскопическихъ наливняковъ, не посвятятъ средствъ и силъ своихъ сему болѣе общему и важному предмету, о коемъ они, не зная его вовсе, по одному только предубѣжденію относятся презрительно.

Заговоры, въ томъ видѣ, какъ они иногда съ большимъ трудомъ достаются въ наши руки, состоятъ въ нѣсколькихъ таинственныхъ по смыслу словахъ, коихъ образцы можно видѣть въ изданіи Г. Сахарова. Ниже приложено нѣсколько изъ мною собранныхъ, для примѣра. Въ нихъ то общее, что послѣ обычнаго вступленія, въ коемъ крестятся, благословляются, поминаютъ море-океанъ, бѣлъ-горючъ-камень алатырь и пр., слѣдуетъ первая половина заговора, состоящая изъ какого-то страннаго иносказанія или примѣра, взятаго, повидимому, весьма не кстати, изъ дальнихъ и невѣдомыхъ странъ; а затѣмъ уже заговорщикъ обращается собственно къ своему предмету или частному случаю, примѣняя первое, сколько можно, ко второму и оканчивая заклинаніе свое выраженіемъ: слово мое крѣпко, быть по моему, или аминь. Мы видимъ въ заговорахъ, вообще, невѣжественное смѣшеніе духовныхъ и мірскихъ - святыхъ и суевѣрныхъ понятій. Невѣжеству народа, простотѣ его, а не злонамѣренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры

любовные, заговоры отъ укушенія змѣи или собаки, отъ поруба или кровотеченія, отъ ружья или пули, отъ огня или пожара и проч. - Есть еще особый родъ заговоровъ, соединяющихъ въ себѣ молитву и заклятіе; сюда, напр., принадлежитъ заговоръ идучи на судъ, гдѣ заговорщикъ испрашиваетъ себѣ всѣхъ благъ, а на противниковъ своихъ и неправедныхъ судей накликаетъ всѣ возможныя бѣдствія. Я очень жалѣю, что этотъ замѣчательный образчикъ смѣси чернаго и бѣлаго, тьмы и свѣта, не можетъ быть здѣсь помѣщенъ, и что воообще нельзя отыскать о семъ предметѣ все то, что было бы необходимо, для нѣкотораго разъясненія его.

Собственно въ болтовнѣ заговора, конечно, не можетъ быть никакого смысла и значенія, какъ, повидимому, и самъ народъ утверждаетъ пословицами и поговорками своими: языкъ безъ костей - мелетъ; собака лаетъ, вѣтеръ носитъ; крикомъ изба не рубится; хоть чортомъ зови, да хлѣбомъ корми и проч. Это подтверждается еще и тѣмъ, что на одинъ и тотъ же случай есть множество различныхъ, но, по мнѣнію народа, равносильныхъ заговоровъ. Но народъ при всемъ томъ вѣритъ, что кто умѣетъ произнести заговоръ, какъ слѣдуетъ, не только языкомъ, но и душой, соблюдая при томъ всѣ установленные для сего, по таинственному преданію, пріемы и условія, тотъ успѣетъ въ своемъ дѣлѣ. Стало

быть, народъ вѣритъ въ таинственную силу воли, въ дѣйствіи духа на духъ, на незримыя по себѣ и невѣдомыя силы природы, которыя, однакоже, обнаруживаются затѣмъ въ явленіяхъ вещественныхъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ. Нельзя не сознаться, что это съ одной стороны свыше понятій нашихъ, можетъ быть даже противно тому, что мы привыкли называть здравымъ смысломъ, - но что это въ сущности есть тоже самое явленіе, которое, нѣсколько въ иномъ видѣ, ученые наши прозвали животнымъ магнетизмомъ. Все это отнюдь не служитъ ни доказательствомъ, ни объясненіемъ, а такъ сказать однимъ только намекомъ и предостереженіемъ.

Передать силу заговора можно, по народному повѣрью, только младшему лѣтами; обнаруживъ заговоръ гласно, самъ лишаешься способности заговаривать, а будешь молоть одни безсильныя слова; у заговорщика, во многихъ случаяхъ, должны быть непремѣнно всѣ зубы цѣлы, иначе онъ заговаривать не можетъ; если употребить заговоръ во зло, то, хотя бы это и удалось на сей разъ, человѣкъ, однако-же, на будущее время теряетъ способность заговаривать; но должно пояснить примѣромъ, что именно, по народному повѣрью, называется употребить заговоръ во зло: заговоръ отъ червей составленъ для скотины и лошадей; если же баринъ принудитъ знахаря

заговорить червей на собакѣ, то это на сей разъ удастся, но впередъ уже черви никогда этого знахаря не послушаются. Многіе заговоры читаются натощакъ, на порогѣ, въ чистомъ полѣ, лицомъ къ востоку, на ущербъ луны, по легкимъ днямъ (вторникъ, среда, суббота), или наоборотъ, по чернымъ днямъ, если заговоръ принадлежитъ къ чернокнижію - дни эти поименованы ниже; другіе заговоры читаются на вѣтеръ, надъ проточной водой, на восходѣ или на закатѣ солнца, подъ осиной* , подъ связанными сучьями двухъ березокъ (отъ лихорадки), надъ ковшемъ или черепкомъ воды, надъ волосами, ногтями или слѣдомъ (собранною землею изъ-подъ ступни) того человѣка, кого надо испортить или влюбить; и всѣ почти заговоры читаются шепотомъ или про себя, втихомолку, такъ чтобы никто о томъ не зналъ, не вѣдалъ . Есть, наконецъ, сверхъ всего этого множество особыхъ примѣтъ, по коимъ заключаютъ объ успѣхѣ предпринимаемаго заговора. Списокъ о чернокнижіи считаетъ 33 дня въ году, въ кои кудесники совершаютъ свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14 и 24; апрѣля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; іюня 17; іюля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 19; октября 6; ноября 6 и 8; декабря 6, 11 и 18; понедѣльникъ и пятница, какъ извѣстно, считаются тяжелыми или черными днями, въ кои ничего не должно**

предпринимать, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, не должно и работать. Равноденственные дни также принадлежатъ кудесникамъ, и извѣстная воробьиная ночь на Украинѣ посвящена вѣдьмамъ. Первая и послѣдняя четверть луны вообще почитаются временемъ удобнымъ для предпріятій всякаго рода, хозяйственныхъ и другихъ распоряженій - а полнолуніе и новолуніе временемъ менѣе къ тому пригоднымъ.

Большая часть заговоровъ начинаются словами: на морѣ на океанѣ - и во многихъ поминается бѣлъ-горючъ камень алатырь. На Руси есть городъ Алатырь - не менѣе того, однако же, никто не объяснилъ доселѣ, какой это таинственный камень. Иные полагали, что это долженъ быть янтарь, но, кажется, это неосновательная догадка. Разъ только удалось мнѣ выпытать прямо изъ устъ крестьянина объясненіе, которое, впрочемъ, ровно ничего не объясняетъ: на Воздвиженье змѣи собираются въ кучу, въ ямы, пещеры, яры, на городищахъ, и тамъ-де является бѣлый, свѣтлый камень, который змѣи лижутъ, насыщаясь имъ, и излизываютъ весь; это и есть бѣлъ-горючъ-камень алатырь. Къ сказкѣ этой, вѣроятно, подало поводъ то, что змѣи залегаютъ и замираютъ на зиму, почему народъ и искалъ объясненія, чѣмъ онѣ въ это время питаются, и

придумалъ камень алатырь: осенью же онѣ точно собираются для приплода въ кучи.

Есть много людей, правдивыхъ и притомъ нелегкомысленныхъ, кои утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что испытали тѣмъ или инымъ способомъ дѣйствительность того или другаго заговора; а потому, откинувъ на сей разъ всякое предубѣжденіе, постараемся розыскать, сколько и въ какой степени можетъ быть тутъ правды? Утверждаютъ, что заговоръ дѣйствуетъ только на вѣрующихъ: если пуститься на месмерическія или магнетическія объясненія, то можетъ быть это покажется менѣе дикимъ и невѣроятнымъ, чѣмъ оно съ перваго взгляда представляется; но мы вовсе не намѣрены писать разсужденіе о магнетизмѣ и потому удовольствуемся однимъ только намекомъ и указаніемъ на него.

Кто въ деревняхъ не знаетъ заговора отъ червей? У какого помѣщика нѣтъ на это извѣстнаго старика, который спасаетъ лѣтомъ и крестьянскую и господскую скотину отъ этого бича? Заговорщикъ идетъ въ поле, отыскиваетъ траву или кустъ мордвинникъ, или будакъ (carbuus cnicus, C. Benebictus), заходитъ къ нему такъ, чтобы тѣнь на него не пала, говоритъ: «ты трава, Богомъ создана, имя тебѣ мордвинникъ; выведи червей изъ пѣгой (сѣрой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь,

отпущу, а не выведешь, съ корнемъ изжену.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ просто: «тогда тебѣ подняться, когда у гнѣдой кобылы такого-что черви изъ бока (уха, зада и проч.) вывалятся.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, привязываютъ верхушку будака ниткой къ колышку и втыкаютъ его въ землю, такъ, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другіе же просто нагибаютъ стебель мордвинника, подтыкая его подъ стебли сосѣднихъ травъ, такъ чтобы онъ не могъ самъ собою высвободиться. Дѣло это вообще извѣстно подъ выраженіемъ: заламывать траву. На другой или третій день знахарь идетъ справляться, вывалились ли черви у скотины? а на утвердительный отвѣтъ, непремѣнно отыскиваетъ опять свой мордвинникъ и отпускаетъ его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще съ особой поговоркой: «ты мнѣ отслужила, я тебѣ отслужу.» Если этого не сдѣлать, то трава въ другой разъ не послушается; а если по какому либо случаю средство не поможетъ, то и не должно отпускать мордвина, въ наказаніе за ослушаніе. Если червей мазали дегтемъ, скипидаромъ и проч., то ихъ, по увѣренію знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замѣчательно, что убогій мужикъ, какъ мнѣ случилось видѣть, занимавшійся этимъ ремесломъ, взявшись съ успѣхомъ вывести червей изъ двухъ скотинъ, отказался отъ третьей потому, что рану уже мазали дегтемъ, и ни за что

не соглашался даже на попытку, хотя ему обѣщали значительное для него вознагражденіе.

Объ этомъ средствѣ я не смѣю сказать ничего положительнаго; нужно повторить сто разъ опытъ, съ наблюденіемъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей, прежде чѣмъ можно себѣ позволить сказать гласно слово въ пользу такого дѣла, отъ котораго здравый смыслъ нашъ отказывается; скажу только, что я не могъ доселѣ открыть ни разу въ подобныхъ случаяхъ, чтобъ знахарь употреблялъ какое либо зелье или снадобье; а скотина нерѣдко ночевала у насъ подъ замкомъ. Объясненіе, будто знахари берутся за дѣло тогда только, когда такъ называемые черви - правильнѣе гусеницы - созрѣли, въ порѣ, и потому сами выползаютъ, вываливаются и ищутъ нужнаго имъ убѣжища, для принятія образа личинки, - объясненіе это никакъ не можетъ меня удовлетворить; знахари не разбираютъ поры, не спрашиваютъ, давно ли черви завелись - чего, впрочемъ, и самъ хозяинъ обыкновенно въ точности не знаетъ; осматриваютъ скотину издали, однимъ только взглядомъ, или даже, спросивъ какой она масти, дѣлаютъ дѣло за глаза. Какая возможность тутъ разсчитать день въ день, когда черви должны сами собой вываливаться? Кромѣ того, всякій хозяинъ знаетъ по опыту, что если разъ черви завелись въ скотинѣ, то имъ уже нѣтъ перевода

почти во все лѣто, потому что насѣкомыя, отъ яицъ которыхъ они разводятся, вѣроятно ихъ безпрестанно подновляютъ. Первые врачи Петербурга, не говоря о множествѣ другихъ свидѣтелей, не сомнѣваются въ томъ, что одна извѣстная дама, бывшая здѣсь нѣсколько лѣтъ тому, однимъ взглядомъ своимъ повергала дѣтей въ сильно-судорожное состояніе и творила надъ ними другія подобныя чудеса. Если это такъ, то, отложивъ всякое предубѣжденіе, всякій ложный стыдъ, я думаю, можно бы спросить: вправѣ ли мы отвергать положительно подобное вліяніе незримыхъ силъ природы человѣка на животное царство вообще? Осмѣять суевѣріе несравненно легче, нежели объяснить, или хотя нѣсколько обслѣдовать его; также легко присоединиться безотчетно къ общепринятому мнѣнію просвѣщенныхъ, несуевѣрныхъ людей, и объяснить все то, о чемъ мы говорили, вздоромъ. Но будетъ ли это услуга истинѣ? Повторяю, не могу и не смѣю говорить въ пользу этого темнаго дѣла - но и не смѣю отвергать его съ такою самоувѣренностію и положительностью, какъ обыкновенно водится между разумниками. Не вѣрю, но не рѣшусь сказать: это ложь.

Любовные заговоры бываютъ двоякіе: приворотъ милыхъ или желаемыхъ людей и изводъ постылыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ мщеніе или ревность. Тѣ и другіе

заговоры бываютъ заглазные, голословные или же соединени съ нашептываніемъ на воду, которую даютъ пить или съ заговоромъ и другими дѣйствіями надъ волосами, остриженными ногтями, частями одежды, или надъ слѣдомъ прикосновенной особы, т. е. надъ землею, взятою изъ-подъ ступни ея. Любжа вообще т. е. изводное и приворотное зелье, безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ народныхъ врачебныхъ средствъ, кои надѣлали много зла, подъ этимъ предлогомъ не рѣдко отравляли людей, какъ мнѣ самому случалось видѣть. Большею частію даютъ въ этомъ случаѣ сильно возбуждающіе яды, коихъ послѣдствіями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимымъ подтвержденіемъ таинственной силы заговора. Довольно извѣстное безтолковое средство привораживать къ себѣ женщину, заключается въ слѣдующемъ: нашедши пару совокупившихся лягушекъ, должно посадить ихъ въ коробку или корзинку съ крышкой или буракъ, навертѣвъ въ него много дыръ; бросивъ или закопавъ это въ лѣсу, въ муравейникъ, бѣжать безъ оглядки - иначе попадешься чертямъ на расправу; - черезъ трои сутки найдешь въ коробкѣ однѣ кости и между ними какую-то вилочку и крючечекъ. Зацѣпивъ мимоходомъ женщину гдѣ нибудь крючечкомъ этимъ за платье и отпустивъ опять, заставишь ее страдать и вздыхать по себѣ; а если она уже надоѣстъ, то

стоитъ только прикоснуться къ ней вилочкой, и она тебя забудетъ. Этотъ вымыселъ празднаго воображенія извѣстенъ у насъ почти повсемѣстно. Другой подобный состоитъ въ чарахъ надъ змѣей; третій - надъ сердцами двухъ бѣлыхъ голубей, и пр. Это подробнѣе описано въ книгѣ Сахарова. Вообще слово любжа означаетъ зелье, для извода постылыхъ людей, нелюбыхъ сердцу, и для приворота любыхъ, по коимъ сохнешь. Для составленія любжи копаютъ лютые коренья, также какъ и для клада, въ Ивановъ день, 23 іюня.

Въ средніе вѣка творили въ Европѣ чары надъ поличіемъ того, кому желали зла, или надъ куклой, одѣтой по наружности такъ, какъ тотъ обыкновенно одѣвался. Замѣчательно, что у насъ на Руси сохранилось мѣстами что-то подобное, изрѣдка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не разъ уже - и даже въ новѣйшее время - распускали въ народѣ слухи, что по деревнямъ ѣздитъ какой-то фармасонъ, въ бѣлой круглой шляпѣ, - а бѣлая шляпа, какъ извѣстно, въ народѣ искони служитъ примѣтою фармасонства: - этотъ-де человѣкъ обращаетъ народъ въ свою вѣру, надѣляя всѣхъ деньгами; онъ списываетъ со всякаго, принявшаго вѣру его, поличіе и увозитъ картину съ собою, пропадая безъ вѣсти. Если же впослѣдствіи новый послѣдователь фармасонщины откинется и

измѣнитъ, то бѣлая шляпа стрѣляетъ въ поличіе отступника и этотъ немедленно умираетъ.

Возвратимся къ своему предмету, къ порчѣ любовной и любжѣ. Это повѣрье, кромѣ случаевъ, объясненныхъ выше, принадлежитъ не столько къ числу вымысловъ празднаго, сказочнаго воображенія, сколько къ попыткамъ объяснить непонятное, непостижимое и искать спасенія въ отчаяніи. Внезапный переворотъ, который сильная, необъяснимая для холоднаго разсудка, страсть производитъ въ молодомъ парнѣ или дѣвкѣ, - заставляетъ стороннихъ людей искать особенной причины такому явленію, и тутъ обыкновенно прибѣгаютъ къ объясненію посредствомъ чаръ и порчи. То, что мы называемъ любовью, простолюдинъ называетъ порчей, сухотой, которая должна быть напущена. А гдѣ необузданныя, грубыя страсти не могутъ найти удовлетворенія, тамъ онѣ также хотятъ, во чтобы ни стало, достигнуть цѣли своей; люди бывалые знаютъ, что отговаривать и убѣждать тутъ нечего; разсудокъ утраченъ; легче дѣйствовать посредствомъ суевѣрія - да притомъ тѣмъ же путемъ корысть этихъ бывалыхъ людей находитъ удовлетвореніе. Но я попрошу также и въ этомъ случаѣ не упускать изъ виду - на всякій случай - дѣйствіе и вліяніе животнаго магнетизма, который, если хотите, также есть не иное что, какъ особенное названіе общаго нашего

невѣжества. - Настойчивость и сильная, непоколебимая воля и въ этомъ дѣлѣ, какъ во многихъ другихъ, не смотря на всѣ нравственныя препоны, достигали не рѣдко цѣли своей, - а спросите чѣмъ? Глазами, иногда можетъ быть и рѣчами, а главное, именно силою своей воли и ея нравственнымъ вліяніемъ. Если же при этомъ были произносимы таинственныя заклинанія, то они, съ одной стороны, не будучи въ состояніи вредить дѣлу, съ другой чрезвычайно спорили его, давъ преданному имъ суевѣру еще большую силу и ничѣмъ непоколебимую увѣренность. Безспорно, впрочемъ, что самая большая часть относящихся сюда разсказовъ основаны на жалкомъ суевѣріи отчаяннаго и растерзаннаго страстями сердца.

Парень влюбился однажды на смерть въ дѣвку, которая, по разсчетамъ родителей его, не была ему ровней. Малый былъ не глупый, а притомъ и послушный, привыкшій съ измала думать, что выборъ для него хозяйки зависитъ безусловно отъ его родителей и что законъ не велитъ ему мѣшаться въ это дѣло; родители скажутъ ему: мы присудили сдѣлать то и то, а онъ, поклонившись въ ноги, долженъ отвѣчать только: власть ваша. Положеніе его становилось ему со дня на день несноснѣе; вся душа, всѣ мысли и чувства его оборотились верхъ дномъ и онъ самъ не могъ съ собою совладать. Онъ

убѣждался разумными доводами, а можетъ быть болѣе еще строгимъ приказаніемъ родителей, но былъ не въ силахъ переломить свою страсть и бродилъ ночи напролетъ, заломавъ руки, не зная, что ему дѣлать. Мудрено ли, что онъ въ душѣ повѣрилъ, когда ему сказали, что дѣвка его испортила? Мудрено ли, что онъ Богъ вѣсть какъ обрадовался, когда обѣщали научить его, какъ снять эту порчу, которая-де приключилась отъ приворотнаго зелья или заговора, даннаго ему дѣвкой? Любовь, нѣсколько грубая, суровая, но тѣмъ болѣе неодолимая, и безъ того спорила въ немъ съ ненавистію, или по крайней мѣрѣ съ безотчетною досадою и местію; онъ подкрѣпился лишнимъ стаканомъ вина, по совѣту знающихъ и бывалыхъ людей, и сдѣлалъ внѣ себя, чему его научили: пошелъ и прибилъ больно бѣдную дѣвку своими руками. Если побьешь ее хорошенько, сказали ему, то какъ рукой сыметъ. И подлинно, какъ рукой сняло; парень хвалился на весь міръ, что онъ сбылъ порчу и теперь здоровъ. Опытные душесловы наши легко объяснятъ себѣ эту задачу. Вотъ вамъ примѣръ - не магистическій, впрочемъ - какъ, по видимому, самое безсмысленное средство, не менѣе того иногда довольно надежно достигаетъ своей цѣли. И смѣшно и жалко. Не мудрено, впрочемъ, что народъ, склонный вообще къ суевѣріямъ и объясняющій все недоступное понятіямъ его

постредствомъ своей демонологіи, состояніе влюбленнаго до безумія не можетъ объяснить себѣ иначе какъ тѣмъ же, необыкновеннымъ образомъ. Указаніе на это находимъ мы даже въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ напримѣръ отчаянный любовникъ говоритъ своей возлюбленной, что она ему «раскинула печаль по плечамъ и пустила сухоту по животу!»

Вотъ примѣръ другаго рода: молодой человѣкъ, безъ памяти влюбившійся въ дѣвушку, очень ясно понималъ разсудкомъ своимъ, что она ему, по причинамъ слишкомъ важнымъ, не можетъ быть четой - хотя и она сама, какъ казалось, безсознательно отвѣчала его склонности. Ему долго казалось, что въ безкорыстной страсти его нѣтъ ничего преступнаго, что онъ ничего не хочетъ, не желаетъ, а счастливъ и доволенъ однимъ этимъ чувствомъ. Но пора пришла, обстоятельства также - и съ одной стороны онъ содрогнулся, окинувъ мыслями объемъ и силу этой страсти и бездну, къ коей она вела, - съ другой, почиталъ вовсе несбыточнымъ, невозможнымъ, освободиться отъ нея. Тогда добрые люди отъ коихъ онъ не могъ утаить своего положенія, видя, что онъ близокъ къ сумазбродству и гибели, - сумѣли настроить разгоряченное воображеніе его на то, чтобы въ отчаяніи искать помощи въ таинствахъ чаръ: «встань на самой зарѣ, выдь, не

умывшись, на восходъ солнца и въ чистомъ полѣ, натощакъ, умойся росою съ семи травъ; дошедши до мельницы, спроси у мельника топоръ, сядь на бревно верхомъ, положи на него передъ собою щепку, проговори такой-то заговоръ, глядя прямо передъ собою на эту щепку, и поднявъ топоръ выше головы при послѣднемъ словѣ: «и не быть ей въ умѣ-помыслѣ моемъ, на ретивомъ сердцѣ, въ буйной въ головушкѣ, какъ не стростись щепѣ перерубленной - аминь», ударь сильно топоромъ, со всего размаху, пересѣки щепку пополамъ, кинь топоръ влѣво отъ себя, а самъ бѣги безъ оглядки вправо, домой, и крестись дорогой - но не оглядывайся: станетъ легко. «Что же? Благородная рѣшимость молодаго человѣка въ этомъ безтолковомъ средствѣ нашла сильную подпору: не вѣря никоимъ образомъ, при выходѣ изъ дому, чтобы стало силъ человѣческихъ на подавленіе этой страсти, хотя и былъ убѣжденъ, что долгъ и честь его требуютъ того - онъ возвратился отъ мельницы веселый, спокойный - на душѣ было легко: - вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратилъ дѣвицѣ полученную отъ нея записку не распечатанною. Такъ сильно былъ онъ убѣжденъ, что дѣло кончено, союзъ расторгнутъ - и съ этого дня, объ этой несчастной любви не было болѣе рѣчи!

Сглазъ, притка или порча отъ сглазу, отъ глаза, недобрый глазъ - есть повѣрье довольно

общее, не только между всѣми славянскими, но и весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы оставимъ его сюда потому, что оно, по народному повѣрью, близко къ предыдущему. Уже одна всеобщность распространенія этого повѣрья, должна бы, кажется, остановить всякое торопливое и довременное сужденіе о семъ предметѣ; хотя всякое образованное общество и считаетъ обязанностію издѣваться гласно надъ такимъ смѣшнымъ суевѣріемъ, - между тѣмъ какъ втайнѣ многіе искренно ему вѣрятъ, не отдавъ себѣ въ томъ никакого отчета. Скажемъ же не обинуясь, что повѣрье о сглазѣ, безъ всякаго сомнѣнія, основано на истинѣ; но оно обратилось, отъ преувеличенія и злоупотребленій, въ докучную сказку, какъ солдатъ Яшка, Сашка сѣрая сѣрмяжка, или знаменитое повѣствованіе о постройкѣ костянаго дома. Безспорно есть изрѣдка люди, одаренные какою-то темною, непостижимою для насъ силою и властью, поражать прикосновеніемъ или даже однимъ взглядомъ своимъ другое, въ извѣстномъ отношеніи подчиненное слабѣйшее существо, дѣйствовать на весь составъ его, на душу и тѣло, благотворнымъ или разрушительнымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ обнаруживать на него временно явно какое либо дѣйствіе. Извѣстно, что ученые назвали это животнымъ

магнетизмомъ, месмеризмомъ, и старались объяснить намъ, невѣждамъ, такое необъяснимое явленіе различнымъ и весьма ученымъ образомъ; но, какъ очень трудно объяснить другому то, чего и самъ не понимаешь, - то конецъ концовъ былъ всегда одинъ и тотъ же, то есть, что мы видимъ въ природѣ цѣлый рядъ однообразныхъ, но до времени необъяснимыхъ явленій, которыя состоятъ въ сущности въ томъ, что животныя силы дѣйствуютъ не всегда отдѣльно въ каждомъ недѣлимомъ, но иногда также изъ одного животнаго, или чрезъ одно животное на другое, въ особенности же черезъ человѣка. Ученые называютъ это магнетизмомъ, а народъ сглазомъ. Стало быть и тутъ опять ученые разногласятъ съ народными повѣрьями только въ названіи, въ способѣ выраженія, а въ сущности дѣла они согласны. Какъ бы то ни было, но если только принять самое явленіе это за быль, а не за сказку, то и повѣрье о сглазѣ и порчѣ, въ сущности своей, основано не на вымыслѣ, а на вліяніи живой, или животной, природы. Переходя, однакоже, затѣмъ собственно къ нашему предмету, мы безспорно должны согласиться, что описанное явленіе примѣняется къ частнымъ случаямъ безъ всякаго толка и разбора, и отъ этого-то злоупотребленія оно обратилось въ нелѣпую сказку. Изо ста, а можетъ быть даже изъ тысячи случаевъ или примѣровъ, о коихъ

каждая баба разскажетъ вамъ со всею подробностію, едвали найдется одинъ, который болѣе или менѣе состоитъ въ связи съ этою таинственною силою природы; всѣ остальные были, вѣроятно, слѣдствіемъ совсѣмъ иныхъ причинъ, коихъ простолюдинъ не можетъ, или не хочетъ доискаться; по этому онъ, въ невѣжествѣ своемъ, сваливаетъ все сподрядъ, по удобству и сподручности, на сглазъ и порчу - который же кстати молчитъ и не отговаривается, а потому и виноватъ.

V.

ВОДЯНОЙ.

Водяной, водовикъ или водяникъ, водяной дѣдушка, водяной чортъ, живетъ на большихъ рѣкахъ и озерахъ, болотахъ, въ тростникахъ и въ осокѣ, иногда плаваетъ на чурбанѣ или на корчагѣ; водится въ омутахъ и въ особенности подлѣ мельницъ. Это нагой старикъ, весь въ тинѣ, похожій обычаями своими на лѣшаго, но онъ не оброcъ шерстью, не такъ назойливъ и нерѣдко даже съ нимъ бранится. Онъ ныряетъ и можетъ жить въ водѣ по цѣлымъ днямъ, а на берегъ выходитъ только по ночамъ. Впрочемъ, водяной также не вездѣ у насъ извѣстенъ. Онъ живетъ съ

русалками, даже почитается ихъ большакомъ, тогда какъ лѣшій всегда живетъ одиноко и кромѣ какого нибудь оборотня, никого изъ собратовъ своихъ около себя не терпитъ. О водяномъ трудно собрать подробныя свѣдѣнія; одинъ только мужикъ разсказывалъ мнѣ объ немъ, какъ очевидецъ, - другіе большею частію только знали, что есть гдѣ-то и водяные, но Богъ вѣсть гдѣ. Водяной довольно робкій старикъ, который смѣлъ только въ своемъ царствѣ, въ омутѣ, и тамъ, если осерчаетъ, хватаетъ купальщиковъ за ноги и топитъ ихъ, особенно такихъ, которые ходятъ купаться безъ креста, или же не въ указанное время, позднею осенью. Онъ любитъ сома и едва ли не ѣздитъ на немъ; онъ свиваетъ себѣ иногда изъ зеленой куги боярскую шапку, обвиваетъ также кугу и тину вокругъ пояса и пугаетъ скотину на водопоѣ. Если ему вздумается осѣдлать въ водѣ быка или корову, то она подъ нимъ подламывается и, увязнувъ, издыхаетъ. Въ тихую, лунную ночь, онъ иногда, забавляясь, хлопаетъ ладонью звучно по водѣ и гулъ слышенъ на плесу издалеча. Есть повѣрье, что если сѣсть у проруба на воловью кожу и очертиться вокругъ огаркомъ, то водяные, выскочивъ въ полночь изъ проруба, подхватываютъ кожу и носятъ сидящаго на ней, куда онъ загадаетъ. При возвращеніи на мѣсто, надо успѣть зачурать: чуръ меня! Однажды

ребятишки купались подъ мельницей; когда они уже стали одѣваться, то кто-то вынырнулъ изъ-подъ воды, закричалъ: скажите дома, что Кузька померъ - и нырнулъ. Ребятишки пришли домой и повторили отцу въ избѣ слова эти: тогда вдругъ кто-то съ шумомъ и крикомъ: ай, ай, ай, соскочилъ съ печи и выбѣжалъ вонъ: это былъ домовой, а вѣсть пришла ему о комъ-то отъ водянаго. Есть также много разсказовъ о томъ, что водяной портитъ мельницы и разрываетъ плотины, а знахари выживаютъ его, высыпая по утреннимъ и вечернимъ зарямъ въ воду по мѣшку золы.

VI.

МОРЯНЫ.

Моряны, огняны и вѣтряны есть у другихъ славянскихъ племенъ; но русскіе, кажется, ничего объ этомъ не знаютъ. Праздникъ Купала и другіе въ честь огня и воды, суть явно остатки язычества и не представляютъ нынѣ, впрочемъ, олицетворенія своего предмета. Ладъ, Ярило, Чуръ, Авсень, Таусень и проч. сохранились въ памяти народной почти въ однѣхъ только пѣсняхъ или поговоркахъ, какъ и дубыня, горыня, полканъ, пыжики и волоты, кащей безсмертный,

змѣй горыничъ, Тугаринъ-Змѣевичъ, яга-баба, кои живутъ только еще въ сказкахъ, или изрѣдка поминаются въ древнихъ пѣсняхъ. Народъ почти болѣе объ нихъ не знаетъ. О бабѣ-ягѣ находимъ болѣе сказокъ, чѣмъ о прочихъ, помянутыхъ здѣсь лицахъ. Она ѣздитъ или летаетъ по воздуху въ ступѣ, пестомъ погоняетъ или подпираетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Вообще это созданіе злое, нѣсколько похоже на вѣдьму; баба яга крадетъ дѣтей, даже ѣстъ ихъ, живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и проч.

Кикимора также мало извѣстна въ народѣ и почти только по кличкѣ, развѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ ее иногда смѣшиваютъ съ домовымъ; въ иныхъ мѣстахъ изъ нея даже сдѣлали пугало мужеска пола, тогда какъ это дѣвки-невидимки, заговоренныя кудесниками и живущія въ домахъ, почти какъ домовые. Онѣ прядутъ, вслухъ проказятъ по ночамъ и нагоняютъ страхъ на людей. Есть повѣрье, что кикиморы - младенцы, умершіе некрещеными. Плотники присвоили себѣ очень ловко власть пускать кикиморъ въ домъ такого хозяина, который не уплатилъ денегъ за срубку дома.

Игоша - повѣрье, еще менѣе общее и притомъ весьма близкое къ кикиморамъ: уродецъ, безъ рукъ безъ ногъ, родился и умеръ некрещенымъ; онъ, подъ названіемъ игоши, проживаетъ то тутъ, то тамъ и проказитъ, какъ кикиморы и домовые,

особенно, если кто не хочетъ признать его, невидимку, за домовика, не кладетъ ему за столомъ ложки и ломтя, не выкинетъ ему изъ окна шапки или рукавицъ и проч.

Жердяй, отъ жерди - предлинный и претоненькій, шатается иногда ночью по улицамъ, заглядываетъ въ окна, грѣетъ руки въ трубѣ и пугаетъ людей. Это какой-то жалкій шатунъ, который осужденъ вѣкъ слоняться по свѣту безъ толку и должности. Объ немъ трудно допроситься смыслу; но едва ли повѣрье это не въ связи съ кащеемъ безсмертнымъ, котораго, можетъ быть, тутъ или тамъ пожаловали въ жердяи. Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ нечистыхъ, народъ прибѣгаетъ къ посту и молитвѣ, къ богоявленной водѣ, къ свѣчкѣ, взятой въ пятницу со страстей, которою коптятъ крестъ на притолкѣ въ дверяхъ; полагаютъ также, вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на сѣверъ, иначе всякая чертовщина выживетъ изъ дома.

VII.

ОБОРОТЕНЬ.

Оборотень, - на Украйнѣ вовкулака - какой-то недобрый духъ, который мечется иногда человѣку подъ ноги, или поперекъ дороги, какъ

предвѣстникъ бѣды. Отъ него крестятся и отплевываются. Онъ никогда не является иначе, какъ на лету, на бѣгу, и то мелькомъ, на одно мгновеніе, что едва только успѣешь его замѣтить; иногда съ кошачьимъ или другимъ крикомъ и воемъ, иногда же онъ молча подкатывается клубкомъ, клочкомъ сѣна, комомъ снѣга, овчиной и проч. Оборотень перекидывается, измѣняя видъ свой, во что вздумаетъ, и для этого обыкновенно ударится напередъ объ земь; онъ перекидывается въ кошку, въ собаку, въ сову, пѣтуха, ежа, даже въ клубокъ нитокъ, въ кучу пакли и въ камень, въ копну сѣна и проч. Изрѣдка въ лѣсу встрѣчаешь его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ; но всегда только мелькомъ, потому онъ никогда не дастъ разсмотрѣть себя путемъ. Нерѣдко онъ мгновенно, въ глазахъ испуганнаго на смерть прохожаго, оборачивается нѣсколько разъ то въ то, то въ другое, исчезая подъ пнемъ или кустомъ, или на ровномъ мѣстѣ, на перекресткѣ. Днемъ очень рѣдко удается его увидѣть, но уже въ сумерки онъ начинаетъ проказить и гуляетъ всю ночь напролетъ. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе онъ обыкновенно мечется, словно камень изъ-за угла, со страннымъ крикомъ, мимо людей. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ-то есть коровья смерть, чума, и что онъ въ этомъ случаѣ самъ оборачивается въ

корову, обыкновенно черную, которая гуляетъ со стадомъ, подъ видомъ приблуды или пришатившейся, и напускаетъ порчу на скотъ. Есть также повѣрье, будто оборотень дитя, умершее некрещеннымъ, или какой-то вѣроотступникъ, коего душа нигдѣ на томъ свѣтѣ не принимается, а здѣсь гуляетъ и проказитъ по неволѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на сѣверѣ, оборотня называютъ кикиморой; вѣдьмѣ и домовому иногда приписываютъ также свойства оборотня. Изъ всего этого видно, что если мужикъ видѣлъ что нибудь въ сумерки или ночью и самъ не знаетъ что, - то это безспорно былъ оборотень.

VIII.

РУСАЛКА.

Русалка - также чертовка, или шутовка, или водява, что означаетъ почти тоже, потому что тутъ у мужиковъ говорится именно взамѣнъ недобраго слова чортъ. Русалка почти отовсюду вытѣснена людьми; а она любитъ пустыя и глухія воды. Нигдѣ почти не найдете вы теперь такого мѣста, гдѣ бы, съ вѣдома жителей, по-нынѣ водились русалки; или онѣ были тутъ когда-то и перевелись, или вамъ укажутъ, во всякомъ мѣстѣ,

на другое - а тутъ-де нѣтъ ихъ. На Украйнѣ ихъ считаютъ дѣвочками, умершими безъ крещенія; въ другихъ мѣстахъ полагаютъ, что каждая утопленница можетъ обратиться въ русалку, если покойница была такова при жизни; или когда дѣвка утонула, купаясь безъ креста, причемъ полагаютъ, что ее утащилъ водяной; опять иные считаютъ русалокъ вовсе не людскаго поколѣнія, а нечистыми духами или даже просто навожденіемъ діавольскимъ. На югѣ у насъ русалка вообще не зла, а болѣе шаловлива; напротивъ велико-русская русалка или шутовка, особенно же сѣверная, гдѣ она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная непріятельница человѣческаго рода. При такомъ понятіи о нихъ, ихъ представляютъ иногда безобразными; но вообще русалки большею частію молоды, стройны, соблазнительно хороши: онѣ ходятъ нагія, или въ бѣлыхъ сорочкахъ, но безъ пояса, съ распущенными волосами, зелеными, какъ иные утверждаютъ; живутъ дружно, обществами, витаютъ подъ водой, но выходятъ и на берегъ; рѣзвятся, поютъ, шалятъ, хохочутъ, качаются на ближнихъ деревьяхъ, вьютъ плетеницы изъ цвѣтовъ и украшаются ими, и если залучатъ къ себѣ живаго человѣка, котораго стараются заманить всѣми средствами, то щекочутъ его, для потѣхи своей, до смерти. Иные утверждаютъ, что

у русалокъ между перстовъ есть перепонка какъ у гуся; другіе даже, что у нея, вмѣсто ногъ, раздвоенный рыбій хвостъ. Онѣ манятъ къ себѣ прохожаго, если онъ ночью подойдетъ къ нимъ - днемъ онѣ почти не выходятъ - иногда гоняются за нимъ, но далеко отъ берега рѣки или озера не отходятъ, потому что боятся обсохнуть. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить и сухое мѣсто: доколѣ она чешетъ мокрые волосы, дотолѣ съ нея все будетъ струиться вода; если же на русалкѣ и волоса обсохнутъ, то она умираетъ. Слѣды этихъ шаловливыхъ подружекъ остаются изрѣдка на мокромъ песку; но это можно толькой видѣть, заставъ ихъ врасплохъ: въ противномъ случаѣ онѣ перерываютъ песокъ и заглаживаютъ слѣды свои. Гдѣ вѣрятъ въ водянаго, тамъ считаютъ его атаманомъ русалокъ. Но онѣ, бѣдненькія, очень скучаютъ безъ мужчинъ и всѣ ихъ затѣи клонятся къ тому, чтобы залучить человѣка и защекотать его на смерть. Сказываютъ, что онѣ иногда отъ скуки перенимаютъ заночевавшее на водѣ стадо гусей и завертываютъ имъ на спинѣ, какъ шаловливые школьники, одно крыло за другое, такъ что птица не можетъ сама расправить крыльевъ; онѣ же, сидя въ омутахъ, путаютъ у рыбаковъ сѣти, выворачиваютъ мотню и скатываютъ ихъ съ рѣчной травой. Вообще, полная власть шаловливымъ русалкамъ дана во время русальной

недѣли, которая слѣдуетъ за Троицынымъ днемъ и до заговѣнья. Первое воскресенье за Троицей также называется русальнымъ. Это время, по народному мнѣнію, самое опасное, такъ что боятся выходить къ водамъ и даже въ лѣса. Кажется, несправедливо - какъ иные полагаютъ - будто русалки хозяйничаютъ до Петрова дня и будто онѣ, по народному мнѣнію, дѣвочки лѣтъ семи: этихъ повѣрьевъ я не встрѣчалъ нигдѣ. На югѣ, русалка взрослая дѣвушка, красавица; на сѣверѣ, чертовка стара, или среднихъ лѣтъ и страшна собой. На Украйнѣ, впродолженіе клечальной недѣли, есть разныя игры въ честь русалкамъ, кои въ это время бѣгаютъ далече въ лѣса и поля, топчутъ хлѣбъ, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши и проч. Г. Сахаровъ напечаталъ пѣсни русалокъ, безсмысленныя слова или звуки, отзывающіяся украинскимъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ.

IX.

ВѢДЬМА.

Вѣдьма извѣстна, я думаю, всякому, хотя она и водится собственно на Украйнѣ, а Лысая гора, подъ Кіевомъ, служитъ сборищемъ всѣхъ вѣдьмъ, кои тутъ по ночамъ отправляютъ свой

шабашъ. Вѣдьма тѣмъ разнится отъ всѣхъ предъидущихъ бласнословныхъ лицъ, что она живетъ между людьми и, ничѣмъ не отличаясь днемъ отъ обыкновенныхъ бабъ или старыхъ дѣвокъ, кромѣ небольшаго хвостика, ночью расчесываетъ волосы, надѣваетъ бѣлую рубашку, и въ этомъ нарядѣ, верхомъ на помелѣ, вѣникѣ или ухватѣ, отправляется черезъ трубу на вольный свѣтъ, либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужихъ коровъ, портить молодцовъ, дѣвокъ и проч. Вѣдьма всегда злодѣйка и добра никогда и никому не дѣлаетъ. Она въ связи съ нечистой силой, для чего варитъ травы и снадобья въ горшкѣ, держитъ черную кошку и чернаго пѣтуха; желая оборотиться во что либо, она кувыркается черезъ 12 ножей. Вѣдьма не только выдаиваетъ коровъ, но даже, воткнувъ ножъ въ соху, цѣдитъ изъ нея молоко, а хозяйская корова его теряетъ. Если сорока стрекочетъ, то беременной женщинѣ выходить къ ней не должно: это вѣдьма, которая испортитъ, или даже выкрадетъ изъ утробы ребенка. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣдьма перекидывается также въ сороку, и, можетъ быть, отъ этого сорока противна домовому, для чего и подвѣшивается въ конюшнѣ. Вѣдьмѣ, для проказъ ея, необходимы: ножъ, шалфей, рута, шкура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекресткѣ, иногда также и трава тирличъ.

Вѣдьма варитъ зелье ночью въ горшкѣ и, ухвативъ помело, уносится съ дымомъ въ трубу. Вѣдьма иногда крадетъ мѣсяцъ съ неба, если его неожиданно заволакиваетъ тучами или случится затмѣніе; она крадетъ дожди, унося ихъ въ мѣшкѣ или въ завязанномъ горшкѣ; крадетъ росу, посылаетъ градъ и бурю и проч. Есть на Украйнѣ преданіе, взятое, какъ говорятъ, изъ актовъ: злая и пьяная баба, поссорившись съ сосѣдкой, пришла въ судъ и объявила, что та украла росу. По справкѣ оказалось, что наканунѣ росы точно не было, и что обвиняемая должна быть вѣдьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла въ судъ каяться, что поклепала на сосѣдку, а судьи, услышавъ это, пожали плечами и ударили объ полы руками, сказавъ: отъ тоби разъ!

Вѣдьмѣ удается иногда осѣдлать человѣка, и онъ, увлекаемый чарами ея, везетъ ее на себѣ черезъ трубу и возитъ по свѣту до упаду. Есть и обратные примѣры, то есть, что осторожный и знающій человѣкъ выѣзжалъ на вѣдьмѣ, какъ мы видимъ изъ разсказовъ Гоголя. Все это приближаетъ вѣдьму къ разряду знахарокъ, ворожей и колдунов, давая ей иное значеніе, чѣмъ повѣрьями дано прочимъ баснословнымъ лицамъ. Вѣдьма есть олицетворенное понятіе о злой и мстительной старухѣ, и злыя бабы пользуются суевѣріемъ людей. Много было примѣровъ, что вмѣсто мнимой вѣдьмы ловили

злую сосѣдку на томъ, какъ она перевязываетъ вымя у коровы волоскомъ, или выходитъ ночью въ одной рубахѣ, безъ опояски, босикомъ, распустивъ космы, пугать, съ какимъ либо намѣренiемъ, суевѣрныхъ. Много страшнаго разсказываютъ о послѣднемъ смертномъ часѣ вѣдьмъ, и въ этомъ отношенiи, онѣ также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не можетъ разстаться съ тѣломъ, и знающiе люди принимаютъ тутъ различныя мѣры - вынимаютъ доску изъ потолка, раскрываютъ уголъ крыши. Есть также повѣрье, что вѣдьмы встаютъ и бродятъ послѣ смерти, какъ и колдуны; что вѣдьму можно приковать къ мѣсту, притянувъ тѣнь ея гвоздемъ; что ее должно бить наотмашъ, т. е. отъ себя, оборотивъ ладонь, и наконецъ повѣрье смѣшиваетъ вѣдьмъ иногда съ упырями, извѣстными исключительно на Украйнѣ и у южныхъ славянъ, и говорятъ, что вѣдьмы также по смерти сосутъ кровь изъ людей или животныхъ и этимъ ихъ морятъ. Для этого съ ними поступаютъ также, какъ съ колдунами: перевертываютъ въ могилѣ ничкомъ и пробиваютъ насквозь осиновымъ коломъ между лопатокъ. Вѣдьму отчасти смѣшиваютъ также съ вовкулаками или оборотнями, разсказывая, что она иногда подкатывается подъ ноги клубкомъ, или перекидывается въ собаку, волка, свинью, сороку, даже въ копну сѣна. Вѣдьмы же и сами

портятъ людей и дѣлаютъ изъ нихъ оборотней. Есть разсказы о томъ, что, снимая шкуру съ убитой волчицы или съ медвѣдицы, къ общему изумленію людей, находили не волчью тушу, а бабу въ сарафанѣ, или въ юпкѣ и запаскѣ. Если найти черную кошку, безъ единаго бѣлаго волоска, сварить ее и выбрать всѣ кости, то можно найти кость-невидимку, которая служитъ вѣдьмѣ: сядь противъ зеркала и клади сподрядъ всѣ косточки поперемѣнно въ ротъ; какъ попадешь на невидимку, такъ и самъ исчезнешь въ зеркалѣ. Иные велятъ вмѣсто этого просто варить кости черной кошки по ночамъ, покуда всѣ истаятъ, а одна только невидимка останется.

Извѣстны неистовства, которыя въ прежнія времена происходили по случаю обвиненія какой либо бабы въ томъ, что она вѣдьма; это въ особенности случалось въ южной Руси. Нѣтъ той нелѣпицы, какую бы не придумывали люди, отъ злобы, глупости, съ отчаянья или съ хитрымъ умысломъ, для искорененія вѣдьмъ и для исправленія настроенныхъ ими бѣдъ. Встарину народъ вѣрилъ, что вѣдьмы, или другаго рода колдуньи могутъ держать обиліе, т. е. заключать въ себѣ и хранить огромные запасы денегъ, жита и даже звѣрковъ, доставлявшихъ промышленникамъ богатый пушной товаръ; на Украйнѣ подобное суевѣріе встрѣчается иногда

понынѣ, въ особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернобыльникъ, по народному повѣрью, противна вѣдьмамъ и охраняетъ отъ нихъ дворъ и домъ.

Общее и единогласное повѣрье утверждаетъ, что въ Москвѣ нѣтъ сорокъ. По этому поводу ходитъ много разныхъ преданій: говорятъ, что сорока выдала боярина Кучку, убитаго въ лѣсу на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающимъ; другіе разсказываютъ, что митрополитъ св. Алексій запретилъ сорокамъ летать на Москву, потому именно, что подъ видомъ сорокъ залетали туда вѣдьмы; и наконецъ, есть преданіе, будто онѣ прокляты за то, что у одного благочестиваго мужа унесли съ окна послѣдній кусокъ сыра, которымъ онъ питался.

Таинственныя пѣсни вѣдьмъ, состоящія изъ вымышленныхъ, безсмысленныхъ словъ, находятся въ извѣстномъ изданіи г. Сахарова. На Украйнѣ же переходитъ по преданію счетъ, будто бы употребляемый вѣдьмами: одіонъ, другіанъ, тройчанъ, черичанъ, подонъ, лодонъ, сукманъ, дукманъ, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнамъ, дайнамъ, сповелось, сподалось, рыбчинъ, дыбчинъ, клекъ.

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

Если мы затѣмъ, независимо отъ сказаннаго, разберемъ нѣкоторыя повѣрья о порчѣ и сглазѣ, то найдемъ, что они принадлежатъ вовсе къ иному разряду, и именно, къ повѣрьямъ, гдѣ, какъ объяснено было выше, полезный обычай усвоилъ себѣ силу закона, посредствомъ небольшаго подлога.

Напримѣръ: новорожденное дитя безъ всякаго сомнѣнія должно держать первое время въ теплѣ, кутать и сколько можно оберегать отъ простуды; существо это еще не окрѣпло; оно должно еще научаться дышать воздухомъ и вообще витать въ немъ. Но такой совѣтъ не всякимъ будетъ принятъ; ничего, авось и небось - у насъ великое дѣло. Что же придумали искони старики или старухи? Они рѣшили, что ребенка до шести недѣль нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де его тотчасъ сглазятъ. Это значитъ, другими словами: дайте новорожденному покой, не развертывайте, не раскрывайте, не тормошите и не таскайте его по комнатамъ, а накрывайте слегка совсѣмъ, и съ головою. Вотъ другой подобный случай: не хвалите ребенка - сглазите. Неумѣстная похвала, изъ одной только вѣжливости къ родителямъ, безспорно, балуетъ

ребенка; чтобы хозяину разъ навсегда избавиться отъ нея, а съ другой стороны уволить отъ этого и гостя, не совсѣмъ глупо придумали настращать обѣ стороны сглазомъ.

Средства, употребляемыя знахарями отъ сглазу или порчи, относятся большею частію къ разряду тѣхъ повѣрьевъ, гдѣ человѣкъ придумываетъ что нибудь, лишь бы въ бѣдѣ не оставаться празднымъ и ускокоить совѣсть свою поданіемъ мнимой помощи. Прикусить себѣ языкъ, показать кукишъ, сплевывать запросто или въ важныхъ случаяхъ, съ особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать, нашептывать, прямо или съ воды, которою велятъ умываться или даютъ ее пить, надѣвать бѣлье на-изнанку, утаивать настоящее имя ребенка, называя его другимъ, подкуривать волосомъ, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговоромъ и пр., - во всемъ этомъ мы не можемъ найти никакого смысла, если не допустить тутъ, и то въ весьма рѣдкихъ и сомнительныхъ случаяхъ, дѣйствіе той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что безсмысленное, въ глазахъ просвѣщенныхъ сословій, нашептываніе на воду, которой долженъ испить недужный, въ сущности близко подходитъ къ магнетизированію воды, посредствомъ придыханія, чему большая часть ученыхъ и

образованныхъ врачей вѣрятъ, приписывая такой водѣ различныя, а иногда и цѣлебныя, свойства.

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки - должно сказать, что простолюдинъ всякое необыкновенное для него явленіе надъ человѣкомъ, какъ напр., падучую болѣзнь, пляску св. Вита, параличи разныхъ родовъ, косноязыкіе, дрожаніе членовъ, малоуміе, нѣмоту и пр., называетъ порчей или изуроченьемъ. Не зная причины такихъ припадковъ, не постигая ихъ и отыскивая, по природному побужденію, ключъ къ загадкѣ, народъ все это приписываетъ вліянію злыхъ духовъ или злыхъ людей. Но повѣрье, что въ человѣка заползаютъ иногда гадины, змѣи, лягушки, жабы - повѣрье это, какъ въ послѣднее время дознано вполнѣ положительными и нисколько несомнительными опытами, не есть суевѣріе, а основано на довольно рѣдкихъ, истинныхъ случаяхъ. Я имѣлъ случай наблюдать сходное съ этимъ явленіе: солдатъ проглотилъ двѣ или три піявки, напившись ночью изъ какой-то лужи, и эти животныя спокойно жили, вѣроятно, въ желудкѣ человѣка, нѣсколько недѣль, покуда ихъ не извели ложкою соли, и ихъ выкинуло рвотой. Нѣсколько лѣтъ тому, не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ, въ Ораніенбаумскомъ госпиталѣ пользовали человѣка, наблюдая за нимъ строжайшимъ

образомъ, и болѣзнь кончилась тѣмъ, что его, въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, вырвало змѣей, которая, вѣроятно, до сего дня сохраняется въ спиртѣ; весьма недавно въ Кіевской губерніи одинъ жидъ, напившись болотной воды, сталъ чувствовать различные припадки, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; страшную боль въ животѣ, движеніе, царапанье въ желудкѣ и пр., а между тѣмъ животъ вздувало. Наконецъ, отъ постояннаго употребленія простокваши и скипидара, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вышло рвотой 35 лягушекъ, разной величины и всѣхъ возрастовъ; свидѣтелей было при этомъ много, неоднократно, и между прочимъ самъ врачъ. Лягушки принадлежали къ одному обыкновенному виду, но отличались блѣдностью и нѣжностью кожи.

Заговоръ отъ крови, отъ поруба, или вѣрнѣе, отъ кровотеченія, по моему мнѣнію, объясняется всего проще тѣмъ, что почти всякое кровотеченіе изъ кровяной (не боевой) жилы, изо всѣхъ подкожныхъ и вообще мелкихъ сосудовъ, останавливается черезъ нѣсколько времени самою природою, и что это именно дѣлается тогда, когда на рану ляжетъ кровяная печенка, а подъ нею клейкая пасока, которая, сгустившись, затянетъ всю поверхность раны. Опасно только кровотеченіе изъ разрѣзанныхъ крупныхъ боевыхъ сосудовъ, кои вообще лежатъ довольно

глубоко и потому рѣдко подвергаются такому насилію. Изъ нихъ алая кровь брызжетъ перемежающеюся струей, согласно съ ударами сердца. Кто не знаетъ этого во всей подробности, у кого нѣтъ въ этомъ дѣлѣ достаточной опытности и вѣрнаго взгляда - тотъ въ испугѣ готовъ вѣрить, что каждая рана угрожаетъ смертельнымъ кровотеченіемъ, а потому онъ и готовъ приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многіе, свѣдущіе и опытные люди, хотя можетъ быть и негласно, утверждаютъ, будто они сами были свидѣтелями успѣшнаго заговора крови; но мы все-таки еще въ правѣ, вполнѣ довѣряя ихъ добросовѣстности, не довѣрять однако же ихъ опытности и вѣрности взгляда. Впрочемъ, если допустить, что глазъ, придыханіе, извѣстное движеніе рукъ или пальцевъ и сильная воля человѣка могутъ возмутить равновѣсіе или вообще направленіе жизненныхъ силъ другаго, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой примѣненіе магнетизма и къ этому частному случаю, т. е. къ кровотеченію? Я не утверждаю, чтобы это было такъ; я даже думаю, что нужно еще много добросовѣстныхъ и весьма затруднительныхъ розысканій на дѣлѣ, для рѣшенія этого вопроса; но я предостерегаю только отъ лжепросвѣщеннаго отрицанія

всезнайки, которое всегда и во всякомъ случаѣ вредно. Не вѣрю, покуда меня не убѣдятъ; но самую возможность отрицать не смѣю. Я съ крайнею недовѣрчивостью буду слѣдить за дѣйствіями знахаря, заговаривающаго кровь; но не менѣе того, буду наблюдать и розыскивать, полагая, что предметъ этотъ достоинъ вниманія и розысканія.

Есть также повѣрье, что при сильномъ теченіи изъ носу, должно взять замкнутый висячій замокъ и дать крови капать сквозь дужку: кровь должна остановиться. Это, вѣроятно, придумано, чтобы успокоить человѣка, дать ему болѣе терпѣнья, давъ забаву въ руку, и усадить спокойно на одно мѣсто. Другіе совѣтуютъ, вмѣсто того, взять въ каждую руку по ключу и по куску мѣлу и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочекъ бумажки, или дробинку подъ языкъ и проч. Кажется, все это придумано для того, чтобы не быть въ это время безъ дѣла и безъ совѣта, а подать хотя мнимую помощь; равно и для того, чтобы угомонить человѣка и успокоить его. При кровотеченіи изъ носу, дѣлаютъ также слѣдующее: рукою противной стороны, изъ которой ноздри идетъ кровь, достаютъ, подъ локоть другой руки, поднятой къ верху, мочку уха; вскорѣ, какъ увѣряютъ, кровь останавливается. Само собою разумѣется, что всѣ средства эти тогда только могли бы быть

признаны дѣльными, если бы они, при опасныхъ или продолжительныхъ кровотеченіяхъ, оказались дѣйствительными, въ чемъ конечно нельзя не усомниться.

На заводахъ уральскихъ есть особый способъ заговаривать кровь, если во время работъ кто нибудь по неосторожности бываетъ сильно раненъ. Способъ этотъ относится до извѣстныхъ во всей Европѣ симпатическихъ средствъ, о коихъ частію будетъ говориться ниже, а частію уже говорилось выше. Если кто порубится или порѣжется сильно при работѣ, то на заводахъ есть для этого такъ называемая «тряпка»: это простая, бѣлая ветошка, напоенная растворами нашатыря; ее немедленно приносятъ, напояютъ кровью изъ раны и просушиваютъ исподоволь у горна или печи, на огнѣ. Какъ тряпка высохнетъ, такъ, говорятъ, и кровь должна остановиться. При этомъ наблюдаютъ только, чтобы сушить тряпку не круто, чтобъ съ нея паръ не валилъ: иначе-де рана будетъ болѣть, разсорится.

По случаю этого станнообразнаго средства, нельзя не вспомнить повѣрья нашихъ предковъ, которое творило разныя чудеса и чары надъ человѣкомъ, посредствомъ крови его, волосъ, или другихъ частей. На этомъ основано и у насъ повѣрье, особенно въ простонародьи, чтобы волосъ своихъ никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, какъ

говорятъ въ народѣ, могутъ-де попасться во всякія руки. Иные даже собираютъ во всю свою жизнь тщательно остриженные волосы и ногти, съ тѣмъ, чтобы ихъ взять съ собою въ гробъ, считая необходимымъ имѣть все принадлежащее къ тѣлу при себѣ; иначе потребуется въ томъ отчетъ. Суевѣрные раскольники дѣлаютъ это и съ другою, еще болѣе безсмысленною цѣлію, о коей будетъ говориться въ своемъ мѣстѣ. Врачи прежнихъ временъ предостерегали, не ставить кровь, послѣ кровопусканія, на печку, или на лежанку, утверждая, что тогда жаръ или воспаленіе въ больномъ усилится. Я впрочемъ и нынѣ зналъ образованнаго и опытнаго врача, который былъ того же мнѣнія и увѣрялъ, что дѣлалъ неоднократно опыты, которые его въ истинѣ этого дѣла вполнѣ убѣдили. Понынѣ извѣстнымъ и общепринятымъ законамъ природы, все это ни съ чѣмъ не вяжется и не можетъ быть допущено. Въ наше время кудесничество этого рода также извѣстно кой-гдѣ въ народѣ, и именно въ сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской; оно едва ли не перешло къ намъ отъ Чуди, отъ финскихъ племенъ, кои сами въ теченіе вѣковъ обрусѣли. Тамъ безпрестанно слышишь о чудесахъ, о порчѣ, по злобѣ или мести, посредствомъ клока остриженныхъ волосъ

или чаръ надъ поднятымъ съ земли слѣдомъ человѣка или надъ частицею крови его.

Близко къ тому повѣрье, или вѣрнѣе суевѣріе, заключается въ заломѣ или закрутѣ хлѣба на корню. Эту штуку злаго знахаря, дѣлаемую изъ мести, не должно смѣшивать съ заломомъ травы, для заговора червей, о чемъ уже говорено было на своемъ мѣстѣ. Злой знахарь беретъ въ руку горсть стеблей хлѣбныхъ и, произнося заклятіе на хозяина этой нивы, ломаетъ хлѣбъ въ правую сторону, а закручиваетъ его въ лѣвую. Обыкновенно въ самомъ узлѣ залома находятъ немного золы, которая берется изъ печи того же хозяина; иногда кладутъ подъ закрутъ, кромѣ золы, также соль, землю съ кладбища, яичную скорлупу, распаренныя хлѣбныя зерна, уголь. Закрутъ можетъ быть разведенъ, по суевѣрью народа, только хорошимъ знахаремъ; въ противномъ случаѣ хозяина нивы постигнетъ всякое бѣдствіе: домовины вымрутъ, домъ сгоритъ, скотъ падетъ и проч. Въ особенности опасно, по мнѣнію народа, сорвать или скосить закрутъ; если его недосмотрятъ во время и это сдѣлается, то бѣда не отвратима. Мнѣ самому случалось успокоивать мужика, на нивѣ коего сдѣланъ былъ закрутъ; я взялъ на себя развести его, увѣривъ испуганнаго мужика, что знаю это дѣло хорошо, а когда я вырвалъ весь кустикъ и зарылъ въ землю золу,

уголь и соль, то все кончилось благополучно. Если не кому развести закрута, то осторожные хозяева обжинаютъ его.

Заговоры отъ ружья, отъ орудія вообще не могутъ заключать въ себѣ никакого смысла. У стрѣлковъ, ловцовъ, у охотниковъ есть однакоже, какъ у всехъ промышленниковъ, особаго рода пріемы и повѣрья, кои довольно трудно изслѣдовать, потому что сущность ихъ обыкновенно скрываестя подъ какимъ нибудь гаерствомъ. Травой Адамова голова окуриваютъ, въ Великій четвертокъ, силки и сѣти, коими ловятъ птицъ и самое ружье окуриваютъ травою клюквы (или колюки), увѣряя, что оно тогда не боится заговора или порчи. Капканы вытираютъ дегтемъ или конскимъ навозомъ, съ разными наговорами - и если въ этомъ пошептываніи нельзя признать толка, то навозъ и деготь безспорно служатъ къ тому, чтобы звѣрь не причулъ человѣческаго духа. Не только простолюдины, но люди образованные разсказываютъ иногда, какъ очевидцы, престранныя вещи, близкія къ предмету настоящаго нашего разсужденія; напримѣръ: у одного грека землепроходца, путешествовавшаго, по словамъ его ко Св. мѣстамъ, была какая-то ладонка, спасавшая отъ всякой пули. Надѣвъ на себя, онъ вызывалъ присутствующихъ офицеровъ стрѣлять по немъ; а когда никто на это не

согласился, то онъ надѣлъ ладонку на лошадь, просилъ стрѣлять по ней и отвѣчалъ хозяину цѣну лошади. И на это не согласились, а избрали жертвою пѣтуха. Затѣмъ, пѣтуха привязали и сдѣлали по немъ, почти въ упоръ ружья, около десятка или болѣе выстрѣловъ дробью и пулей: пѣтухъ вскрикивалъ, подлеталъ, метался, но на немъ не было крови; онъ издохъ уже въ слѣдующую ночь, а ощипавъ его, нашли, что онъ весь покрытъ сине-багровыми рубцами.

Охотники и промышленники въ Сибири, въ особенности на выѣздахъ, боятся недоброй встрѣчи. Если кто, не пожелавъ охотнику добра, проговоритъ встрѣтивъ его: ѣдетъ попъ, не стрѣлецъ - несетъ крестъ, не ружье, - то уже никакой удачи на промыслѣ не будетъ. Поэтому тамъ всегда выѣзжаютъ тайкомъ, до свѣту, и прячутъ ружье. Самъ скажи о томъ, что ружье бываетъ съ чортикомъ; это значитъ, какъ станешь цѣлиться, такъ нечистый стоитъ прямо передъ тобой и держитъ утку за крылья, растопыривъ ихъ врозь; выстрѣлишь, убьешь - онъ броситъ и пойдетъ себѣ своимъ путемъ. Вообще заговоръ отъ ружья бываетъ различный; одинъ спасетъ человѣка отъ всякаго оружія, другой портитъ извѣстное оружіе, лишаетъ только то или другое оружіе средства вредить, дѣлаетъ его негоднымъ. Въ числѣ множества разсказовъ объ этомъ предметѣ, находимъ между прочимъ также

объясненіе, для чего заговоры эти такъ многословны; нѣкто заговорился отъ ружья, отъ пули свинцовой, мѣдной, желѣзной, чугунной, стальной, крылатой, пернатой - а отъ серебряной и золотой позабылъ, что узнали, да и убили его серебряной пулькой. Излишне кажется упоминать здѣсь, что заговоръ ружья или пистолета фигляровъ состоитъ въ томъ, что они искусно подмѣниваютъ оружіе, или вынимаютъ изъ него зарядъ. Если также повѣрье, что отъ пули, облѣпленной воскомъ, никто заговориться не можетъ.

Заговоръ змѣй, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что сказано объ этомъ выше, если только справедливо, что сила ясеневаго дерева, листа, коры и золы дѣйствуетъ описаннымъ образомъ на змѣю. Если это такъ, то едва ли это средство не можетъ служить намекомъ на рѣшеніе загадки, относительно нѣкоторыхъ другихъ; онѣ точно послушались его и прыгали со всѣхъ сторонъ въ миску. Но этотъ ларчикъ открывается очень просто и всякій можетъ сдѣлать тоже: чувствуя издали теплоту, блохи полагаютъ, что это должно быть животное, спѣшатъ со всѣхъ ногъ на него взобраться и попадаютъ въ просакъ. Это для нихъ хорошая ловушка.

Заговоръ и нашептываніе употребительны при вывихахъ, переломахъ и многихъ болѣзняхъ. Тутъ также доселѣ еще вовсе ничего не

изслѣдовано, въ какихъ случаяхъ это только обманъ съ одной стороны, а легковѣрное воображеніе съ другой, и въ какихъ случаяхъ кроется что нибудь болѣе: т. е. дѣйствительное вліяніе физическихъ или животныхъ силъ. Это такое дѣло, которое уже явно смѣшивается съ народнымъ врачеваніемъ и потому только косвенно касается нашего предмета. Но весьма не рѣдко мы находимъ, подъ видомъ и названіемъ заговора отъ болѣзни, врачебныя средства, коимъ народъ охотнѣе вѣритъ подъ таинственной личиной заговора: напримѣръ, отъ криковъ младенцевъ, должно вытряхнуть изъ маковки всѣ зерна, налить туда теплой воды, взять ребенка, отнести его на чердакъ, подъ насѣстъ, гдѣ сидятъ куры, нашептать заговоръ, перевернуть ребенка черезъ голову, воротиться и дать выпить воду. Явно, что здѣсь ребенку дается легонькій сонный напитокъ; а чтобы онъ не перестоялся и не сдѣлался слишкомъ крѣпкимъ, то придумали опредѣлить время прогулкой на чердакъ, подъ насѣстъ и обратно. Собственно отъ вывиховъ и переломовъ конечно подобныя штуки представляютъ самую ненадежную помощь - и если съ заговоромъ не соединяется работа костоправа, что не рѣдко бываетъ - то нашептыванія эти приносятъ конечно много вреда, оставляя людей безъ помощи или устраняя всякое разумное пособіе.

Заговоры отъ зубной боли принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ и находятъ много заступниковъ, кои, по словамъ ихъ, столько разъ на себѣ испытали силу ихъ, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажемъ то же, что о такъ называемыхъ симпатическихъ средствахъ вообще: если тутъ кроется что нибудь, то ученые наши объяснятъ это современемъ, причисливъ сія явленія къ животному магнетизму. Я бывалъ свидѣтелемъ тому, какъ заговоренная бумажка, или нашептываніе, или наложеніе руки на щеку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не дѣйствовало и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорятъ, что если кто разувается, всегда начиная съ лѣвой ноги, то у него никогда не будутъ болѣть зубы; цѣлый рядъ подобныхъ повѣрьевъ помѣщенъ нами, ниже въ разрядъ шуточныхъ. Къ числу средствъ, кои даются отъ зубной боли съ наговорами, но помогаютъ иногда по естественнымъ причинамъ, прнадлежитъ слѣдующее: положить на больной зубъ два обрубка круглаго корешка или прутикъ обыкновеннаго корня дикой земляники, и держать ихъ стиснувъ легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усиліе это и однообразное напряженіе нерѣдко доставляютъ скорое облегченіе. Иные вѣрятъ что должно задушить крота двумя пальцами, или же

вымазать пальцы кровью чернаго крота, чтобы пріобрѣсти силу исцѣлять зубную боль однимъ прикосновеніемъ руки. По опытамъ моимъ, это не подтвердилось.

Заговоры разнаго рода на пчелъ, относятся до, такъ называемаго, пчелинаго знахарства, изложеннаго довольно подробно у Сахарова. Но объ одномъ предметѣ можно бы написать цѣлую книгу, въ коей дѣльныя замѣчанія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ, но укутанныя въ таинственные и суевѣрные обряды, путались бы попеременно съ затѣйливыми или вовсе глупыми вымыслами празднаго воображенія. Есть, между прочимъ, повѣрье даже о томъ, что можно дѣлать пчелъ, наклавъ всякой всячины въ закупоренную бочку и поставивъ ее, съ извѣстными обрядами, на зиму въ омшеникъ.

Весьма близки, по значенію своему, къ заговорамъ, а часто вовсе съ ними сливаются, и притомъ не болѣе ихъ изслѣдованы, такъ называемыя симпатическія средства. Сюда же принадлежатъ подвѣски, привѣски, подвязки, талисманы, амулеты, ладонки и проч. Суевѣріе объ особенномъ значеніи и силѣ каждаго изъ самоцвѣтныхъ камней перешло къ намъ съ Востока, изъ области поэзіи. Конечно, не можетъ настоять въ томъ никакого сомнѣнія, что большая часть повѣрій этого разряда также пусты и вздорны, какъ мнимое волшебное дѣйствіе

самоцвѣтныхъ камней; но съ другой стороны, нельзя произнести приговоръ этотъ надъ всѣми сюда относящимися повѣрьями, хотя мы и не всегда находимъ удовлетворительное объясненіе загадки. Нѣкоторыя изъ сихъ средствъ только по странности своей и причудливому способу употребленія принадлежатъ, съ виду, къ симпатическимъ средствамъ, между тѣмъ какъ самое ихъ дѣйствіе основывается на давно извѣстныхъ законахъ природы. Такъ, напримѣръ, повязки на рукахъ и ногахъ, отъ лихорадки не только признаны дѣйствительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь ихъ основана, повидимому, на законахъ обращенія крови: повязки на рукахъ и ногахъ останавливаютъ возвратъ крови къ сердцу черезъ поверхностные кровеныя жилы (вены), и кровь не можетъ скопляться, во время озноба, во внутренностяхъ, отчего и происходитъ переломъ болѣзни. Для этого берется обыкновенно красная тесьма или гарусъ, коего девять нитокъ на шеѣ служатъ также предохраненіемъ для дѣтей отъ скарлатины и краснухи. Есть ли тутъ еще и своеродное дѣйствіе собственно краснаго гаруса, который преимущественно для сего употребляется въ этомъ, конечно, должно усомниться. Я зналъ человѣка, который раздавалъ привѣски отъ лихорадки, нашептывая ихъ напередъ, и хотя онѣ мнѣ самому и

нѣкоторымъ другимъ не помогали, но за то, подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ, много разъ немедленно прекращали болѣзнь, по-крайней-мѣрѣ, упорная лихорадка безъ всякихъ видимыхъ причинъ, съ того же дня, какъ таинственная ладонка была привѣшена, не возвращалась. Это былъ корень неизвѣстнаго растенія, указанный знахарю, по словамъ его, однимъ ссыльнымъ, которому онъ на пути слѣдованія оказалъ какую-то услугу. Замѣчательно было для меня вотъ что: испытавъ нѣсколько разъ силу этого корешка надъ больными и призадумавшись надъ нимъ по неволѣ, я могъ искать разрѣшенія загадки въ одномъ только воображеніи больныхъ. И такъ я взялъ другой, первый попавшійся мнѣ корешокъ, и сталъ его привѣшивать, выдавая за полученный отъ знахаря, къ лихорадочнымъ. Я повторилъ это, какъ нахожу въ запискахъ своихъ, на пяти различныхъ больныхъ, но безъ всякаго успѣха; всѣ они неохотно и безъ довѣренности дозволили повторить опытъ, привѣскою настоящаго корня; послѣ чего у двухъ изъ нихъ лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня у самого была лихорадка, то мнѣ не помогла ни яичная пленка, ни привѣски, хотя я бралъ ихъ непосредственно отъ знахарей, исполняя строго всѣ ихъ предписанія. Привѣска отъ лихорадки нетопыри, лягушки и проч., вѣроятно, дѣйствуетъ наиболѣе посредствомъ настроеннаго

воображенія, надобно одолѣть обычное отвращеніе отъ этихъ тварей, и нравственное волненіе также производитъ физическій переломъ. Привѣска написанныхъ на клочкѣ бумажки таинственныхъ словъ, или абракадабры, или пріемъ бумажки этой внутрь, въ видѣ пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинетъ больнаго, по всей вѣроятности, также обнаруживаютъ силу свою посредствомъ воображенія, этого довольно могучаго рычага. Не иначе дѣйствуютъ, кажется окачиванія холодной водой черезъ оглоблю, или въ лѣсу черезъ березку; привѣска птичьяго гнѣзда, бечевки, на которой удавлена собака; послѣдовательный пріемъ, прямо съ рѣки и на-тощакъ, нѣсколькихъ ложекъ воды, начиная въ первый день съ одной; также пріемъ замятой въ хлѣбномъ мякишѣ вши; впрочемъ насѣкомое это, какъ увѣряютъ, дѣйствуетъ врачебно и употребляется также для понужденія послѣда, послѣ родовъ. Варятъ также въ мочѣ больнаго три куриныя яйца, выносятъ ихъ, съ горшкомъ, въ муравейникъ, разбиваютъ и зарываютъ все вмѣстѣ. Когда муравьи уничтожатъ яйца, то лихорадка должна пропасть. Или больной долженъ проносить нѣсколько хлѣбныхъ зеренъ въ рукавицѣ, на голой ладони, во время приступа; потомъ сѣютъ ихъ, а когда взойдутъ, больной долженъ ихъ раздавить и растоптать. Завязываютъ въ лѣсу надъ головой

больнаго два сучка березы, приговаривая: покинешь - отпущу, не покинешь - сама сгинешь. Пишутъ на бумажку абракадабра, извѣстнымъ треугольникомъ, или имя больнаго, молитву, или другія таинственныя слова и привѣшиваютъ къ больному; или остригаютъ волоса и ногти больнаго, просверливаютъ въ осинѣ дыру, затыкаютъ ее этимъ и заколачиваютъ камешкомъ; нечаянно, съ молитвой, окачиваютъ во время озноба водой, сажаютъ лягушку за пазуху и проч. Отъ судорогъ носятъ въ карманѣ мѣдный грошъ, кусочекъ сѣры и ржанаго хлѣба, или зашиваютъ въ подвязку сѣрый цвѣтъ.

XI.

СИМПАТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА.

Отъ лихорадки народныхъ средствъ вообще чрезвычайно много; и это потому именно, что болѣзнь эта, поселяясь въ брюшной полости, исцѣляется противодѣйствіемъ на головной мозгъ. Зернистый перецъ, шубій клей, паутина, яичный бѣлокъ и тому подобныя снадобья не принадлежатъ впрочемъ вовсе къ средствамъ симпатическимъ и сила ихъ давно уже признана врачами. Болѣзни этой дано множество названій: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха;

иногда ее ублажаютъ, величаютъ лихоманкой ивановной, чтобъ не обидѣлась, или боятся ее назвать; на Украйнѣ различаютъ 99 видовъ лихорадокъ, смотря по тому, отъ чего она прикинулась, называя ее: пидтынныця, если она человѣка застала соннаго подъ тыномъ, на сырой землѣ; веретенныця, если баба допрялась до лихорадки: гноевая, если папала на спящаго на навозной кучѣ; степовая, если на переночевавшаго въ полѣ и проч. Есть и въ Россіи повѣрье, что лихорадокъ 9 крылатыхъ сестеръ, коихъ по временамъ нечистый спускаетъ съ цѣпей. Если одна изъ нихъ пролетомъ поцѣлуетъ человѣка, то или губы обмечетъ, или же нападетъ трясавица. Покидая одного больнаго, чтобы потрясти другаго, сестры эти даютъ каждому временный покой. Иные мажутъ себѣ лицо сажей и переодѣваются въ чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъѣздъ въ другое мѣсто, какъ народъ толкуетъ, иногда спасаетъ отъ лихорадки; она потеряетъ человѣка и не найдетъ его. Отъ болѣзни этой, по мнѣнію народа, спасаетъ, между прочимъ, также восковой шарикъ, слѣпленный изъ 12-ти крошекъ воску, снятыхъ въ 12 разъ во время чтенія Страстей, отъ свѣчки, которая въ продолженіе службы зажигается, какъ извѣстно, 12 разъ. Отъ лихорадки же и вообще отъ злыхъ духовъ и порчи, выкапчиваютъ въ страстную

пятницу крестъ на притолокѣ и надъ дверьми у входа, и притомъ свѣчой, принесенной со Страстей. Но вотъ еще народное средство, которое я испыталъ разъ 30 и въ чрезвычайномъ дѣйствіи коего всякому легко убѣдиться, хотя и не такъ лекко объяснить его и добиться до желаемаго смысла: передъ приступомъ лихорадки, за часъ или болѣе, обкладываютъ мизинецъ лѣвой руки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большой палецъ, внутренней пленой сыраго куринаго яйца; кожица эта вскорѣ прилипнетъ плотно и присыхаетъ, а чтобы уберечь ее, обматываютъ палецъ слегка тряпичкой. Отъ этого средства лихорадка, не всегда, но большею частью, покидаетъ недужнаго. Въ самое то время, когда бы ей слѣдовало быть, въ мизинцѣ появляется боль, иногда довольно жестокая, и начинаетъ стрѣлять вдоль локтя, иногда до самаго плеча. Вмѣсто вторичнаго приступа, бываетъ опять тоже, но только гораздо слабѣе, а за третьимъ разомъ все кончено. Замѣчу, что по опытамъ моимъ надъ самимъ собою и надъ другими: 1) плена эта не оказываетъ ни малѣйшаго дѣйствія надъ здоровыми; 2) иногда и у лихорадочныхъ, безъ явной причины, бываетъ не дѣйствительна, и тогда ознобъ и жаръ идутъ своимъ порядкомъ и боли въ мизинцѣ нѣтъ; 3) или же дѣло принимаетъ обратный ходъ: мизинецъ рветъ и болитъ во время промежутковъ

лихорадки, а приступы идутъ своимъ чередомъ, и притомъ боль на это время утихаетъ; 4) изрѣдка боль в мизинцѣ въ локтѣ и плечѣ бываетъ такъ сильна, что хворый не въ силахъ перенести ее и срываетъ плену; тогда боль изчезаетъ, а лихорадка вмѣсто того появляется; 5) также въ рѣдкихъ случаяхъ, по излеченіи симъ способомъ лихорадки, мизинецъ бываетъ покрытъ кровяницами и даже образуется нарывъ около ногтя, въ видѣ ногтоѣды. Я былъ однажды свидѣтелемъ случая, гдѣ весьма опытный и ученый врачъ приходилъ въ отчаянье отъ недѣйствительности хинина и другихъ аптечныхъ средствъ противу злой лихорадки, грозившей ударомъ - а яичная пленка спасла больную! Бывшіе этому свидѣтелями врачи, безъ сомнѣнія, основательно утверждали, что средство это не есть симпатическое, а должно дѣйствовать иначе; но какъ именно и отъ чего, этого доселѣ никто не могъ мнѣ объяснить. Вотъ примѣръ такого явленія, взятаго изъ опытности простонародья, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой вѣры; множество разумниковъ готовы при первомъ словѣ закричатъ: «вздоръ»; но я попрошу извѣдать дѣло на опытѣ, а потомъ судить и писать приговоръ!*

Народному повѣрью, что сердце лежитъ подъ грудной костью, подъ ложечкой - сердце болитъ, отвѣчаетъ по крайности и ученое, латинское

названіе этого мѣста (sevobiculum cordis); а повѣрью, что душа сидитъ немного пониже, въ желудкѣ, соотвѣтствуетъ положеніе брюшныхъ нервныхъ узловъ, называемыхъ также брюшнымъ мозгомъ и сѣдалищемъ животной души. Кровь ходитъ, приступаетъ, говоритъ простолюдинъ; а ученый врачъ называетъ это конгестіями и оргасмомъ. Во всемъ этомъ есть смыслъ; мы иногда не понимаемъ народа, а онъ насъ; но рѣчи его не всегда такъ безсмысленны, какъ съ перваго взгляда кажутся.

У лекарокъ есть симпатическія средства отъ бородавокъ: разрѣзать яблоко ниткою, натереть бородавку обѣими половинками, сложить и связать ихъ тою же ниткою и закопать въ навозъ. Когда сгніетъ яблоко, тогда, говорятъ, пропадутъ и бородавки. Натираютъ также бородавки сырымъ мясомъ или свинымъ саломъ и закапываютъ его или отдаютъ собакѣ; дѣлаютъ на щепочкѣ столько зарубокъ, сколько у человѣка бородавокъ, прикоснувшись къ каждой соотвѣтствующею ей зарубкой; или вяжутъ на ниточкѣ, на алой шелковинкѣ, узелки, обмѣряя каждую бородавку вокругъ, и бросаютъ на дорогу; кто подниметъ щепку эту или шелковинку, на того перейдутъ бородавки. Во время убыли луны, поводятъ рукою по стѣнѣ, на которую падаетъ лунный свѣтъ, а потомъ поглаживаютъ бородавку тою же рукою. Это

повторяется въ продолженіе цѣлой недѣли, и бородавка должна пропасть. Иные обводятъ пальцемъ сучокъ въ деревянной избѣ, куда падаетъ лунный свѣтъ, а потомъ водятъ по бородавкѣ. Обмываютъ также бородавку, три раза, дождевой водой, скопившейся въ лункѣ, ямкѣ большаго камня; иные смазываютъ бородавку пѣной или накипомъ отъ горящихъ сырыхъ сосновыхъ дровъ.

Отъ докучливаго ячменя есть множество симпатическихъ средствъ: уколоть ячмень зерномъ ячменя и отдать его курицѣ; обвести ячмень обручальнымъ кольцомъ и прочитать молитву; подавить ячмень кольцомъ, поцѣловать глазъ и сплюнуть; повѣсить иглу на ниткѣ передъ глазомъ и смотрѣть на нее. Довольно забавно видѣтъ въ домѣ барскомъ старуху, няню, у которой весь день болтается передъ глазомъ игла, привѣшенная къ головному платку. Отъ ячменя же, перво-или послѣднерожденный изъ братьевъ и сестеръ долженъ показать кукишъ больному глазу, но чтобы никого притомъ не было; иные совѣтуютъ говорить при этомъ: ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишъ, что захочешь, то себѣ купишь; купи себѣ топорокъ, переселись поперекъ; проговаривая это трижды, провести по ячменю пальцемъ. Отъ лишая есть также много средствъ; напримъ., взять поту съ окна, или слюней, обвести сучокъ въ бревнѣ избы, а потомъ лишай,

и сказать: ни шире, ни далѣ, тутъ тебѣ и быть, на семъ мѣстѣ тебѣ и пропасть.

Отъ желтухи, берутъ въ руки живую щуку и глядятъ на нее, покуда она уснетъ. Отъ курячей слѣпоты, сидятъ надъ паромъ вареной воловьей печени и ѣдятъ ее, и это средство было одобряемо нѣкоторыми врачами; но, испытавъ его много разъ, во время Турецкаго похода, я однако же никогда не видалъ отъ него помощи. Отъ дѣтскаго недуга собачья старость, вѣроятно, сухотка хребтоваго мозга, перепекаютъ ребенка, т. е. сажаютъ его на лопату и трижды всовываютъ на-скоро въ затопленную печь. В трудныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ, гдѣ родители отчаяваются въ жизни ребенка, должно, по народному повѣрью, подать его нищей въ окно: если она приметъ его Христа ради, то онъ выздоровѣетъ. Это, конечно, поэтическое повѣрье, безъ всякаго другаго значенья. Изгнаніе полунощника, или полунощницы, семью прутиками или сорочкою ребенка, которую мѣряютъ взадъ и впередъ и на-крестъ ниткою, всучиваютъ между двухъ прядей ея и потомъ кладутъ подъ порогъ, чтобы народъ ее топталъ; леченіе переполоха выливкой, - все это должно почитать баснями, какъ и леченіе костоѣды, ногтоѣды и зубной боли вызовомъ, посредствомъ кипятка, на хлѣбный колосъ, какихъ-то волосатиковъ или червей; кладутъ по 3 пучка ржаныхъ колосьевъ по нѣскольку разъ на

больное мѣсто и обливаютъ щелокомъ гречишной соломы. Откуда тутъ взяться волосамъ, или волосатикамъ, коихъ, по нашимъ понятіямъ, нѣтъ и быть не можетъ въ больныхъ членахъ - этого нельзя постигнуть. Все это или невинныя грезы, или необъясненныя доселѣ тайны, или, вѣроятнѣе, послѣднее убѣжище безпомощнаго отчаянья. Переполохъ (кажется, неправильно пишутъ: перепологъ), отъ переполошить, испугать, почитается слѣдствіемъ испуга ребенка, которому отъ переполоха надѣваютъ рубашонку задомъ напередъ. Переполохъ отъ собаки почитается не такъ опаснымъ, потому что она вылаетъ его сама же вспослѣдствіи; но переполохъ отъ злаго и молчаливаго гусака, кинувшагося на ребенка, почитается несравненно опаснѣе. Извѣстно, что укушеніе гусака бываетъ иногда ядовито и очень долго не подживаетъ. Если кто поперхнется или подавится, то совѣтуютъ класть ломоть хлѣба на темя, или тереть переносье указательнымъ пальцемъ правой руки. Утверждаютъ, что сверчки пропадаютъ, если въ комнатѣ повѣсить живаго рака за клешню, покуда онъ начнетъ портиться; что симъ же способомъ, повѣсивъ рака на деревнѣ, можно согнать съ него всѣхъ гусеницъ; извѣстно, что самая близость сѣрныхъ ключей отнюдь не дозволяетъ разводить пчелъ; что газъ, употребляемый для освѣщенія комнатъ, хотя бы

онъ, по хорошему устройству снарядовъ, не распространялъ ни малѣйшаго запаха, вредитъ однако же цвѣтамъ и вообще растеніямъ, кои блекнутъ и листья съ нихъ обваливаются; что, сохраняя или перевозя въ бочкахъ и ящикахъ живыхъ раковъ, надобно остерегаться встрѣчи со свинымъ стадомъ; иначе раки внезапно всѣ засыпаютъ. Все это намеки такого рода, кои должны предостеречь насъ быть крайне осмотрительными въ приговорахъ своихъ. Но чтобы сверчки, тараканы, мыши ползли и бѣжали изъ дому передъ пожаромъ - этому конечно здравый разсудокъ отказывается дать вѣру. Или мыши и тараканы выбирались уже вслѣдствіе гари, т. е., ихъ выкурило, а черезъ сутки или болѣе пожаръ вспыхнулъ, или же злые люди когда нибудь воспользовались этимъ повѣрьемъ и сожгли домъ, изъ злобы, для грабежа, или просто для потѣхи, когда народъ замѣтилъ, что насѣкомыя выбираются изъ него и что быть худу. Говорятъ, если корова обнюхаетъ подойникъ, то молоко будетъ тягучее и легко ссядется; чтобы исправить это, должно напоить изъ подойника быка. Соленые огурцы должно встряхнуть въ кадкѣ или боченкѣ, въ день Воздвиженія, тогда они лучше держатся; солить же ихъ на молодой мѣсяцъ, какъ и вообще объ эту только пору дѣлать всѣ заготовленія впрокъ. Объ этомъ обстоятельствѣ необходимо сказать нѣсколько

словъ. Странно, что нѣкоторыя общеизвѣстныя истины упорно оспариваются или не признаются учеными нашими, тогда какъ господа ученые были бы обязаны наставлять народъ, указывать ему путь къ истинѣ и пользоваться для этого всѣми случайными открытіями, повѣряя ихъ на опытѣ и объясняя ихъ затѣмъ умозрѣніемъ, которое во всякомъ случаѣ тогда только строится не на вѣтеръ, когда ему неоспоримый опытъ служитъ основаніемъ. Всѣ хозяйки, хозяева и въ особенности мясники и солельщики въ цѣломъ свѣтѣ, въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, заготовляющіе солонину въ большомъ количествѣ для флотовъ, знаютъ очень хорошо, что солонина, приготовленная во время полнолунія, никуда не годится и очень скоро портится. Это есть неоспоримая истина, которую всякій можетъ испытать на дѣлѣ; онъ будетъ наказанъ за невѣріе свое и выкинетъ вскорѣ весь запасъ. Какъ и почему, этого мы не знаемъ; но я не вижу, почему бы этому не быть, когда разнообразное вліяніе солнца, луны и другихъ небесныхъ тѣлъ на землю нашу и ея произведенія воообще давно признано, хотя доселѣ еще удовлетворительнымъ образомъ не объяснено. Скажемъ то же объ отношеніяхъ извѣстнаго женскаго періода къ разнымъ веществамъ, въ особенности же къ такимъ, кои находятся въ броженіи; между прочимъ, женщинѣ въ это время не должно

подходить къ боченку, въ коемъ дѣлается уксусъ; иначе онъ испортится, не удастся. То же самое говорятъ и о хлѣбной квашнѣ. Увѣряютъ, что печеный хлѣбъ легко и скоро плѣсневѣетъ, въ то время, когда хлѣбъ на корню цвѣтетъ; что вино поэтому о ту пору легко портится и за нимъ нуженъ особый надзоръ; что объ эту же пору пятна краснаго вина, только не подкрашеннаго, гораздо легче вымываются изъ столоваго бѣлья, безъ употребленія къ тому особыхъ средствъ; что о ту пору, когда хлѣбъ цвѣтетъ, нельзя бѣлить холстовъ; словомъ, много есть въ народѣ и у хозяекъ нашихъ подобныхъ чудесъ на примѣтѣ, и я, не совѣтуя никому вѣрить всѣмъ имъ на слово, не думаю, однако же, чтобы было справедливо и благоразумно отвергать положительно все это, какъ нелѣпость, не удостовѣрившись въ томъ изъ многократнаго опыта.

Къ числу симпатическихъ привѣсокъ принадлежатъ, какъ упомянуто, ладанки, въ кои зашиваютъ, для охраненія отъ уроки, порчи, ладанъ и другія вещи и снадобья, иногда наговоренныя бумажки и проч. Туда же зашиваютъ такъ называемую природную сорочку младенцевъ, родившихся въ рубашкѣ. Случайное обстоятельство это, заключающееся въ томъ, что плена или кожа яйца, по крѣпости своей, иногда не прорывается во время родовъ, а выходитъ цѣльная, содержа въ себѣ ребенка, почитается

особеннымъ счастіемъ и предзнаменуетъ новорожденному всякаго рода благополучія. Смыслу въ этомъ конечно нѣтъ и быть не можетъ; не менѣе того, отъ этого повѣрья произошла и поговорка о счастливомъ человѣкѣ: онъ родился въ сорочкѣ.

XII.

ПРИМѢТЫ.

Въ древней рукописной книгѣ «Иконопись», можетъ быть частію переведенной съ греческаго, или позаимствованной у грековъ, вставлены тутъ и тамъ, между описаніями постановки, положенія и одежды, любопытныя замѣтки о тайнахъ живописи, въ родѣ слѣдующихъ:

«Подзолотой пробѣлъ краски творитъ на яйцо, а яйцо бы свѣжее было, желтокъ съ бѣлкомъ вмѣстѣ сбить гораздо, да тутъ закинуть соли, ино краска некорчитца, на зубу крѣпка. И первое разбить, процѣдить сквозь платъ.»

«Вначалѣ тереть мягко со олифою вохры, въ которой примѣшать шестую часть сурику. И истерши вложить въ сосудъ мѣдной и варить на огнѣ и прибавить малу часть скипидару, чтобъ раза 3 или 4 вскипало кверху, потомъ пропусти сквозь трепицы, чтобы не было сору, а какъ

будетъ варитца, то хотя прибавить смолы еловой чистой пропускной.»

«Трава на рѣкѣ на берегу растетъ прямо въ воду. Цвѣтъ у нея желтъ, и цвѣтъ отъ нея отщипать да ссушить. Да камеди положить и ентарю прибавить да стереть все вмѣсто и месить на пресномъ молокѣ. Пиши, что хошь, будетъ золото.»

«Взять яйцо свѣжее отъ курицы молодушки и выпусти изъ него бѣлокъ чистой и положи въ желтокъ ртути и запечатать сѣрою еловою и пложить подъ курицу, которая бъ по три цыпленка высиживала, и выпаря взять яйцо изъ-подъ курицы и смѣшать спичкою чистою и будетъ яко золото и пиши на чемъ хочешь, перомъ или кистью.»

Обратимся теперь ко второму разряду повѣрій, изобрѣтенныхъ первоначально для того, чтобы застращать человѣка, заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать то, чего напрямикъ добиться отъ него было бы несравненно труднѣе. Эти повѣрья каждый мальчишка затверживаетъ съ тятей и мамой, повинуется имъ безотвѣтно и слѣдуетъ имъ безотчетно. Напримѣръ: не сорить, не ронять ни одной крошки хлѣба, иначе будетъ голодъ и неурожай; другими словами: хлѣбъ дорогъ, береги его и уважай его, какъ нужнѣйшій намъ Божій даръ. Если кто за обѣдомъ, не доѣвъ

своего ломтя хлѣба, возьмется за другой, или отломитъ кусокъ отъ другаго, то кто нибудь изъ близкихъ голодаетъ или будетъ терпѣть нужду. Это, какъ повѣрье, глупо; но какъ правило житейское, хорошо и полезно. Не мокать хлѣба въ сольницу, потому что крошки туда падаютъ и соль, вещь покупная у мужика, засорится; не класть испеченный, особенно горячій хлѣбъ на горбушку, потому что она такъ легко отстаетъ и хлѣбъ въ промежуткѣ этомъ легко плѣсневѣетъ; кто ѣстъ хлѣбъ съ плѣсенью, будетъ хорошо плавать; другими словами: не прихотничайте, дѣти, ѣшьте сподрядъ хлѣбъ, каковъ ни есть. Скорлупу отъ выѣденныхъ яицъ должно давить на мелкія части, иначе, если она попадетъ на воду, то русалки построятъ себѣ изъ нея корабликъ и будутъ плавать, на зло и смѣхъ крещенымъ людямъ; а если скорлупа останется на дворѣ и въ ней накопится дождевая вода, да сорока напьется, то у того, кто выкинулъ скорлупу, будетъ лихорадка. Сущность дѣла, вѣроятно, та, что скорлупа, выкинутая цѣликомъ, поваживаетъ собакъ таскать яйца и даже учитъ куръ и утокъ наклевывать и выпивать ихъ. Кто, не разбирая постовъ, ѣстъ скоромное, у того будетъ рябая невѣста; почитая большимъ грѣхомъ не соблюдать постовъ, старики выдумали острастку эту для легкомысленныхъ ребятъ. Маленькимъ ребятишкамъ говорятъ также въ

постъ, что молочко улетѣло на березку, и указываютъ на перваго веселенькаго воробья. Муха во щи залетѣла - счастье, придумано, конечно, для успокоенія брюзгливыхъ и прихотливыхъ. Ѣсть и читать въ одно и то же время не годится; память проглотишь; и врачи наши даютъ то же наставленіе, подкрѣпляя его только болѣе дѣльными доводами. Свистать въ комнатахъ почитается или грѣхомъ, или дурнымъ предзнаменованіемъ; вѣроятно потому, что въ жиломъ покоѣ, гдѣ люди есть, не всякому пріятенъ свистъ шалуна, который этимъ многимъ досаждаетъ; чтобы застращать его, говорятъ, что отъ этого домъ пустѣетъ. Повѣрье моряковъ, что въ тихую погоду можно насвистывать вѣтеръ, который отъ свиста мало-по-малу свѣжѣетъ, должно отнести къ тому, что въ безвѣтріе отъ скуки и нетерпѣнія морякамъ нечего дѣлать, и надо чѣмъ нибудь позабавиться. Порожней колыбели не качать, а то дитя жить не будетъ; этимъ унимаютъ старшихъ баловней, отъ которыхъ и безъ того въ тѣсной избѣ некуда дѣваться. Новорожденную должно купать въ бѣломъ бѣльѣ, чтобы бѣла была и нѣжна. Это не дурно придумано, для того, чтобы заставить неопрятную мать или мамку не мыть ребенка въ грязномъ бѣльѣ, отъ котораго и вода вся дѣлается грязною; хотя многія этого не понимаютъ. Черезъ порогъ не здороваться;

поссоришься, либо дѣти нѣмыя будутъ. Невѣжливость здорованья черезъ порогъ, не давъ гостю войти, противна русскому хлѣбосольству; почему и придумали острастку. Не хорошо возвращаться, идучи отъ людей изъ дому, когда уже совсѣмъ собрался, одѣлся, простился и ушелъ, потому что это по-пустому тревожитъ хозяевъ; а если что забудешь и воротишься, то значитъ скоро опять свидѣться. Не заставляй пришивать пуговицы на себѣ, или зашивать платье, которое надѣто; пришьютъ тебѣ память. Это явно выдумка хозяекъ нашихъ, которымъ весьма неловко чинить платье на нетерпѣливомъ супругѣ, если онъ не хочетъ раздѣться и еще торопитъ. Кто свищетъ въ ключъ, занятіе не для всѣхъ слушателей пріятное, тотъ просвищетъ память, позабудетъ, гдѣ что положилъ. Кто сидя отъ бездѣлья ногами болтаетъ, тотъ чорта качаетъ; этимъ просто отучаютъ отъ дурной привычки. Ребенка до шести недѣль никому не показывать, т. е., не раскрывать и не выносить; ребенка до году не стричь, и притомъ стричь въ великій четвертокъ, разъ въ годъ! и многіе врачи совѣтуютъ то же, полагая, что стричь ребенка должно только на весну, а никогда попало. Беременной не велятъ заготовлять бѣлья для младенца, а то онъ жить не будетъ* . Это значитъ: такъ какъ ей работать и шить тяжеле, то ей обязаны помогать другія, а кто помогаетъ

обшивать невѣсту, тотъ помолодѣетъ - и это придумано съ добрымъ разсчетомъ. Кто, выстригшись, кинетъ куда нибудь волоса у того голова будетъ болѣть; должно собрать ихъ въ кучу, свертѣть и заткнуть подъ стрѣху или въ тынъ, подальше: это, при неопрятности крестьянъ нашихъ, не дурное правило; иначе, можетъ быть, по всей избѣ и по двору валялись бы кучи обстриженныхъ волосъ. Впрочемъ, о повѣрьяхъ, касательно соотношенiй разныхъ частицъ, взятыхъ отъ плоти нашей, къ живому тѣлу и объ основанныхъ на этомъ чарахъ, - было говорено выше. Коли домовой завьетъ у лошади по своему гриву, то не трогать ее, а то онъ разсердится и испортитъ лошадь: правда, космы въ гривѣ - это болѣзнь, родъ колтуна, и если ихъ остричь, то лошадь всегда почти захвораетъ. Порядочнымъ людямъ грѣшно купаться послѣ Ильина дня (20-го iюля); а послѣ Ивана постнаго (29-го августа) грѣшно уже всякому, даже и сорванцу; потому что въ концѣ iюля вода дрогнетъ, какъ говорится, и зацвѣтаетъ; а въ концѣ августа она холодна и ребятишки, набѣгавшись напередъ, легко простужаются. Яблоки грѣшно ѣсть до Спаса, а орѣхи прежде Воздвиженья; это основано на томъ, что до сихъ сроковъ яблоки и орѣхи рѣдко вызрѣваютъ и что ребятишекъ трудно удержать отъ незрѣлаго, нездороваго лакомства, если не настращать ихъ и не увѣрить, что это грѣшно.

Слово грѣшно, въ народномъ преданіи, отвѣчаетъ извѣстному табу островитянъ Южнаго океана и заключаетъ въ себѣ понятіе о строгомъ запрещеніи, не входя въ смыслъ, значеніе и причины его. Если кто бьетъ домашнихъ своизъ лучиной, какъ иногда привыкли дѣлать злыя старухи, тотъ самъ изсохнетъ какъ лучина; не дурно, если бы всѣ этому свято вѣрили. Кто въ большой праздникъ проспитъ заутреню, того купаютъ, бросаютъ съ размаху въ воду, или обливаютъ - обычай старинный, запрещенный даже особымъ указомъ 1721 года апрѣля 17-го. Вдова не должна быть въ церкви, когда вѣнчаютъ; потому что въ такое время вдова напоминаетъ молодымъ непріятное и тѣмъ нарушаетъ общее веселье. Ключей не класть куда попало на столъ, иначе выдетъ ссора въ домѣ, а класть ихъ всегда на опредѣленное мѣсто, въ сторонѣ. Это повѣрье удивительно полезно и справедливо: какъ только хозяйка станетъ раскидывать ключи по столамъ, куда попало, то непремѣнно вслѣдъ затѣмъ станетъ искать ихъ, обвинять и подозрѣвать другихъ, и выйдетъ брань и ссора. Перебираясь на новое жилье, въ старомъ не покидать сору, тряпья, черепковъ и проч. Во-первыхъ, это-де подастъ поводъ обвинять васъ въ колдовствѣ, а во-вторыхъ, и васъ можно надъ этимъ изурочить. Въ сущности же, полезное повѣрье это велитъ всякому, выбираясь изъ дому,

выметать хоть сколько нибудь жилье, гдѣ доведется вслѣдъ затѣмъ жить другому. Корова съ подойникомъ продается, а лошадь съ недоуздкомъ: это должна быть выдумка дешевыхъ покупателей и хозяйственныхъ скопидомокъ, и дѣло вошло въ обычай; продавцу, взявъ деньги, можно придать къ скотинѣ такую бездѣлку, притомъ и необходимую при самой покупкѣ, а покупателю все годится, какъ Осипу Хлестакова. Не должно спрашивать хозяйку, сколько у нея дойныхъ коровъ, сколько куръ несется, сколько насѣдокъ; это значитъ, кажется: не заботься о чужомъ хозяйствѣ. Съ кладбища, съ похоронъ, ни къ кому не заѣзжать; привезешь смерть въ домъ; или же, возвратившись, приложить ладони трижды къ печи: это не есть повѣрье простолюдина, а изобрѣтеніе нашихъ старушекъ, которыя боятся смерти и не любятъ объ ней вспоминать. Покойника должно какъ можно скорѣе снять съ постели и положить на столъ; душа его мучится за каждое перышко въ перинѣ и подушкѣ; это крайне дурное, безчеловѣчное повѣрье, которое причиною тому, что у насъ весьма нерѣдко человѣка еще заживо стаскиваютъ съ постели и тормошатъ на всѣ лады, также придумано досужливыми вѣщуньями, коимъ вездѣ и до всего дѣло и которыя не могутъ дождаться часу, гдѣ до нихъ дойдетъ очередь распоряжаться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

безсмысленная и наглая услужливость ихъ доходитъ до того, что онѣ стаскиваютъ умирающаго съ одра смерти и торопятся обмыть и одѣть его, покуда онъ еще не остылъ, можетъ быть, покуда онъ еще дышитъ. Первоначально всѣ обычаи, относящіеся къ этой торопливости, возникли, вѣроятно, отъ желанія кончить, какъ можно скорѣе, печальные обряды и дать осиротѣвшимъ покой; но это употребили во зло, самымъ непростительнымъ, безчеловѣчнымъ образомъ. Повѣрье, что у грѣшника ангелы душу сквозь ребра вынимаютъ, чтобы она только не досталась сатанѣ, принадлежитъ къ числу вымысловъ поэтическихъ и также къ числу суевѣрныхъ острастокъ; подробный разсказъ о томъ, какъ это дѣлается, можетъ быть удержитъ инаго отъ дурнаго поступка.

Если гости уйдутъ домой, послѣ обѣда или ужина, прежде, чѣмъ скатерть снята со стола, то женихи откажутся отъ хозяйскихъ невѣстъ; у насъ говорятъ, вмѣсто этого, просто: невѣжливо бѣжать отъ стола, какъ отъ корыта, и это выходитъ на то же. Какое-то естественное приличіе требуетъ посидѣть, поблагодарить хозяйку, дать ей время управиться немного съ хозяйствомъ и не принимать такого вида, будто пришелъ съ тѣмъ только, чтобъ накушаться и уйти. Разбить посуду, стекло во время какого нибудь пира или празднества, свадьбы, крестинъ

и пр., хорошая примѣта. Безъ сомнѣнія, это хорошее повѣрье сочинено для того, чтобы разбитая рюмка или стаканъ не нарушили спокойствія и удовольствія хозяйки, а съ тѣмъ вмѣстѣ не лишили бы гостей веселаго расположенія. Кто змѣю убьетъ, тому прощается 40 грѣховъ. Это поощреніе, конечно, изобрѣтено бабами, которыя боятся змѣй. Кто 40 покойниковъ проводитъ, тому отпускается три тяжкіе грѣха; выдумка охотницъ до кутейныхъ пирушекъ. Не годится прощаться и уходить, если у хозяйки не допита чашка чаю, и точно, не годится, можно обождать, покуда она ее допьетъ. Бабѣ грѣшно рѣзать или колоть птицу, а четвероногое животное и подавно; это долженъ дѣлать мужчина. Въ этихъ повѣрьяхъ обычай, приличіе, взаимныя правила житейской вѣжливости соединяются въ суевѣріи; оно заставляетъ народъ исполнять то, что другими способами трудно было бы завести. Въ послѣднемъ по мѣрѣ мы видимъ отговорку или оправданіе женщинъ, коихъ чувство противится нанесенію смертнаго удара, или у коихъ рука не поднимается на утку или курицу.

Обратимся к третьему разряду повѣрьевъ, къ такимъ, кои въ сущности своей основаны на опытѣ, на замѣчаніяхъ, но которыя при всемъ томъ къ каждому частному случаю примѣнены быть не могутъ, потому что въ нихъ есть только

общій смыслъ. Сюда относятся замѣчанія о погодѣ, объ урожаѣ, или такъ называемый календарь земледѣльца. Зима безъ трехъ подзимковъ не живетъ; черезъ 6 недѣль послѣ перваго снѣга съ морозомъ, становится зима; въ день Благовѣщенія и Свѣтлаго Христова Воскресенія бываетъ одинаковая погода; въ день Алексѣя Божьяго человѣка, 17-го марта, разверзаются всѣ подземные источники; въ день Преполовенія, и въ день Казанскія Богоматери, 22 октября, всегда идетъ дождь: въ день Иліи пророка всегда бываетъ громъ - а къ этому уже досужіе толкователи прибавляютъ: а если не будетъ грома, то въ этотъ годъ кого нибудь убьетъ грозою или зажжетъ домъ. Рѣки вскрываются, когда дня бываетъ 14 часовъ, это повѣрье со средней Волги, и тамъ оно подходитъ довольно близко къ истинѣ. Если бѣлякъ заяцъ рано бѣлѣетъ, и когда зайцы съ осени жирны, когда хомякъ таскаетъ рано большіе запасы, - то будетъ внезапная и холодная зима. Если пчелы рано закупориваются, то будетъ ранняя и строгая зима, и наоборотъ: когда онѣ заводятъ въ другой разъ дѣтку, то будетъ продолжительная и темная осень. Не знаю, до какой степени всѣ эти примѣты вѣрны, но нельзя утверждать, чтобы у животныхъ не было какого-то, для насъ вовсе непонятнаго, предчувствія относительно погоды. Извѣстно, напримѣръ, всякому, что скотина

глухо мычитъ передъ дождемъ и бурей, дышитъ и роетъ землю; собака скучаетъ и ѣстъ траву; петухи кричатъ взапуски съ лягушками; воробьи и утки купаются въ пыли, на сухой землѣ; галки съ крикомъ вздымаются высоко, роями; ласточка ширяетъ низко; на морѣ морская свинка играетъ, бурная птица является внезапно и скользитъ по волнамъ; на этомъ и основаны живые барометры; зеленая лягушка, піявица, рыба вьюнъ, предвѣщаютъ довольно вѣрно погоду, если держатъ ихъ въ склянкѣ съ водою. Нерѣдко человѣкъ предчувствуетъ ведро и ненастье: мозоли болятъ, пальцы горятъ, ломота появляется въ раненыхъ или ушибенныхъ членахъ и проч. Есть люди, кои безотчетно, по какому-то темному, но вѣрному чувству, угадываютъ близость кошки, какъ бы она ни спряталась. Если солнце красно заходитъ, то на другой день будетъ вѣтренно; если пасолнца является, то это на морозъ. Передъ ненастьемъ, табакъ льнетъ къ крышѣ табакерки, какъ замѣчаютъ табачники; передъ ведромъ крышка ослабѣваетъ. Горничныя наши знаютъ, что послѣ дождя и передъ вѣтромъ подушки и перины дѣлаются, какъ онѣ говорятъ, легче, выше вздуваются. Такимъ образомъ, разсматривая собственно повѣрья, основанныя на правильныхъ замѣчаніяхъ, но не всегда вѣрно примѣняемыя, мы невольно опять возвратились къ повѣрьямъ

сочувственнымъ или симпатическимъ, какъ мы и впередъ оговорились, сказавъ что всѣ принятые нами разряды незамѣтно другъ въ друга переходятъ. Если лучина трещитъ, когда горитъ, и мечетъ искры, то будетъ ненастье. Это довольно вѣрно; значитъ, лучина отсырѣла болѣе обыкновеннаго и воздухъ вообще сыръ. Если кошка спитъ, подвернувъ голову подъ брюхо, то это зимой на морозъ, а лѣтомъ къ ненастью. Сюда же принадлежатъ повѣрья и примѣты относительно ожидаемаго урожая, и между ними есть такія, кои достойны всякаго вниманія; напримѣръ: крестьянинъ замѣчаетъ, какъ колосъ зацвѣтаетъ: снизу, со средины, или сверху; чѣмъ ниже, тѣмъ дешевле будетъ хлѣбъ, а чѣмъ выше, тѣмъ дороже. Другими словами: здоровый и обильный колосъ всегда долженъ зацвѣтать снизу; тогда можно надѣяться урожая, если градъ не побьетъ и червь не поѣстъ, и тогда хлѣбъ будетъ дешевъ; а чѣмъ выше колосъ зацвѣтаетъ, тѣмъ менѣе онъ дастъ, потому что плевелки ниже цвѣта всегда бываютъ пусты и не даютъ зерна, и, стало быть, тѣмъ дороже будетъ хлѣбъ. Зимняя опока на деревьяхъ обѣщаетъ, какъ говорятъ, хорошій урожай на хлѣбъ; урожай на орѣхи обѣщаетъ обильную жатву хлѣба на грядущій годъ, по-крайней мѣрѣ замѣчено, что сильный урожай на орѣхи и на хлѣбъ никогда не бываетъ вмѣстѣ; что кромѣ того никогда не бываетъ

большаго урожая на орѣхи два года сряду; стало быть, при обиліи въ орѣхахъ, ихъ на слѣдующій годъ не будетъ, а вѣроятно будетъ урожай на хлѣбъ. Когда рябина сильно цвѣтетъ, то будетъ, говорятъ, урожай на овесъ; много ягодъ на рябинѣ предвѣщаетъ строгую зиму, можетъ быть, если предположить, что природа заготовляетъ на этотъ случай кормъ для птицы. Посему и заготовляютъ тогда рябинный квасъ, слабительный и прохладительный, предсказывая на зиму воспалительныя болѣзни, неразлучныя со строгою зимою. Если день Богоявленія (января 6) теплый, то хлѣбъ будетъ темный, т. е. густой; если ночь звѣздистая, то будетъ много ягодъ; а если, во время посѣва, у жуковъ подъ брюхомъ много яичекъ (вшей), то будетъ урожай; если они на переднихъ лапкахъ, то должно сѣять ранѣе, если на среднихъ, то позднѣе, а если на заднихъ, то еще позже. Послѣднія примѣты, вѣроятно, одна только шутка. На средокрестной недѣлѣ великаго поста, постъ преломляется пополамъ, пекутъ кресты, а ребятишекъ покрываютъ рѣшетомъ или кадкой и бьютъ сверху палкой, чтобъ слышали и помнили, какъ постъ переломился пополамъ. Судя по цѣнамъ въ день Ксеніи полузимницы или полухлѣбницы (янв. 24), заключаютъ объ урожаѣ и о цѣнахъ на хлѣбъ во весь предстоящій годъ. Съ этого дня остается ждать новаго хлѣба столько же времени, сколько

ѣли старый. Февраль - широкія дороги - 4-го марта Герасима Гречевника. Въ день 40-ка мучениковъ, 9-го марта, прилетаютъ сороки и жаворонки, почему и пекутъ 40 жаворонковъ. Марта 17-го, Алексія Божьяго человѣка: Алексѣя съ горъ потоки, съ горъ вода, а рыба со стану, т. е., рыба трогается съ зимовья и трется подъ берегами. Марта 19-го Хрисанфа и Даріи; Даріи, желтыя проруби, замарай проруби; Марта 25-го, Благовѣщеніе, если морозъ, то будетъ много огурцовъ. Апрѣля 1-го, Маріи Египетской, зажги снѣга, или заиграй-овражки. Апрѣля 3-го ап. Иродіона: уставь или заставь соху, пора пахать подъ овесъ; когда заквакаютъ лягушки, то пора сѣять овесъ; когда появятся крылатые муравьи, сѣютъ хлѣбъ. Овесъ сѣять хоть въ воду, да впору; а рожь, обожди часокъ, да посѣй въ песокъ. Въ великій четвертокъ морозъ, такъ и подъ кустомъ овесъ; а озимь въ засѣку не кладутъ, т. е., не вѣрь всходамъ съ осени. Снѣгу много, хлѣба много, говоритъ народъ. Апреля 16-го, Ирины разрой берега. Апрѣля 25-го, Великомученика Георгія, выгоняютъ скотину. Если дождь, то въ этотъ годъ скотъ хорошо пойдетъ. Георгій везетъ корму въ торокахъ, а Никола (9 мая) возомъ. Мая 5-го, Ирины разсадницы: сѣютъ капусту. Это же время считается вѣтрянымъ и потому удобнымъ для паловъ, для выжиганія полей, потому что палъ,

для безопасности, всегда пускается по вѣтру туда, гдѣ неопасно. Мая 13-го, муч. Гликеріи, Лукерья-комарница, появляются комары. Мая 14-го Исидора, садятъ огурцы. Мая 18-го, семи дѣвъ: сѣютъ первый ленъ. Мая 21-го Константина и Елены: ранній ленъ и поздняя пшеница. Мая 29-го, Ѳеодосіи волосяницы: рожь колосится. Мая 31-го, Еремія повѣсьсѣтево: т. е., кончай посѣвъ. Іюня 13-го, Акулины гречушницы: сѣютъ греху. 1-го іюля, Казанскія Богоматери, лучшій день для сбора касмахи или червца, который будто собирается изо всей окружности подъ одинъ кустъ; кто найдетъ его, найдетъ много вдругъ. Іюня 20, пророка Иліи: если дождь, то будетъ мало пожаровъ; всегда-бываетъ громъ и гдѣ нибудь убиваетъ человѣка. Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ еще, что въ этотъ день дана воля всѣмъ гадамъ и лютымъ звѣрямъ, а потому и нельзя выгонять скотину въ поле. Иные вѣрятъ также, что въ день Рождества Христова скотину не должно выпускать изъ хлѣвовъ. Въ Стефановъ день поятъ лошадей черезъ серебро. Августа 1-го, происхожденіе св. Древъ: первый Спасъ; можно ѣсть яблоки. Августа 13-го, Флора и Лавра, кончай посѣвъ ржи. Августа 23, св. Луппа, морозомъ овесь лупитъ; первые утренники. Безъ воды зима не станетъ; дожди, потомъ слѣдуютъ подзимки, а тамъ морозы, которые раздѣляются на никольскіе, рождественскіе, крещенскіе,

афанасьевскіе, стрѣтенскіе, и наконецъ мартовскіе заморозки. Оттепели должны быть: михайловскіе, 3-го ноября; введенскіе, 21-го ноября и проч. Августа 29-го, Іоанна Предтечи: не варятъ щей, потому что кочанъ капусты напоминаетъ усѣченную голову. Сентября 1-го, бабье лѣто, начало женскимъ сельскимъ работамъ; сентября 14-го Воздвиженіе, кафтанъ съ шубой сдвинулся. Октября 22-го, Парасксвіильняницы; пора мять ленъ. Ноября 26-го, Егорій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ, декабря 6-го. О зимнемъ пути говорятъ: либо недѣли не доѣдешь до Благовѣщенья, либо недѣлю переѣдешь. Первый прочный, постоянный снѣгъ выпадаетъ ночью, а денной сходитъ; это довольно вѣрно. 12-го декабря, солнце поворотилось на лѣто, а зима на морозъ. Если въ день Рождества Христова много инею, опоки на деревьяхъ, то будетъ урожай на хлѣбъ. Въ день Наума, 1-го декабря, въ Малороссіи отдаютъ дѣтей въ школу, полагая, что они тогда болѣе ума наберутся.

Въ южной Руси частью тѣ же, частью и другія повѣрья, о погодѣ, урожаѣ и проч., и въ особенности замѣчается игра словъ или созвучій, подающихъ поводъ къ повѣрью; наприм., 23-го іюня, Іоанна Предтечи, смѣшиваютъ съ Крестителемъ и съ Купалою языческимъ и называютъ день Ивана-Купалы; Пантелеймона (27-го іюня) называютъ Палій и боятся въ этотъ

день грозы; празднуютъ, мая 11, обновленіе Царяграда, иначе хлѣбъ выбьетъ градомъ; іюня 24, Бориса и Глѣба, называютъ барышъ день, и празднуютъ его для полученія во весь годѣ барышей; если іюля 19: въ день Макрины, ясно, то осень будетъ сухая, а если мокро, такъ ненастная. 26-го января, Ксеніи полухлѣбницы или полузимницы, замѣчаютъ цѣны на хлѣбъ: если поднялись, будетъ дорогъ, если нѣтъ, то наоборотъ. Февраля 9-го, въ день Срѣтенія Господня, лѣто встрѣчается съ зимою; коли снѣгъ мететъ черезъ дорогу, то будетъ поздняя весна, а коли не мететъ, то ранняя, и проч.

Къ сему же и частью къ предъидущему разряду принадлежатъ и слѣдующія повѣрья, не относящіяся до календаря земледѣльца: если выкинетъ изъ трубы, то должно опустить въ нее живаго гуся: распустивъ въ испугѣ крылья, гусь, при этомъ паденіи, можетъ иногда погасить пламя. Извѣстныя пятнышки на лицѣ, въ родѣ веснушекъ, появляющіяся временно у женщинъ, называютъ метежами, и говорятъ, что внезапное появленіе ихъ есть вѣрный признакъ беременности. Въ этомъ повѣрьѣ есть истина; но она отнюдь не безусловна. Телятину ѣсть считаютъ грѣхомъ; вѣроятно, это произошло отъ хозяйскихъ разсчетовъ: во-первыхъ, деревенскія коровы перестаютъ доиться безъ телятъ; вовторыхъ же, не разсчетъ съѣсть теленка, изъ

котораго черезъ 2, 3 года выйдетъ полнорослая скотина. Кромѣ того, почитаютъ грѣхомъ ѣсть голубей, какъ священную птицу; не ѣдятъ зайцевъ и всѣхъ вообще слѣпорожденныхъ животныхъ и однокопытчатыхъ, т. е., съ нераздвоенными копытами, вѣроятно, на основанiи Ветхаго Завѣта. Угря не ѣдятъ, не признавая его рыбой; а какъ, по пословицѣ, въ полѣ и жукъ мясо, то разрѣшаютъ ѣсть угря, когда въ семи городахъ нельзя будетъ найти рыбы. Сома не ѣдятъ, потому что сомъ чортовъ конь; рыба эта жирна, не вкусна и нездорова, кромѣ плеса, который идетъ въ пирогъ. Раковъ не вездѣ ѣдятъ; уральскiе казаки называютъ ихъ водяными сверчками и выкидываютъ изъ сѣтей. За то во многихъ мѣстахъ простолюдины не брезгаютъ грачами, галками и воронами; но сорокъ нигдѣ не ѣдятъ; а по увѣренiю бывалыхъ людей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россiи запекаютъ въ пироги полевыхъ мышей, подъ названiемъ житничковъ. Очень умно, если это дѣлается; но я нигдѣ толкомъ не могъ о томъ доспроситься.

Ямщикъ, если вы нанимаете его на протяжныхъ, ни за что не повезетъ барыню съ кошкой, увѣряя, что отъ кошки лошади худѣютъ; отъ табаку, напротивъ, по увѣренiю извощиковъ, лошади добрѣютъ, и потому табакъ для нихъ кладь желанная. Извощики, съ коими рядились для отвоза изъ Ромна шерсти и табаку, за

провозъ послѣдняго дѣлали маленькую уступку. Если вѣрить другому повѣрью, что чепракъ изъ барсовой кожи вреденъ для лошади, то можно допустить также однородное вліяніе кошки; я говорю только, что подобное дѣло сбыточно, хотя и не совсѣмъ вѣроятно. Такъ напримѣръ, извѣстное вліяніе кошки же на змѣю весьма замѣчательно: змѣя не боится самой злой собаки, напротивъ, самая злая и смѣлая собака сильно пугается змѣй; но лишь только подойдетъ къ ней кошка, какъ змѣя мгновенно свертывается въ клубокъ и, схоронивъ голову, лежитъ не смѣя дохнуть, не бѣжитъ, не защищается, и кошка смѣло ее грызетъ. Индюшки также заклевываютъ змѣй, преслѣдуя ихъ съ остервененіемъ; овцы пожираютъ ядовитыхъ тарантуловъ, отъ укушенія коихъ другія животныя умираютъ, по-крайней-мѣрѣ долго хвораютъ.

Суевѣріе, будто у скопы ядовитые когти, вѣроятно, вышло просто изъ того, что скопа довольно странная птица, соединяющая въ себѣ свойства хищныхъ и водяныхъ птицъ; она питается рыбой, хватая ее не клювомъ, а когтями.

Выше говорили мы объ остаткахъ язычества; христіанство вытѣснило ихъ изъ области вѣры, и они нашли пріютъ въ повѣрьяхъ или суевѣріяхъ.

Нельзя не отнести сюда всѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ, соединенныхъ у простолюдиновъ съ обрядами вѣры; ихъ много; всѣ пересчитать

трудно. Обращаются, напримѣръ; въ извѣстныхъ случаяхъ, съ молитвою исключительно къ тому или другому св. угоднику, полагая, что тогда молитва будетъ лучше услышана; молятся отъ слѣпоты - Казанской Богоматери; отъ глазныхъ болей - Минѣ Египтянину, Лаврентію Архидіакону, Логину сотнику; отъ болѣзней вообще, Богородицѣ Всѣхъ Скорбящихъ; отъ головной боли - Іоанну Предтечѣ; отъ зубной боли св. Антипію; отъ лихорадки - св. Марою, также Фотиніи или Василію Новому; отъ грыжи, - Артемію; отъ безчадія, - Роману чудотворцу, также св. Ипатію; отъ трудныхъ родовъ: - Богородицѣ Ѳеодоровской или св. Екатеринѣ, если мужъ возненавидитъ жену - св. Гурію, Самону и Авивѣ; о согласіи супруговъ - св. Евангелистамъ; о здравіи младенцевъ - Богородицѣ Тихвинской, Симеону Богопріимцу; отъ родимца - св. Никитѣ; отъ оспы, Конону Саврійскому; о просвѣщеніи разума на грамоту - Козмѣ и Деміану; на иконное писаніе: Іоанну Богослову; о сохраненіи отъ смерти безъ покаянія, - св. Палсію; объ изгнаніи лукавыхъ духовъ - св. Нифонту, или Марофу; о сохраненіи цѣломудрія - Мартиміану, Іоанну многострад., Моисею Угрину, Финаидѣ; отъ запоя - Вонифатію, также Моисею Мурину; отъ грозы - Богородицѣ Неопалимой Купины, также Никитѣ Новгородскому; о ведренной погодѣ - св. Иліи;

отъ потопа и бѣды на войнѣ и на морѣ - св. Николаю Чудотворцу; отъ скотскаго падежа - св. Медосту, также Власію; отъ конскаго падежа - св. Флору и Лавру; о сохраненіи скота отъ звѣря - св. Георгію; онъ же защитникъ дѣвицъ и покровитель сельскихъ работъ; объ овцахъ, св. Мамонту, или св. Анастасіи; о свиньяхъ, - св. Василію Великому; о пчелахъ - св. Зосимѣ и Савватію; о курахъ - св. Козмѣ и Деміану, или св. Сергію; о гусяхъ - св. муч. Никитѣ; о рыболовствѣ - св. Ап. Петру; о добромъ снѣ и грезахъ - девяти мученикамъ; отъ вора и обидчика, Іоанну Воину; о обрѣтеніи покражи и бѣжавшихъ рабахъ - Ѳеодору Тирону; о укрощеніи гнѣва человѣка - Прор. Давиду; отъ очарованія - св. Кипріану и Устиніи, - и проч.

Многія изъ принадлежащихъ сюда повѣрьевъ до того тѣсно связаны съ народною поэзіею, что настоящій ихъ источникъ не всегда можетъ быть указанъ, особенно при малыхъ свѣдѣніяхъ нашихъ и до-христіанскомъ русскомъ мірѣ, въ существѣ своемъ также поэтическомъ. Сюда принадлежатъ обычаи, повѣрья и обряды въ различные праздники, столь подробно описанные г. Снѣгиревымъ. Наприм. игры и обрядъ на Ивана Купала, колядованье на Рождество, щедрованье на Новый годъ, семикъ и проч. Сюда же принадлежитъ повѣрье, что въ пятницу грѣшно работать, а наши субботники, или русскіе жиды,

шабашатъ въ субботу; также обычай опахивать въ полночь деревню, впрягая дѣвокъ въ соху, чтобы избавиться отъ мора, отъ скотскаго падежа. Бабы и дѣвки ѣдутъ, вѣрхомъ на помелахъ и лопатахъ, и убиваютъ до смерти первую попавшуюся на встрѣчу живую тварь; это неистовыя вакханаліи, шабашъ вѣдьмъ, гдѣ въ прежнія времена нерѣдко случались убійства, для избавленія околодка отъ чумы. Вмѣсто того заливаютъ также въ одну ночь во всей деревнѣ огонь, а тамъ разносятъ по всѣмъ дворамъ древесный или живой огонь, добытый треніемъ; для него устраиваютъ родъ деревяннаго точила, которое послѣ хранятъ въ тайномъ мѣстѣ. Этимъ же огнемъ поджигаютъ разложенное въ разныхъ мѣстахъ курево. Это средство извѣстно по всей южной и восточной границѣ Россіи, начиная съ Чернаго моря до Китая. Есть еще иное средство отъ падежа на скотъ: должно согнать съ вечера внезапно весь скотъ на одинъ дворъ и обставить его строго карауломъ. Съ разсвѣтомъ хозяева должны сами разбирать скотину, каждый свою, выпуская ее осторожно по одной изъ ограды; останется одна корова лишняя, ничья: это-то и есть самая моровая, или коровья смерть, и ее должно взвалить на полѣницу и сжечь живьемъ. Эти повѣрья постепенно переходятъ къ поэтическимъ вымысламъ, въ коихъ видна игра воображенія, или духъ времени, или просто иносказаніе и народная поэзія,

принимаемая нынѣ нерѣдко въ прямомъ, насущномъ смыслѣ за наличную монету. Напримѣръ: въ Благовѣщенье птица гнѣзда не вьетъ; если же она завьетъ гнѣздо или проспитъ заутреню, то у нея на время отымаются крылья и она дѣлается пѣшею. Къ послѣднему повѣрью, вѣроятно, подали поводъ подлини, птица, у коей правильныя перья вылиняли и которую тогда можно ловить руками. Въ день 40-ка мукниковъ, 9-го марта, когда пекутъ жаворонковъ, увѣряя, что они непремѣнно въ этотъ день прилетаютъ, говорятъ также, что сорока положила уже 40 палочекъ въ гнѣздо свое. Въ южной Россіи, ласточка есть представительница чистоты христіанской; воробей же, напротивъ, представитель жидовства. Къ повѣрью, что птица въ Благовѣщенье не вьетъ гнѣзда, присовокупляютъ: кромѣ окаяннаго воробья, который не знаетъ праздника. Въ день Благовѣщенья и въ Свѣтлое Воскресенье, между заутреней и ранней обѣдней, солнышко отъ радости играетъ, въ чемъ не трудно убѣдить кого угодно, заставивъ его смотрѣть прямо на солнце, оно заиграетъ въ глазахъ. Въ Петровъ день, 29-го іюня, солнце играетъ радугой на восходѣ, то выказывается, то опять прячется; въ ночь Іоанна Крестителя, на 6-е января, вода въ проруби играетъ и плещетъ. Если курица снесетъ яйцо въ Благовѣщеніе и его подсылить насѣдкѣ, то

непремѣнно выйдетъ уродъ. Во все время между Рождествомъ и маслиной, гдѣ цѣлый рядъ праздниковъ, грѣшно прясть. Если дѣвка, или баба шьетъ, работаетъ въ заговѣнье, или по праздникамъ, то у нея будутъ заусеницы и ногтоѣдъ. Кто въ ночь родительской субботы, послѣ трехдневнаго поста, придетъ съ молитвой на погостъ, тотъ увидитъ тамъ тѣни тѣхъ, кому суждено умереть въ теченіе года. Повѣрье это принадлежитъ южной Россіи и Украинѣ. Есть много преданій о томъ, что испытали и видѣли на томъ свѣтѣ обмиравшіе и очнувшіеся впослѣдствіи люди: страшные, для суевѣровъ, разсказы эти обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что трехъ словъ нельзя сказать, нельзя выговорить; это было имъ запрещено и языкъ отымается при всякой къ тому попыткѣ; а въ этихъ-де трехъ словахъ и заключается все главное и существенное. На Украйнѣ, каждый человѣкъ, отговѣвъ, покупаетъ вязанку бубликовъ (баранковъ) и дѣлитъ ее со всѣми пріятелями, чтобы увидѣться съ ними на томъ свѣтѣ. При первомъ ударѣ колокола, во время благовѣста, мужикъ не перекрестится; за вторымъ перекрестится, за третьимъ поклонится. Коли звѣзда падаетъ, то это ангелъ за душой усопшаго полетѣлъ; а если успѣешь, не давъ угаснуть этой искоркѣ, пожелать чего нибудь, то оно исполнится; ангелы на этомъ перелетѣ никому ни

въ чемъ не отказываютъ. Остригши ногти, собирать обрѣзки въ одно мѣсто; на томъ свѣтѣ придется по крутой горѣ лѣзть и ногти пригодятся. Это повѣрье принадлежитъ раскольникамъ. Для той же причины не велятъ бить кошекъ; онѣ тогда снабдятъ изъ дружбы своими когтями. Когда убираютъ подъ вѣнецъ невѣсту, то почетная, счастливая супруга должна ей вдѣть серьги; тогда молодая будетъ счастлива. Изстари водилось, что братъ невѣстинъ или другой мальчикъ долженъ въ продолженіе дѣвишника укладывать жениховы подарки, на дому у жениха, который привозитъ ихъ невѣстѣ; мальчикъ же долженъ обуть невѣсту подъ вѣнецъ, подвязать ей подвязку и продать жениху косу ея; молодая, въ знакъ покорности, разуваетъ молодаго, у котораго въ сапогахъ плеть и деньги; ударивъ жену слегка, онъ ее награждаетъ. У крестьянъ, новобрачныхъ укладываютъ не въ жилой избѣ, а въ пустой клѣти или другомъ мѣстѣ; стелютъ постель изъ сноповъ, и кладутъ именно 21 снопъ; дарятъ младенца на зубокъ, дарятъ и родильницу, подкладывая тайкомъ деньги подъ подушку. Во время вѣнца кто первый изъ новобрачныхъ ступитъ на подножіе, тотъ будетъ властвовать; у кого свѣча длиннѣе остается, или у чьихъ дружекъ, тотъ долѣе проживетъ; если вѣнецъ, для облегченія не надѣваютъ на голову невѣсты,

то народъ считаетъ такой бракъ недѣйствительнымъ, незаконнымъ, и предсказываетъ бѣду; если же надъ головою уронятъ вѣнецъ, то и подавно. Молодыхъ иногда осыпаютъ деньгами, хмѣлемъ и хлѣбомъ; впрочемъ, большая часть сихъ и множество другихъ, сюда относящихся, обычаевъ, не принадлежатъ собственно къ повѣрьямъ, а именно къ обычаямъ и къ числу празднествъ. Въ иныхъ мѣстахъ кладутъ подъ порогъ замокъ, въ то время, когда молодые идутъ къ вѣнцу, и лишь только они перешагнутъ порогъ, какъ вѣщія старухи берутъ замокъ, запираютъ его и хранятъ, а ключъ закидываютъ въ рѣку; отъ этого молодые будутъ жить хорошо. Если баба заспитъ младенца, то онъ, по народному повѣрью, дѣлается оборотнемъ, или по-крайней-мѣрѣ не будетъ принятъ въ число праведниковъ. Кромѣ того, мать должна идти на покаяніе и стоять 3 ночи въ церкви, очертившись кругомъ; въ первую ночь бѣсы будутъ только дразнить и казать ей младенца; во вторую будутъ его мучить и приглашать ее, чтобы она вышла изъ круга и взяла его; въ третью замучатъ его въ глазахъ матери до смерти, а сами исчезаютъ съ первыми пѣтухами, покинувъ трупъ. Мать должна вынести все это; если же она перешагнетъ завѣтный кругъ, то сама сгинетъ. Встарину родители иногда скрывали крестное имя дитяти, его называя вовсе

инымъ, въ увѣренности, что человѣка нельзя испортить, изурочить, не зная имени его. Есть изрѣдка также обычай, особенно когда дѣти не долговѣчны, чтобы вслѣдъ за народившимся младенцемъ выйти на улицу, дать ребенку имя перваго встрѣчнаго человѣка и даже звать этого человѣка въ кумовья. Въ прощеный день (воскресенье, передъ чистымъ понедѣльникомъ) дарятъ другъ друга куличемъ, или огромнымъ пряникомъ (фигура), съ солдатиками или надолбами по краямъ и съ чашкой посрединѣ; такой же пряникъ везутъ молодые, на другой день брака, къ родителямъ, которые имъ кладутъ деньги или подарки на пряникъ. Если смочитъ поѣздъ свадебный, то это счастье, какъ и вообще дождь означаетъ благодать, обиліе. Усопшихъ младенцевъ непремѣнно подпоясывать: во-первыхъ, для того, чтобы ихъ на томъ свѣтѣ по первому взгляду можно было распознать отъ татарчатъ и жиденятъ; во-вторыхъ, чтобы малюткамъ, гуляя по вертоградамъ небеснымъ, можно было собирать за пазуху виноградъ. Если ребенокъ умираетъ, то подать его нищенкѣ христа-ради въ окно; коли та, ничего не зная, приметъ его, помолится и посадитъ подъ избой, то будетъ живъ. Затмѣнія, какъ извѣстно, предзнаменуютъ, въ глазахъ народа, бѣдствія, чему вѣрили невѣжды почти во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ. Явленія эти весьма

приноравливались къ событіямъ настоящимъ, будущимъ или прошедшимъ и по необычайности своей всегда поражали умы народа и настроивали ихъ на ожиданіе чудесъ или бѣдствій.

У раскольниковъ есть много странныхъ повѣрьевъ, нерѣдко порожденія довольно дикаго, необузданнаго воображенія, кои иногда основаны на безграмотной игрѣ словъ: кто пьетъ чай, отчаявается отъ Бога; кто пьетъ кофе, налагаетъ ковъ на Христа; хмѣль и табакъ произросли на могилѣ знаменитой блудницы, - хмѣль изъ головы, а табакъ изъ чрева. На этомъ основаніи вѣроятно хмѣль считается у нихъ благороднѣе табака, и многіе раскольники не чуждаются его, тогда какъ табаку всѣ они не терпятъ, называя его смертельнымъ грѣхомъ. Раскольники въ особенности настоятельно требуютъ, чтобы остриженные ногти класть съ ними вмѣстѣ въ гробъ, и даже носятъ обрѣзки эти въ перстняхъ. Земля, по народному повѣрью, лежитъ на трехъ рыбахъ, китахъ, или даже на четырехъ; но одинъ изъ нихъ умеръ, отчего и послѣдовали потопъ и другія перевороты; когда же перемрутъ они всѣ, то послѣдуетъ преставленіе свѣта. Между тѣмъ, когда киты эти, отлежавъ бока, начинаютъ оправляться да повертываться, то бываетъ трусъ, землетрясеніе. Иные, напротивъ того, утверждаютъ, что свѣтъ стоитъ на трехъ слонахъ. Прежде насъ жили на свѣтѣ волоты, великаны, а

послѣ насъ будутъ пыжики, т. е. карлы. Народное повѣрье волотамъ назначаетъ мѣсто жительства въ вологодской сторонѣ; вѣроятно этому подало поводъ одно только сходство звуковъ. Народъ ожидаетъ преставленія свѣта непремѣнно въ одну изъ великихъ субботъ, передъ Троицей. Если по торной дорогѣ подымается столбовой вихорь, то это чортова свадьба, вѣдьма съ сатаной вѣнчается, или, по-крайней-мѣрѣ, возится; а потому, если кинуть въ вихорь этотъ ножъ, то онъ будетъ въ крови. Чума летаетъ уткой, а голова и хвостъ у нея змѣиные. Не садиться по 13-ти человѣкъ за столъ и не подавать другому соли; если два повѣрья, какъ всякому извѣстно, напоминаютъ измѣну Іуды. Не дарить ни ножа, ни ножницъ, не принимать булавки, развѣ уколоть слегка подателя, или отдать грошъ, т. е. купить вещи эти. Взявъ отъ сосѣда прививку плодовую, или отводокъ, также должно положить около дерева копѣечку, чтобы вѣтка хорошо принялась. Молодыхъ супруговъ сажаютъ на мохнатую шубу, въ ознаменованіе привольной жизни; велятъ также стричь ребенка на шубѣ: богатъ будетъ; когда ребенокъ впервые пойдетъ, то черкнуть ножемъ по землѣ между ногъ, что и называется перерѣзать путы. Если у ребенка долго зубы не рѣжутся, то проколоть черному пѣтуху гребешокъ, костянымъ или деревяннымъ гребнемъ, и кровью помазать десны.

Это повѣрье, принадлежа отчасти къ разряду симпатическихъ средствъ, конечно, придумано для того, чтобы успокоить встревоженную мать, при такихъ обстоятельствахъ, гдѣ человѣческая помощь невозможна. Совѣтуютъ также надѣвать ребенку ожерелье изъ рачьихъ жерновинокъ, носить фіалковый корень и проч. Пожаръ отъ грозы заливать парнымъ молокомъ отъ черной коровы. Коли черная корова свечера впереди стада идетъ на село, то день будетъ ненастный, коли бѣлая, ясный. Коли корова перестанетъ доиться, то кто нибудь изъ счастливыхъ въ семьѣ, обыкновенно дѣвушка или ребенокъ, должны выкупить ее у хозяйки или у коровницы, за грошъ; корова называется съ того времени собственностью покупателя и будетъ опять доиться. Коли корова доится съ кровью, что между прочимъ случается-де оттого, когда, подъ брюхомъ у нея пролетитъ невзначай ласточка, то подоить ее сквозь обручальное колечко хозяйки; ласточка же пролетаетъ подъ коровой въ наказаніе за то, когда кто разоритъ у нея гнѣздо. Чтобы предупредить порчу свадьбы отъ недобраго кудесника, который-де не только сдѣлаетъ, что кони не пойдутъ со двора, но, пожалуй, оборотитъ и гостей и молодыхъ въ волковъ, всѣ гости и поѣзжане опоясываются, сверхъ рубахи, вязанымъ, а не плетенымъ, пояскомъ, въ которомъ тма узелковъ. Колдунъ

ничего не можетъ сдѣлать, не развязавъ сперва всѣхъ узелковъ, или не снявъ съ человѣка такой поясокъ. Крестьяне разсказываютъ, что такіе оборотни, т. е., волки, бывшіе когда-то свадебными гостями, попадаются; если подобнаго звѣря убьешь, то на немъ, къ крайнему удивленію всѣхъ крещеныхъ людей, найдешь подъ шкурой красную рубаху, - но только безъ опояски! Такъ дорого можно поплатиться иногда за небольшую оплошность! Есть повѣрье, что воронъ купаетъ дѣтенышей своихъ въ великій четвертокъ, и приноситъ для этого воду въ гнѣздо свое въ выѣденномъ яйцѣ. Воронъ, ворона, грачъ, сычъ, сова, филинъ, пугачъ, иногда также сорока и кукушка, - почитаются зловѣщими птицами, и притомъ не только у насъ, но почти повсюду. Если воронъ и филинъ кричатъ, сидя на кровлѣ, то въ домѣ быть покойнику. Ночныя птицы получили прозваніе зловѣщихъ, конечно, за дикій, непріятный крикъ, который, среди глухой ночи, иногда чрезвычайно непріятенъ; такъ наприм., пугачъ, большой лѣсной филинъ, завываетъ точно какъ человѣкъ, зовущій отчаянно на помощь; а иногда, какъ ребенокъ; иногда хохочетъ, стонетъ или ржетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пугачу надобно принять на свой счетъ большую часть того, что разсказываютъ о лѣшемъ. Суевѣры носятъ при себѣ когти филина, чтобы отвратить отъ себя зло. Воронъ, ворона,

сорока, грачъ, вѣроятно, попали въ этотъ разрядъ, какъ полухищныя, жадныя къ падали и до нестерпимости крикливыя, вѣщуньи. Иногда загадываютъ, сколько лѣтъ кому жить, и считаютъ, сколько разъ кукушка кукутнетъ. Отчего вообще птица, залетѣвшая нечаянно въ покои, особенно воробей, предзнаменуетъ бѣдствіе, смерть въ домѣ и проч., этого объяснить не умѣемъ; но птичка, залетѣвшая въ чистомъ полѣ прямо въ руки, а равно и гнѣздо, свитое гдѣ нибудь въ домѣ, бываетъ, какъ думаютъ, къ добру. Не велятъ бранить пойманнаго сома, хотя это для рыбаковъ не находка, стращая тѣмъ, что водяной чортъ за такую брань отомститъ. Ласточку, голубя, пигалицу и синичку, по мнѣнію народа, бить грѣшно, за это бываетъ падежъ на скотъ. Есть еще повѣрье, что если собаки ночью воютъ, или когда онѣ роютъ норы, то будетъ въ домѣ покойникъ. Много разъ увѣряли тутъ и тамъ люди, что собаки, лошади или другая домашняя скотина предчувствовали, предугадывали смерть хозяина, и что животныя показывали это воемъ, мычаньемъ, ржаньемъ, ночнымъ топотомъ, необычайною пугливостью, страхомъ и проч. Тамъ, гдѣ подобное предчувствіе относится до внезапной, насильственной, смерти, оно во всякомъ случаѣ необъяснимо, а потому уже слишкомъ невѣроятно; но нельзя оспаривать возможности того, чтобы какое либо животное не

могло чувствовать, не знаю какимъ чутьемъ или чувствомъ, невидимой для насъ перемѣны, происшедшей съ такимъ человѣкомъ, который по состоянію своего здоровья не можетъ прожить болѣе извѣстнаго и весьма короткаго срока, который обреченъ уже тлѣнью, носитъ въ себѣ ничѣмъ неутолимый зародышъ смерти, и поэтому самому, можетъ быть, въ испаринѣ своей, или Богъ вѣсть какъ и гдѣ, представляетъ для нѣкотораго рода животныхъ нѣчто особенное и непріятное. Я не утверждаю всего этого; я только не отвергаю такую возможность. Опытные врачи, фельдшера, сидѣлки и хожалки видятъ иногда по первому взгляду на больнаго, что его спасти нельзя; иные утверждаютъ даже, что слышутъ это чутьемъ, по испаринѣ; почему же другое существо, или животное, не можетъ видѣть или слышать то же самое, но только еще гораздо ранѣе, можетъ быть, наканунѣ, или даже нѣсколькими днями прежде насъ? Какъ объяснить себѣ чутье, которое безошибочно указываетъ собакѣ, что на такомъ-то мѣстѣ пробѣжалъ заяцъ, причемъ собака еще знаетъ, до какой степени слѣдъ этотъ свѣжъ, и что всего мудренѣе, въ какую сторону заяцъ пробѣжалъ, взадъ или впередъ?

Есть чисто-шуточныя повѣрья, или лучше сказать, просто, шутки, въ кои однако же иные свято вѣрятъ; наприм., когда стоятъ жестокіе морозы, то должно свечера насчитать 12 лысыхъ, по-именно, назвавъ послѣднимъ самаго лысаго, у котораго голова какъ ладонь, отъ бровей до затылка: на немъ морозъ лопнетъ. Когда въ банѣ моютъ барченка, то приговариваютъ: Шла баба изъ-за морья, несла кузовъ здоровья; тому, сему кусочекъ, тебѣ весь кузовочекъ; а когда окачиваютъ водой: Съ гоголя (гуся) вода, съ тебя худоба; вода бъ книзу, а самъ бы ты кверху; сорокѣ бъ тонѣть, а тебѣ бы толстѣть, и проч. Дѣвицъ умываютъ съ серебра, чтобъ была дѣвушка бѣла и богата; что называется умыться водой, въ которую, при первой весенней грозѣ, брошена серебряная ложка. Чтобъ быть бѣлой и чистой, дѣвушки моются также первымъ снѣгомъ, съ кровли бани. Если все дѣвочки родятся, то въ этотъ годъ войны не будетъ; если ребенокъ напередъ станетъ говорить папа, а также если младенецъ родился съ косичкой, то вслѣдъ за нимъ родится сынъ; а если заговоритъ мама, то дочь. Сидѣть между двухъ сестеръ или братьевъ, значитъ вскорѣ жениться, или замужъ выйти. Правый глазъ чешется къ смѣху, лѣвый къ плачу. Правая ладонь чешется - отдавать деньги, лѣвая - получать; локоть чешется - на новомъ мѣстѣ спать; переносье чешется - о мертвомъ слышать;

кто щекотливъ, тотъ и ревнивъ; за первымъ вешнимъ громомъ выбѣжать умыться дождевой водой, съ золотымъ кольцомъ на пальцѣ, или ухватиться за карманъ, въ которомъ деньги, что дѣлаютъ также, увидавъ молодой мѣсяцъ, и сказать, при деньгахъ! - богатъ будешь. Если зеркало поднять надъ головой, такъ, чтобъ въ немъ отразился молодой мѣсяцъ, то увидишь столько лунъ, сколько лунѣ дней. Эта шутка основана на томъ, что при такомъ косвенномъ отраженіи мѣсяцъ въ зеркалѣ точно двоитъ и, пожалуй, иногда семеритъ. Если волосокъ изъ рѣсницъ вывалится, положить его за-пазуху, будетъ подарокъ. У кого рѣдкіе зубы, не будетъ долго жить. Если забывшись ляжешь спать въ одномъ чулкѣ, то пріѣдетъ тотъ, кого ждешь. Если булавку на полу увидишь къ себѣ головкой, то это хорошо, а къ себѣ остріемъ, худо. Если брови свербятъ, будешь глядѣть на потныхъ лошадей, т. е., принимать гостя; выщербленныя деньги обѣщаютъ прибыль, и поэтому ихъ должно хранить въ кошелькѣ. Когда у дѣтей падаютъ зубы, то велятъ стать тыломъ къ печи, закинуть зубъ черезъ себя и сказать: мышка, мышка! на тебѣ костяной зубъ, а мнѣ дай желѣзный; или: на тебѣ репяной зубъ, а мнѣ костяной. Смѣшное и глупое повѣрье, что икота есть бесѣда души съ небомъ вѣроятно также было сначала неумѣстной шуткой; кому икается легко, того добромъ

поминаютъ, а при тяжелой икотѣ, за глаза бранятъ. Когда лошадь дорогой распряжется, то что нибудь дома нездорово, либо жена измѣнила, если самъ хозяинъ въ дорогѣ. Если мышь попортитъ часть свѣжаго товара, то купцы утѣшаются тѣмъ, что товаръ отъ этого скоро и хорошо съ рукъ пойдетъ. Если кто въ бесѣдѣ скреститъ незамѣтно ноги, нога на ногу, то отъ этого послѣдуетъ всеобщее молчанiе. Если кто плюнетъ себѣ на платье, то это означаетъ, что скоро будетъ обнова. Въ новый годъ должно надѣть обновку; тогда ихъ много будетъ въ теченiе года. Другiе толкуютъ, что плюнуть на себя, значитъ терпѣть напраслину. Кто ущемитъ платье въ дверяхъ, выходя изъ дому, тому скоро въ этотъ же домъ возвратиться. Если изъ вязанки дровъ вывалится полѣно, то будутъ гости. Кто поперхнется въ разговорѣ, тотъ хотѣлъ соврать; кто поперхнется первымъ глоткомъ, къ тому спѣшитъ обѣденный гость. Обнову предвѣщаетъ и то, когда собака, ставъ передъ кѣмъ, потянется. Если уши горятъ, то заглазно надъ тобой издѣваются; если въ ушахъ звенитъ, то загадываютъ что нибудь и спрашиваютъ: въ которомъ ухѣ? когда отгадаютъ, то загаданное сбудется. Если въ бесѣдѣ чихнешь, то это подкрѣпляетъ истину того, что говорится. Кромѣ того иные говорятъ, что чихнуть въ воскресенье, значитъ въ гостяхъ будешь; въ понедѣльникъ,

прибыль будетъ; во вторникъ - должники надоѣдятъ; въ среду, станутъ хвалить; въ четвергъ, будешь сердиться; въ пятокъ, письма или нечаянная встрѣча; въ субботу, о покойникѣ слышать. Если у женщины, при одѣваньи юпки, подолъ случайно загнется, то предсказываютъ ей роды. Если каша или пирогъ-баба подымется изъ горшка и наклонится въ печь, то къ добру; если же изъ печи, то къ худу. Если кузнечикъ куетъ въ домѣ, то иные увѣряютъ, что онъ выживаетъ изъ дому. Счастливый сынъ походитъ на мать, а счастливая дочь на отца. Самоваръ играетъ, гостей зазываетъ, кто мимо пойдетъ, зайдетъ. Невзначай свѣчу погасить - нежданный гость. Булавочка изъ наряда молодой хранится подругами и обѣщаетъ счастье, а дѣвушкѣ скорое замужество. Свѣча грибкомъ нагорѣла - будетъ письмо, и съ той стороны, куда нависла. Если шутка эта не въ связи съ повѣрьями о вѣдьмѣ, то она просто придумана для потѣхи; но я зналъ помѣщицъ, кои читали Сю и Занда, а строго придерживались помела и кочерги. Кто не веселъ, съ утра брюзжитъ, всталъ лѣвой ногой съ постели. Кто утретъ лицо первымъ яичкомъ рябенькой курицы, у того небудетъ веснушекъ. Руки горятъ - бить будешь; руки стынутъ - кто нибудь тебя злословитъ; если мужчина бѣлоручка, то невѣстѣ его не быть красавицей; нагорѣла свѣча - долгоносая невѣста; кошка

умывается, сорока у порога скачетъ, самоваръ поетъ, полѣно дровъ изъ беремени повалится, нечаянно свѣчу погасить, все это значитъ: будутъ нежданные гости. Теплая или холодная лапа у кошки, означаетъ добрыхъ или недобрыхъ гостей. Чулокъ или рубашку наизнанку надѣть, потерять подвязку, остегнуться пуговкой - пьянъ или битъ будешь. Не строить новаго дома подъ старость, не шить обновы, въ особенности бѣлья, иначе вскорѣ умрешь; эти повѣрья, можетъ быть, частью придуманы наслѣдниками, чтобы удержатъ стариковъ отъ безразсуднаго мотовства, а можетъ быть, возникли и оттого, что, затѣвая житейское, старику и старушкѣ по неволѣ приходитъ въ голову близкій конецъ ихъ, а это, для многихъ, воспоминаніе непріятное. Кромѣ того, весьма не рѣдко случается, что, затѣявъ подъ старость обшиваться и строиться, человѣкъ умираетъ, не покончивъ дѣла, и это въ такихъ случаяхъ служитъ подтвержденіемъ суевѣрью. Я зналъ въ Москвѣ старушку, богатую вельможу прошлаго вѣка; она уже лѣтъ 20 не шила на себя бѣлья, ни за что не соглашалась къ этому, считала всякаго, кто ей о томъ говоритъ, смертнымъ врагомъ своимъ, и ходила въ такомъ бѣльѣ, на которомъ, кромѣ подновляемыхъ по временамъ заплатокъ, не оставалось ровно ничего.

XIII.

БАСНИ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ.

Поэтическія повѣрья переходятъ непосредственно въ басни, притчи или иносказанія; не менѣе того, по невѣжеству иногда принимаются въ прямомъ смыслѣ и многіе вѣрятъ слѣпо тому, что придумано было для одной забавы. Къ этому числу принадлежатъ: повѣрье о томъ, что медвѣди были нѣкогда людьми, къ чему конечно подала поводъ способность медвѣдя ходить на двухъ ногахъ и поступь его, всей плюсной, по-человѣчьи; люди эти жили въ лѣсу ни съ кѣмъ не знались и были не хлѣбосольны, не гостепріимны. Однажды зашелъ къ нимъ какой-то благочестивый старецъ, постникъ и сухоядецъ, и постучавшись тщетно сподрядъ у всѣхъ воротъ прошелъ все село изъ края, въ край, отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и проклялъ не добрыхъ хозяевъ, велѣвъ имъ жить отнынѣ въ берлогахъ. Собака, по такой же сказкѣ, также была человѣкомъ; но обращена въ пса за обжорливость свою. Пчела просила себѣ смертоносное для человѣка жало; оно дано ей, но только съ обратнымъ условіемъ: оно смертоносно для нея же самой. Извѣстный древній мудрецъ, начальствовавшій всѣми животными, послалъ

ворону, которая случилась у него на вѣстяхъ, чтобы она привела лучшаго пѣвчаго: старику хотѣлось уснуть подъ сладкія пѣсни. Но онъ уснулъ, не дождавшись пѣсенъ, и проснулся въ испугѣ отъ страшнаго карканья; ворона привела ему цѣлое гнѣздо вороненковъ, извиняясь тѣмъ, что лучшихъ пѣвчихъ нельзя было сыскать во всей поднебесной. Есть даже нѣсколько длинныхъ и довольно складныхъ сказокъ, принадлежащихъ сюда же, какъ напр., сказка о Георгіи храбромъ и о волкѣ; Езопова басня о курѣ и лисѣ, которая извѣстна едва ли не у всѣхъ народовъ; равно и сказка о Лисѣ Патрикеевнѣ, которая морочитъ волка, медвѣдя и многихъ другихъ животныхъ, промышляя на ихъ счетъ. Эта замѣчательная сказка, отысканная въ древнихъ рукописяхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, живетъ донынѣ въ преданіяхъ всѣхъ почти европейскихъ народовъ и пересказывается между прочимъ также у насъ, на Руси и на Украйнѣ, съ небольшими только отмѣнами противъ той, которую обработалъ Гете.

Есть повѣрье или разсказъ о томъ, что означаютъ видимыя на лунѣ пятна: туда посажены навсегда братоубійца и жертва его, въ томъ самомъ положеніи, какъ преступленіе было совершенно: и воображеніе народа видитъ на лунѣ двухъ людей, изъ коихъ одинъ закалываетъ

другаго вилами. Другіе увѣряютъ, что это Каинъ и Авель.

О ласточкахъ говорятъ, что онѣ чириканьемъ своимъ предостерегали Спасителя отъ преслѣдователей Его, а воробьи продали Его, крича: живъ, живъ, за что у воробьевъ ноги связаны невидимыми путами и птица эта не можетъ переступать, а только прыгать. Есть также преданіе, что ласточки крали у Римлянъ гвозди, коими распинали Христа, а воробьи отыскивали ихъ и опять приносили. Поэтому ласточекъ, по народному мнѣнію, грѣшно бить или разорять ихъ гнѣзда.

О громѣ говорятъ, что это Илья пророкъ ѣздитъ по небу въ огненной колесницѣ, поражая стрѣлою діавола, а тотъ прячется за людей. Суевѣріе это подтверждается частью находимыми въ песчаныхъ мѣстахъ громовыми стрѣлами, похожими съ виду на минералъ, извѣстный подъ названіемъ чортовъ палецъ. Дѣло въ томъ, что отъ удара молніи въ песокъ дѣйствительно онъ сплавляется, въ видѣ сучковатыхъ сосулекъ. Стрѣлы эти между прочимъ окачиваются водой, коею поятъ больныхъ, отъ колотья.

Зеркало, какъ дивная для простолюдина вещь, подало раскольникамъ поводъ къ особой сказкѣ: какой-то пустынникъ, не устоявъ противу соблазна діавола, возмечталъ о себѣ столь нелѣпо, что вздумалъ свататься на какой-то

царской дочери. Царевна, по дѣвичьимъ причудамъ, отвѣчала: если онъ достанетъ мнѣ ту вещь, которую по всему царству не могли найти, вещь, въ которую бы я могла видѣть себя чище чѣмъ въ водѣ, то выйду за него. Пустынникъ пошелъ стараться и наткнулся путемъ на порожнюю избушку, въ которой чортъ отозвался ему, сказавъ, что попалъ въ рукомойникъ, запертъ и заговоренъ въ немъ какимъ-то старикомъ, и что готовъ отслужить какую угодно службу тому, кто его выпуститъ. Порядившись съ нимъ на ту затѣйливую вещь, которую требовала царевна, пустынникъ снялъ деревянный крестъ, которымъ накрытъ былъ глиняный висячій рукомойникъ; чортъ выскочилъ, встряхнулся, сдѣлалъ и подалъ старику зеркало, которое этотъ отнесъ царевнѣ. По словамъ нѣкоторыхъ, онъ женился на ней но былъ наказанъ тѣмъ, что видѣлъ всюду двойника своего, который не давалъ ему ни днемъ, ни ночью покоя и замучилъ его до смерти; а по словамъ другихъ, старикъ покаялся до свадьбы, смирился и ушелъ навсегда опять въ пустыню. По сей причинѣ у раскольниковъ и понынѣ зеркало есть вещь запрещенная созданная діаволомъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ есть мамонтовыя кости, жители не знаютъ и не могутъ постигнуть, чтобы это были остатки допотопнаго животнаго; а потому и сложили повѣсть о подземномъ слонѣ,

который живетъ и роется всегда подъ землей какъ кротъ, никогда не выходитъ наружу, а только по смерти своей случайно попадается, потому что земля изрыгаетъ кости его. Преданіе о волотахъ или великанахъ и о находимыхъ костяхъ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, также основано на ископаемыхъ костяхъ различныхъ животныхъ.

Бѣда не по лѣсу ходитъ, по людямъ, а какъ пойдетъ бѣда, растворяй ворота, никогда-де одной бѣдой не кончится. Это повѣрье основано на случайностяхъ, служившихъ поводомъ къ изобрѣтенію его. Но есть кромѣ того поэтическое повѣрье въ бѣдовиковъ, несчастныхъ на всѣ руки, или бѣдокуровъ; къ чему бы такой человѣкъ не прикоснулся, отъ этого ожидаютъ только худаго; его жалѣютъ, его не хотятъ обидѣть, но всякъ самъ себѣ ближе, и бѣдняка не менѣе того выпроваживаютъ за порогъ, если онъ куда зайдетъ, не держатъ въ одной рабочей артели, не даютъ никуда приткнуться, даже не смѣютъ подать помощи, опасаясь вреда для себя и для другихъ. Жалкое заблужденіе это такъ упорно, что его иногда ничѣмъ нельзя побѣдить.

Привязанность къ прадѣдовскимъ обычаямъ, отъ коихъ такъ трудно отстать народу, и страсть рядиться и красоваться, подавали въ купеческомъ сословіи нашемъ поводъ къ забавнымъ явленіямъ: такъ напр., купчиха, не устоявшая противу

искушенія одѣваться заживо въ нѣмецкое платье, успокоивала совѣсть свою завѣщаніемъ, чтобы ее похоронили въ русскомъ сарафанѣ.

Въ числѣ сказокъ о нечистомъ, находимъ также опредѣленіе различія между многими именованіями его: чортъ смущаетъ, бѣсъ подстрекаетъ, дьяволъ нудитъ, сатана творитъ лживыя чудеса, для соблазна.

Есть сказка о блаженныхъ островахъ Макарійскихъ, гдѣ сытовыя рѣки, кисельные берега, или молочныя рѣки, медовые берега; дѣвка выйдетъ, однимъ концомъ коромысла ударитъ, готовый холстъ подънетъ; другимъ зачерпнетъ, нитки жемчугу вытянетъ; стоитъ тамъ и береза золотые сучья; и корова, на одномъ рогу баня, на другомъ котелъ; олень съ финиковымъ деревомъ на лбу, и птица сиринъ, иначе райская, перья непостижимой красоты, пѣніе обаятельное, ликъ человѣческій, и пр.

Повѣрье о неразмѣнномъ или неизводномъ рублѣ, который можно достать у нечистаго, продавъ ему на перекресткѣ въ полночь жаренаго въ перьяхъ гусака, разсказывается различнымъ образомъ и принадлежитъ къ тѣмъ же сказочнымъ вымысламъ, принимаемымъ тутъ и тамъ за наличную монету, и также распространено у различныхъ народовъ, напр., въ Германіи.

Въ числѣ такъ называемыхъ лубочныхъ картинъ, которыя нынѣ уже начинаютъ дѣлаться рѣдкостью и безъ цензуры не печатаются, есть, кромѣ изображенія помянутаго сирина, извѣстная космографія, гдѣ расписаны всѣ баснословныя, сказочныя страны, люди съ песьими головами, блаженные острова Макарійскіе и много другихъ чудесъ. Объ этомъ листѣ была помнится когда-то статья въ «Телеграфѣ». На другомъ листѣ находимъ мы изображеніе людей дивныхъ или дикихъ, найденныхъ Александромъ Македонскимъ внутри горъ Рифейскихъ: это люди одноногіе, трехрукіе, одноглазые, двуносые и пр. Всѣ они выходятъ на встрѣчу герою-побѣдителю, коему предшествуетъ пѣшій ратникъ въ полномъ вооруженіи.

Всѣмъ извѣстно довольно загадочное явленіе, что въ Москвѣ нѣтъ сорокъ; народное повѣрье изгнало ихъ за 40 верстъ изъ Москвы; но онѣ есть гораздо ближе, хотя, сколько мнѣ извѣстно, никто не видалъ, чтобы сорока залетала въ самую Москву. На это сложено нѣсколько поэтическихъ сказокъ; Москва основана на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ бояринъ Кучка; его предала сорока неумѣстнымъ сокотаньемъ своимъ, когда онъ спрятался подъ кустомъ; онъ ее проклялъ умирая и сороки исчезли оттуда навсегда. Другіе говорятъ, что сорока унесла съ окна послѣдній

кусокъ сыра у одного старца, угоднаго небесамъ; онъ ее проклялъ за это и изгналъ изъ округа.

Третьи сказываютъ, и это преданіе сохранилось въ народныхъ пѣсняхъ, что Маринка Мнишекъ, будучи вѣдьмой, перекинулась въ сороку, когда пришлось ей худо, и вылетѣла изъ окна терема своего; за это сорока была проклята въ то время и не смѣетъ явиться въ Москву.

Есть еще довольно сложное и старинное повѣрье о василискѣ, который родится изъ пѣтушьяго яйца. Замѣтивъ, что курица иногда сдуру силится запѣть пѣтухомъ, люди изъ этого заключили, что и пѣтухъ можетъ иногда прикинуться курицей и снести яичко. Это яйцо кругленькое, маленькое, называется спорышокъ, и въ сущности есть не иное что, какъ выносокъ куриный, т. е. уродливое яичко, какъ говорятъ, послѣднее, когда курица перестаетъ нестись. Народъ иногда утверждаетъ, не знаю по какимъ примѣтамъ, что это яйцо пѣтушье: что пѣтухамъ во сто лѣтъ разрѣшено снести одно только такое яйцо; а если дѣвка поноситъ его шесть недѣль подъ мышкой, то изъ него вылупится василискъ. Объ этомъ василискѣ есть множество разсказовъ: онъ дѣлается оборотнемъ, или соединяется съ злымъ человѣкомъ, съ колдуномъ, и невидимо въ немъ живетъ; онъ вообще исполняетъ всѣ приказанія мачихи своей, выносившей его подъ мышкой, приноситъ ей золото, мститъ за нее

тѣмъ, на кого она зла, даетъ ей разныя вѣсти и пр. Можетъ быть, повѣрье или сказка эта въ связи съ преданіями о сожительствѣ женщинъ съ нечистымъ духомъ, со зміями огненными, летучими и другаго разбора. Вѣдьма, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть именно плодъ подобнаго супружества, а сказка о Тугаринѣ Змѣевичѣ и ей подобныя, суть уродливыя порожденія разгула народнаго воображенія, настроеннаго на этотъ ладъ. Кирша Даниловъ разсказываетъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, о рожденіи Волхва Всеславича такими словами:

По саду саду, по зеленому, ходила, гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславична:
Она съ камня скачила на лютаго на змѣя -
Обвивается лютый змѣй около чобота зеленъ-сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну...
А въ ту пору княжна поносъ понесла...
А и на небѣ просвѣтилъ ясенъ мѣсяцъ.
А въ Кіевѣ родился могучъ-богатырь,
Какъ бы молодой Волхвъ Всеславьевичъ:
Подрожала мать-сыра земля,
Стряслося словно царство индѣйское,
А и сине море всколебалося
Для ради рожденья богатырскаго...

У насъ осталось еще преданіе, въ поговоркѣ: обвести мертвою рукою. Суевѣрье говоритъ, что если соннаго обвести рукою мертвеца, то человѣкъ спитъ непробуднымъ, мертвымъ сномъ. На этомъ основаніи, воры нашивали съ собою руку мертвеца, и вломившись тихонько въ избу, усыпляли этою рукою, по убѣжденію своему, тѣхъ, кого хотѣли обокрасть. Къ сожалѣнію, даже и новѣйшее суевѣрное мошенничество прибѣгало изрѣдка къ этому средству, и воры разрывали для этого могилу.

Русскіе литейщики, собираясь отлить какую нибудь значительную вещь, напр., колоколъ, стараются отвлечь вниманіе праздной и докучливой толпы отъ своей работы какою нибудь новостью, выдумкой или вѣстью, которую молва пускаетъ по городу. Мастера увѣрены, что отливка отъ этого лучше удается и въ колоколѣ не будетъ пузырей. Такимъ же точно образомъ тщательно скрываютъ день и часъ родовъ, отвлекая иногда вниманіе сосѣдей какими нибудь сказками и заставляя даже домашнихъ отлучиться на это время, подъ произвольно придуманными предлогами. Этотъ обычай впрочемъ полезенъ, потому что всякій лишній человѣкъ при подобномъ дѣлѣ помѣха. По той же причинѣ родильницъ уводятъ тайкомъ въ баню, чтобы избѣжать въ тѣсномъ домѣ помѣхъ и свидѣтелей; но топить въ это время баню и

душить роженицу на полкѣ, въ страшномъ жарѣ, есть обычай невѣжественный и вредный.

XIV.

ПРИВИДѢНІЯ.

Всѣ повѣрья о привидѣніяхъ, мертвецахъ и вообще о взаимныхъ сношеніяхъ двухъ міровъ, видимаго и незримаго, вещественнаго и духовнаго, составляютъ смѣшанный рядъ преданій и разсказовъ, принадлежащихъ, можетъ быть, ко всѣмъ видамъ принятаго нами раздѣленія повѣрій. Эта статья до того обширна, что изъ нея можно бы составить десятки томовъ; постараемся объясниться на нѣсколькихъ страничкахъ.

Подъ словомъ видѣніе разумѣемъ мы такое явленіе, такой видимый предметъ, который предсталъ глазамъ нашимъ необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ образомъ, т. е. необъяснимымъ, по извѣстнымъ намъ доселѣ законамъ природы. Подразумѣвается, что человѣкъ видитъ явившееся не во снѣ, а на яву; что сверхъ, того, видѣніе это, по крайности, большею частью не вещественное, неосязаемо для рукъ, хотя и видимо для глазъ; словомъ, что оно занимаетъ какую-то неопредѣленную средину

между плотскимъ и безплотнымъ міромъ. Видѣнія эти большею частію основаны на явленіи тѣни или духа, какъ выражаются, т. е. человѣка, уже отшедшаго въ вѣчность и снова принявшаго плотской, видимый образъ, и въ этомъ-то смыслѣ видѣніе получаетъ болѣе точное, опредѣлительное названіе привидѣнія. Впрочемъ, есть и видѣнія другаго рода, безконечно разнообразныя, какъ самое воображеніе человѣка.

Умъ, разумъ и разсудокъ нашъ рѣшительно противятся тому, чтобы допустить возможность или сбыточность видѣній. Частнаго, таинственнаго свидѣтельства небольшаго числа людей, слишкомъ недостаточно для изнасилованія нашего здраваго ума и для вынужденія изъ насъ вѣры, вопреки убѣжденію; мы слишкомъ хорошо знаемъ, что чувства наши и воображеніе несравненно легче и чаще подвергаются обману, чѣмъ здравый смыслъ нашъ и разсудокъ. Въ дѣлѣ такого рода, конечно, вѣрнѣе видѣть и не вѣрить, чѣмъ вѣрить не видавши. Мы не смѣемъ утверждать, чтобы душа наша ни подъ какими условіями не могла войти въ духовныя связи съ безплотнымъ міромъ, не смѣемъ потому, что у насъ нѣтъ къ тому достаточныхъ доказательствъ. Но спросимъ, могутъ ли сношенія эти сопровождаться признаками вещественными? Какимъ образомъ душа, коей бренная плоть

несомнѣнно давно уже истлѣла, можетъ облечься снова въ ту же плоть, уничтоженную всевѣчными законами природы? А какимъ же образомъ плотское око наше можетъ принять впечатлѣніе отъ чего либо не вещественнаго, т. е. для него не существующаго? Если допустить даже, что душа можетъ быть приведена особыми обстоятельствами въ восторженное состояніе, въ коемъ дѣлается независимою отъ пяти чувствъ и превыше времени и пространства, что она въ ясновидѣніи своемъ созерцаетъ въ настоящемъ и прошедшее и будущее, то все-таки этимъ еще не будетъ разрѣшена загадка: какимъ образомъ являющійся намъ духъ можетъ вызвать изъ праха истлѣвшую плоть свою, или облечься въ ея подобіе?

Съ другой стороны, мы видимъ, что чувства наши безпрестанно подвергаются обманамъ. Напримѣръ: не слышимъ ли мы иногда внезапно звукъ, звонъ, свистъ, даже имя свое, между тѣмъ какъ все около насъ тихо, спокойно и никто не звалъ насъ и не свисталъ? Не видимъ ли мы иногда, подъ дрему, или въ потьмахъ на яву, или забывшись и крѣпко задумавшись, такіе предметы, какихъ около насъ нѣтъ? это происходитъ отъ двоякихъ причинъ: какая нибудь причина произвела волненіе, переворотъ въ крови нашей, отъ котораго послѣдовали на нервы зрѣнія или слуха впечатлѣнія, сходныя съ дѣйствіемъ

зримаго предмета или слышимаго звука; тогда органъ слуха или зрѣнія передаетъ впечатлѣніе это въ общее чувствилище, и сіе послѣднее бываетъ обмануто. Въ этомъ случаѣ дѣйствіе основано на вещественной, плотской половинѣ нашего существа; но можетъ быть и противный случай: воображеніе съ такою живостью и убѣжденіемъ представитъ себѣ какой либо звукъ или предметъ, что впечатлѣнія идутъ обратнымъ порядкомъ изъ общаго чувствилища и до самыхъ орудій чувствъ, производятъ тамъ тѣ же перемѣны, какъ и явленія дѣйствительныя, и мы опять-таки бываемъ обмануты.

Что сила воли и воображенія производитъ въ насъ вещественныя перемѣны, это доказать не мудрено, потому что мы видимъ это безпрестанно и на каждомъ шагу: вспомните только мнимо-больныхъ; кромѣ того каждый изъ насъ въ состояніи силою воображенія значительно участить біеніе сердца, если настроить себя умышленно, вообразивъ живо радость, гнѣвъ, безпокойство и пр. Также легко играть зѣницей своей, расширяя и суживая ее по произволу, если, глядя на одинъ и тотъ же предметъ, воображать поперемѣнно, что напрягаешь зрѣніе для разсмотрѣнія въ подробности самаго близкаго предмета.

Безспорно, что воображеніе наше сильно участвуетъ во всѣхъ видѣніяхъ. Вотъ почему

люди нервическіе, или не привыкшіе обуздывать своего воображенія болѣе дѣльнымъ направленіемъ, склонны къ видѣніямъ. Вотъ почему мракъ, или полусвѣтъ, опутывая зрѣніе наше непрободаемыми тенетами, бываютъ всегдашними спутниками видѣній. Ночная тишина, гдѣ каждый малѣйшій шорохъ раздается иначе и громче нежели днемъ; покой и сонъ, потемки, сумерки, одиночество, настроенное воображеніе, непріятное и непривычное положеніе человѣка, временно лишеннаго одного изъ главнѣйшихъ чувствъ своихъ, зрѣнія; наконецъ слѣдующій за напряженіями тѣла и духа приливъ крови къ мозгу и къ самымъ орудіямъ зрѣнія, все это въ совокупности олицетворяетъ передъ нами безличное и неодушевленное, переноситъ картины воображенія въ окружающую насъ туманную существенность. Въ другихъ случаяхъ, мы обращаемъ грезы въ видѣнія; душа не распознаетъ, при живости впечатлѣнія, минувшаго отъ настоящаго и также бываетъ обманута. Это въ особенности часто встрѣчается у дѣтей, прежде чѣмъ они научаются различать сонъ отъ дѣйствительности; а какъ и взрослые весьма часто въ томъ или другомъ отношеніи походятъ на дѣтей, то и они нерѣдко поддаются тому же обману.

Если видѣнія, привидѣнія, духи во плоти тѣни, призраки, живые мертвецы и пр. возможны, то многіе изъ насъ дали бы дорого за то, чтобы увидѣть ихъ и созерцать спокойнымъ духомъ. Людей, кои постоянно видятъ разныя видѣнія или призраки, называютъ духовидцами. Есть особый родъ видѣній, по сказанію очевидцевъ, это двойники, т. е., человѣкъ видитъ самого себя, и тутъ народное повѣрье наше о домовомъ, который-де иногда одѣвается въ хозяйское платье, садится на его мѣсто и пр., совпадаетъ съ распространеннымъ по всей Европѣ, особенно сѣверной, повѣрьемъ о двойникѣ. Иногда видятъ его также другія люди, но обыкновенно видишь его только самъ; для прочихъ онъ невидимка. Если двойника застанешь у себя въ комнатѣ, или вообще, если онъ предшествуетъ человѣку, идетъ напередъ, то это означаетъ близкую кончину; если же двойникъ идетъ слѣдомъ за хозяиномъ, то обыкновенно намѣренъ только предостеречь его. Есть люди, кои, по ихъ увѣренію, почти безпрестанно видятъ своего двойника, и уже къ этому привыкли. Этотъ непонятный для насъ обманъ чувствъ чаще встрѣчается между людьми среднихъ и высшихъ сословій, чѣмъ въ простомъ народѣ.

Загадочная вещь, въ царствѣ видѣній, это вещественные призраки, сопровождающіе, по увѣренію многихъ, такія явленія. Сюда

принадлежатъ, напримѣръ, трещины, кои старая, сухая деревянная утварь даетъ внезапно, въ предвѣщаніе бѣдствія, особенно смерти, или собственно въ то мгновеніе, когда является призракъ. Въ трещины эти, какъ въ предвѣщаніе бѣды, вѣрятъ почти всѣ народы, и легко было бы набрать цѣлые томы росказней о подобныхъ происшествіяхъ. Вѣроятнѣе всего, однако же, что внезапная и неожиданная трещина, иногда среди тихой и спокойной ночи, подаетъ собственно поводъ къ тѣмъ разсказамъ, кои сочиняются безсознательно разгоряченнымъ воображеніемъ. Допустивъ возможность предчувствія въ животныхъ, въ томъ смыслѣ, какъ это было объяснено выше, мы однако же до крайности затрудняемся найти какую либо связь между усыхающимъ отъ погоды стуломъ или шкафомъ и долготою дней его хозяина. Недавно еще я видѣлъ разительный примѣръ такой случайности: старинная мебель прошлыхъ вѣковъ, простоявъ столько времени спокойно, внезапно и безъ всякой видимой причины, начала лопаться съ ужаснымъ трескомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, воздушныя перемѣны были причиной этому явленію, и если бы наблюдать за симъ внимательно, то вѣроятно это могло бы служить указаніями метеорологическими, имѣющими одну только общую и отдаленную связь съ долголѣтіемъ человѣческаго рода.

Я видѣлъ однажды милое, желанное видѣніе, которое не стану ближе описывать, видѣлъ очень ясно, и не менѣе того, не только теперь, но даже и въ то самое время очень хорошо понималъ, какъ это сталось, и не думалъ искать тутъ ничего сверхъестественнаго. Воображеніе до того живо представило себѣ знакомый ликъ, что безсознательно олицетворило его посредствомъ обратнаго дѣйствія на чувства, и очи узрѣли снаружи то, что изваялось на глубинѣ души...

Я еще два раза въ жизни своей видѣлъ замѣчательныя привидѣнія, и оба случая стоятъ того, чтобы ихъ пересказать. Они пояснятъ нѣсколько то, что сказалъ я объ этомъ предметѣ вообще, то есть, что должно всякую вещь десять разъ примѣрять и одинъ разъ отрѣзать!

Будучи еще студентомъ, я жилъ въ вышкѣ или чердакѣ, гдѣ печь стояла посреди комнаты, у проходившей тутъ изъ нижняго жилья трубы. Кровать моя была въ углу, насупротивъ двухъ небольшихъ оконъ, а у печки стоялъ полный оставъ человѣческій - такъ, что даже и въ темную ночь я могъ видѣть въ постели очеркъ этого остава, особенно противъ окна, на которомъ не было ни ставень, ни даже занавѣски. Просыпаюсь однажды за полночь, во время жестокой осенней бури; дождь и вѣтеръ хлещутъ въ окна и вся кровля трещитъ; вѣтеръ, попавъ видно гдѣ нибудь въ глухой переулокъ, завываетъ по-волчьи. Темь

такая, что окна едва только отличаются отъ глухой стѣны. Я сталъ прислушиваться, гдѣ завываетъ такъ жестоко вѣтеръ, въ трубѣ ли, или въ сѣняхъ, и услышалъ съ чрезвычайнымъ изумленіемъ совсѣмъ иное: бой маятника отъ стѣнныхъ часовъ, коихъ у меня не было и никогда не бывало. Прислушиваюсь, протираю глаза и уши, привстаю, одно и то же; кругомъ все темно, холодно, сыро, буря хлещетъ въ окно, а гдѣ-то въ комнатѣ, по направленію къ печи, мѣрно ходитъ маятникъ. Одумавшись хорошенько и сообразивъ, я всталъ и началъ подходить на слухъ, медленно, шагъ за шагомъ, къ тому мѣсту, гдѣ ходитъ маятникъ. Въ продолженіе этого перепутья, короткаго по разстоянію, но долгаго, если не по времени, то по напряженію чувствъ, я еще положительнѣе убѣдился въ томъ, что слышу не во снѣ, а на яву, что маятникъ ходитъ, мѣрно, звонко, ровно, хотя у меня стѣнныхъ часовъ нѣтъ. При едва только замѣтномъ сумеречномъ отливѣ противъ оконъ, ощупью и на слухъ, дошелъ я до самой печи и стоялъ еще въ большемъ недоумѣніи, носомъ къ носу съ костякомъ своимъ, коего очеркъ мутно обозначался противъ бѣлой печи. Что тутъ дѣлать и какъ быть? Маятникъ явнымъ образомъ ходитъ въ скелетѣ; изъ него отдавались мѣрные удары, но движенія незамѣтно никакого. Ближе, ближе носомъ къ лицу его, чтобы разсмотрѣть въ

потьмахъ такое диво, какъ оставъ мой, съ кѣмъ я давно уже жилъ въ такой тѣсной дружбѣ, внезапно плюнулъ мнѣ въ лицо... Невольно отшатнувшись, я обтерся рукою и удостовѣрился, что все это было не воображенiе, а существенность: брызги, разлетѣвшiяся по лицу, были точно мокрыя. Этимъ слѣдовало бы кончить изслѣдованiя, и я попросилъ бы васъ переувѣрить меня, что я ошибся, что все это было не то, и не такъ! Я стоялъ, все еще сложа руки передъ постояннымъ товарищемъ, пялилъ глаза и прислушивался къ мѣрнымъ ударамъ маятника, который однако же вблизи стучалъ нѣсколько глуше; но подумавъ еще немного и не видя ни зги, я безотчетно протянулъ руку и погладилъ черепъ по лысинѣ: тогда я вздохнулъ и улыбнулся, всѣ объяснилось. Въ кровлѣ и потолкѣ, подлѣ трубы или печи, сдѣлалась небольшая течь, капля по каплѣ, на лысую, костяную, пустую и звонкую голову моего нѣмаго товарища!

Другой случай состоялъ въ слѣдующемъ:

Сидя вечеромъ въ кругу товарищей, я сказалъ, какъ пришлось къ слову, что робость и пугливость не одно и то же: первое можетъ быть основано на опасенiи, поселяемомъ въ насъ здравымъ разсудкомъ; второе, напротивъ, есть склонность къ страху безотчетному, а потому иногда и безразсудному; что, можетъ быть, я иногда робокъ, но не пугливъ, и не могу робѣть,

страшиться, или опасаться чего нибудь, если опасеніе это не оправдывается моимъ разсудкомъ. «Ну, ты въ мертвецовъ вѣришь?» Вѣрю въ мертвыхъ. «А в живыхъ?» Нѣтъ, не вѣрю. «Стало быть, и не боишься ихъ?» И не боюсь; впрочемъ, если бы я и вѣрилъ въ мертвецовъ по твоему, то и тогда еще не вижу, для чего ихъ бояться. «А пойдешь ли ты въ полночь на кладбище?» Пожалуй, пойду. «Нѣтъ, не пойдешь!» Нѣтъ, пойду! За споромъ дѣло стало, и рѣшено было, чтобы мнѣ идти, какъ пробьетъ полночь, одному на кладбище, отстрогнуть щепочку отъ креста и принести ее, и завтра всѣмъ вмѣстѣ идти и примѣрить щепочку, для повѣрки дѣла.

Ночь была темная, до кладбища версты двѣ, дорога подъ конецъ едва замѣтная; я сбился немного и не счелъ за нужное отыскивать торную дорогу, а пошелъ знакомымъ путемъ вперевалъ, по направленію, гдѣ противъ неба темнѣла едва замѣтно кладбищенская церковь. Прихожу ко рву, окружающему кладбище, перескакиваю его; ножичекъ у меня въ рукахъ и я хочу уже отстрогнуть щепочку отъ перваго пошатнувшагося въ сторону креста, но мнѣ показалось, что завтра осмѣютъ меня, скажутъ: радъ, что добрался, небось, не прошелъ дальше! - и я сталъ подвигаться ощупью впередъ, спотыкаясь между могилъ, ямъ, кустовъ, камней и разрушенныхъ

памятниковъ. Въ это время, помню, родилось во мнѣ двоякое опасеніе, ускорившее, при такихъ обстоятельствахъ, біеніе сердца и дыханіе: первое, чтобы товарищи не вздумали подшутить надо мною и не сдѣлали какой нибудь глупости; второе, чтобы какой-нибудь сторожъ не принялъ меня за вора и не вздумалъ бы, выскочивъ внезапно съ боку, прежде всего поколотить меня порядкомъ, чтобы, можетъ быть, потомъ уже, за вторымъ пріемомъ, допросить, кто я и за чѣмъ пришелъ. Первое опасеніе устранилось однако же тѣмъ, что сидѣвшіе со мною товарищи не могли оперидить меня на этомъ пути, а второе тѣмъ, что сторожа конечно теперь всѣ спятъ и мнѣ только не должно шумѣть. Во всякомъ случаѣ, я, скрѣпивъ сердце, далъ себѣ слово быть спокойнымъ, разсудительнымъ и хладнокровнымъ, не пугаться, что бы ни случилось. Глупое сердце продолжало стучать вслухъ, хотя, право, не знаю о чемъ и по что. Вдругъ я слышу подземный глухой стукъ, удара два, три сряду. Я остановился: черезъ нѣсколько секундъ повторилось тоже, потомъ еще разъ, а потомъ раздался слабый подземный стонъ или вздохъ. Все это, сколько я могъ заключить, полагаясь на слухъ свой, происходило въ самомъ близкомъ разстояніи отъ меня и притомъ именно «подъ землей.» Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія и нѣсколькихъ шаговъ моихъ впередъ,

повторилось опять тоже; но подземные удары были звучнѣе и до того сильны, что мнѣ показалось, будто земля подо мною дрогнула; стонъ, довольно внятный, исходилъ изъ земли и безспорно отъ мертвеца. Если бы я кончилъ похожденіе свое на этой точкѣ, то уже и этого было бы довольно, и я бы конечно понынѣ могъ бы вамъ только божиться по совѣсти, что все это точно святая истина и дѣйствительно такъ со мною случилось... но дѣло зашло еще дальше: я опять подвинулся нѣсколько шаговъ впередъ, по тому направленію, откуда звукъ до меня доходилъ, прислушивался и все подвигался ощупью впередъ. Внезапно стукъ этотъ очутился почти подо мною, у самыхъ ногъ; что-то охнуло, закашляло; земля вскрылась и разступилась; меня обдало, обсыпало землей, и мертвецъ въ беломъ саванѣ медленно потянулся изъ могилы, прямо передо мной, никакъ не далѣе двухъ шаговъ... Кончимъ на этомъ; примите отъ меня совѣстливое увѣреніе, что все это случилось точно такимъ образомъ, какъ я описываю, и скажите послѣ этого, есть ли привидѣнія и живые мертвецы, или ихъ нѣтъ?

Я остановился и глядѣлъ во всѣ глаза на мертвеца, у котораго въ рукахъ увидѣлъ я, не смотря на потемки, заступъ. Я не думалъ и не могъ бѣжать, а стоялъ, растерявшись и не зная, что именно дѣлать. Помню, что я хотѣлъ завести

разговоръ съ покойникомъ, но по незнакомству съ нимъ не зналъ, съ чего начать, чтобы не сказать ему какой нибудь глупости. Къ счастью, онъ вывелъ меня изъ этого тягостнаго положенія, спросивъ самъ первый: «Кто такой ходитъ тутъ, зачѣмъ?» Эти слова возвратили мнѣ память и объяснили вдругъ все. - Да я, любезный, не попаду на дорогу, сбился, отъ берега, гдѣ и канавы не замѣтилъ, и не знаю куда выйти. - «А вотъ сюда ступайте, вотъ!» - Да ты что же тутъ дѣлаешь? «Извѣстно что, копаемъ могилу.» - Для чего же ночью? «А когда же больше? Какъ съ вечера закажутъ, чтобы къ утру готова была, такъ когда же копать ее, какъ не ночью?»

Вотъ все, что я по собственному опыту могу сказать объ этомъ предметѣ. Я бы могъ разсказать еще кучу подобныхъ приключеній, наприм. какъ одинъ офицеръ искрошилъ въ ночи саблей, вмѣсто привидѣнія, бѣлый канифасный халатъ свой, висѣвшій на гвоздѣ, на который надѣта была еще и шапка; какъ привидѣнія ходятъ за любовными приключеніями, или просто на какой нибудь промыселъ, пользуясь робостью хозяина; но все это извѣстно и притомъ конечно ничего не доказываетъ; надобно каждому предоставить вѣру въ собственное свое убѣжденіе, которое однако же тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда оно основано на собственномъ, безошибочномъ опытѣ, и когда

опытъ этотъ, какъ въ приведенныхъ мною случаяхъ, доведенъ до конца.

Недавно еще разсказывали мнѣ, поставивъ и свидѣтелей, слѣдующее: хозяинъ, прохаживаясь въ сумерки въ залѣ, услышалъ и увидѣлъ въ окно, что на дворъ прикатила карета четверней. Онъ заглянулъ въ гостиную и сказалъ женѣ: приготовься принять гостей: кто-то пріѣхалъ. Но какъ все оставалось попрежнему тихо и спокойно и никто не входилъ, то хозяинъ выглянулъ въ переднюю: покойная бабушка его стояла тамъ у дверей, но исчезла въ ту же минуту; полъ подъ нею треснулъ, а карета покатила со двора, по направленію къ кладбищу. Иные прибавляли еще къ этому, что посторонніе люди видѣли, какъ карета исчезла въ самой оградѣ погоста. Что прикажете сдѣлать изъ такого разсказа? Если бабушка могла воротиться съ того свѣта, то гдѣ и какъ успѣла она собрать всю упряжь свою, карету, лошадей и кучеровъ, которые, конечно, не были ею взяты съ собою на тотъ свѣтъ? Не короче ли предположить, что добрый хозяинъ, внукъ или сынъ, задумался о бабушкѣ, которой съ недавняго времени нестало въ домѣ, и что онъ увидѣлъ ее не плотскими глазами своими, а окомъ души?

О двойникахъ, предвѣщающихъ кончину, говорятъ почти всюду и во всѣхъ земляхъ. Извѣстно, что горнымъ шотландцамъ

приписываютъ способность видѣть двойниковъ въ высшей степени. Если объяснить явленіе это языкомъ магнитизеровъ, то явленіе двойника значитъ, что душа наша получила возможность, какъ бы отдѣлившись отъ тѣла, созерцать его внѣ себя, со стороны. Это довольно темно, и хотя и нѣсколько понятнѣе, чѣмъ явленіе покойниковъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели слышали, что разсказываютъ многіе изъ современниковъ нашихъ, какъ очевидцы, о смерти довольно извѣстнаго въ кругу своемъ человѣка. Онъ былъ начальникъ учебнаго заведенія; дѣти, въ хорошій зимній день, кажется, въ сочельникъ передъ Рождествомъ, бѣгали по саду, гдѣ лежалъ глубокій снѣгъ и были расчищены только три дорожки, въ видѣ П. Нѣсколько молодыхъ людей сидѣли на скамьѣ и, увидавъ подходящаго къ нимъ со стороны зданія начальника, привстали; онъ прошелъ, но не успѣли они оглянуться, какъ увидѣли его вторично, идущаго тѣмъ же путемъ, по тому же направленію, тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ и точно въ такомъ же положеніи. Съ крайнимъ изумленіемъ они снова ему поклонились; онъ поздоровался съ ними и обошелъ кругомъ дорожекъ. Двойники такъ быстро прошли одинъ за другимъ, что не было никакой возможности допустить, будто старикъ сдѣлалъ кругъ и обошелъ вторично. Дѣти изумлялись и перешептывались весь день; что

происходило въ душѣ старика, никому неизвѣстно; но онъ на другой же день въ какомъ-то припадкѣ лишилъ себя жизни. Случай этотъ весьма замѣчателенъ тѣмъ, что нѣсколько постороннихъ свидѣтелей единогласно утверждаютъ сказанное нами и убѣждены въ томъ, что сами видѣли двойника. При такихъ обстоятельствахъ остается только пожать плечами и предоставить дѣло на совѣсть каждаго.

XV.

КЛАДЫ.

Сюда же, къ этому же разряду поэзіи народной и игры воображенія принадлежитъ цѣлый ряд сказокъ и повѣрьевъ о цвѣтѣ папоротника, который-де цвѣтетъ ночью на Ивановъ день. Этотъ небывалый цвѣтъ (папоротникъ тайниковое, безцвѣтное растеніе) почитается ключемъ колдовства и волшебной силы, въ особенности же для отысканія кладовъ: гдѣ только зацвѣтетъ папоротникъ въ полночь краснымъ огнемъ, тамъ лежитъ кладъ; а кто сорветъ цвѣтъ папоротника, тотъ добылъ ключъ для подъема всякаго клада, который безъ этого рѣдко кому дается.

Предметъ этотъ, о кладахъ, богатъ повѣрьями всякаго рода. Съ суевѣріями о кладахъ связывается и много сказокъ и преданій; у каждаго края свой герой или разбойникъ прежнихъ лѣтъ, коему приписываются всѣ находимые и искомые клады. Въ восточныхъ губерніяхъ клады принадлежатъ Пугачеву, на Волгѣ Стенькѣ Разину, на Украйнѣ Гаркушѣ, въ средней Россіи Кудеяру и проч. Кладъ вообще не всякому дается; хозяинъ клада, по смерти своей, бродитъ тихо вокругъ и бережетъ его строго и чутко: либо вовсе не найдешь, либо и найдешь, да не возьмешь, не дастся въ руки; не подымешь по тяжести; обмираешь, какъ тронешь, ровно кто тебѣ руки и ноги перебьетъ; кружишь на этомъ мѣстѣ и не выйдешь, ровно лѣшій обошелъ, поколѣ не положишь кладъ опять на мѣсто; или, если кладъ подъ землей, въ подвалѣ, глубокой ямѣ, то взявшій его не вылѣзетъ никакъ, передъ тобою земля смыкается, желѣзныя двери съ запорами затворяются; либо выскочитъ откуда ни возьмется невидимка, схватитъ и держитъ на мѣстѣ, покуда ни выпустишь изъ рукъ клада; либо навалится на плечо ровно гора, такъ что и языка не повернуть; либо ноги подкосятся, либо станутъ, упрутся, словно приросли къ землѣ; или, если и возьмешь кладъ и унесешь, то сколько ни носишь его домой, берешь золото, а принесешь черепки; или же, наконецъ, возьмешь, да и самъ

не радъ; вся семья сподрядъ вымретъ. Все это оттого, что кладъ кладется со свинцомъ или съ зарокомъ, что кладъ бываетъ всегда почти заповѣдный и дается тому только, кто исполнитъ зарокъ; избавляетъ же отъ этой обязанности только цвѣтъ папоротника или разрывъ - прыгнунъ - скакунъ - плакунъ - или спрыгъ - трава, желѣзнякъ или кочедыжникъ; папоротнику и плакуну повинуются всѣ духи, а прыгунъ ломаетъ замки и запоры, побѣждая всякое препятствіе. Иногда кладъ бродитъ не только свѣчей, огонькомъ, но даже какимъ-нибудь животнымъ или человѣкомъ; если, догадавшись, ударить его наотмашь и сказать: аминь, аминь, разсыпься, то передъ тобою очутится кубышка съ деньгами. Во время выемки клада всегда приключаются разныя страсти, и черти пугаютъ и терзаютъ искателя. Брать взаймы у клада иногда можно, если онъ дастъ, но къ сроку принеси, иначе постигнетъ бѣда большая. Можно также мѣнять деньги у клада и при этомъ даже иногда обсчитывать его, положивъ то же число монетъ, меньшей цѣнности.

У насъ почти всюду есть много разсказовъ и преданій о кладахъ, а Саратовская губернія, гдѣ волжскія вольницы зарывали когда-то свои награбленныя богатства, едва ли не богаче прочихъ подобными воспоминаніями. Мы упомянули, что кладъ кладется со словцомъ или

по завѣту: это значитъ, что кто его зарываетъ, тотъ долженъ во все время причитывать вслухъ, какой зарокъ на него кладетъ: напр., семидневный постъ, а затѣмъ рыть голыми руками, на молодой мѣсяцъ; или на разрывъ-траву и проч. Одинъ человѣкъ зарывалъ кладъ, приговаривая: «на три головы молодецкихъ»; стало быть, кладъ не дастся никому, если не поклонится ему тремя головами молодецкими; а другой бродяга, сидя случайно тутъ же въ дуплѣ, подслушалъ его и переговаривалъ каждый разъ: «на три кола осиновыхъ.» Кладъ слушается всегда послѣдняго заговора; посему, когда хозяинъ ушелъ, а подсидѣвшій его вырубилъ три осиновые кола и поклонился ими кладу, то и взялъ его преспокойно. Есть также заговоры, во всемъ похожіе на прочіе заговоры, какъ для укладки клада, такъ и для развязки его.

Въ одномъ мѣстѣ Рязанской губерніи, гдѣ исконное повѣрье искало кладовъ, увѣряя, что цѣловальникъ рязанскій встрѣтилъ земляка въ Сибири, въ ссылкѣ, и узналъ отъ него тайну нѣсколькихъ кладовъ, получивъ и запись съ примѣтами, гдѣ они лежатъ, люди съ сѣдыми бородами разсказывали вотъ что: Я рубилъ въ лѣсу жерди, привязавъ лошадь къ дереву; вдругъ вижу подъ деревомъ высыпанъ изъ земли и уже поросъ травой мохомъ крестъ; я вспомнилъ, что это была одна изъ примѣтъ, и выхватилъ топоръ,

чтобы натюкать на деревьяхъ зарубки; вдругъ какъ понесетъ моя лошадь, сорвавшись, какъ загремитъ, я за ней, за ней, а она дальше, дальше, затихла и пропала; я воротился, а она стоитъ привязанная, гдѣ была, а мѣста того, гдѣ высыпанъ крестъ, не нашелъ, хоть сто разъ былъ опять въ лѣсу да искалъ нарочно.» Другой разсказывалъ такъ: «И я по дрова ѣздилъ, да нашелъ на знакомомъ мѣстѣ, гдѣ сто разъ бывалъ и ничего не видѣлъ, погребъ: яма въ полчеловѣка, въ поясъ, а на днѣ устлана накатомъ, который уже поросъ травой и мхомъ, да кой-гдѣ доска прогнила, провалилась. Подумавъ немного и оглянувшись, да опознавшись еще разъ на мѣстѣ, я спустился въ яму; только-что я было припалъ, да сталъ заглядывать въ провалы, какъ меня хватитъ кто-то вдоль спины хворостиной, такъ я насилу выскочилъ да бѣжать, а онъ все за мной, до самой дороги! Я на другой день показывалъ хозяйкѣ своей синевицы на спинѣ.»

Третьему рязанцу посчастливилось лучше: онъ безъ большихъ хлопотъ у себя дома подъ угломъ нашелъ съѣденный ржавчиной чугунчикъ, въ коемъ было съ пригоршню серебряныхъ монетъ. Ихъ купилъ г. Надеждинъ, а описалъ г. Григорьевъ, въ Одессѣ; это были замѣчательныя арабскія монеты IX и XI вѣка.

Весьма нерѣдко кладъ служитъ защитою для скрытія важныхъ преступленій. Въ одной изъ

подмосковныхъ губерній у помѣщика былъ довольно плохой, въ хозяйственномъ отношеніи, крестьянинъ, одинъ изъ тѣхъ, кому ничего не дается: хлѣбъ у него всегда хуже чѣмъ у прочихъ; коли волкъ зарѣжетъ телятъ, либо порветъ жеребенка, такъ вѣрно у него же; словомъ, и скотъ не держится, и счастья нѣтъ, и ничѣмъ не разживется. По этому поводу, помѣщикъ посадилъ его въ постоялый дворъ, или въ дворники, для поправки хозяйства. Впрочемъ, это былъ мужикъ смирный, трезвый и худа никакого за нимъ не слыхать было.

Вскорѣ онъ точно поправился, и даже слишкомъ скоро. Онъ уплатилъ долги, купилъ скота, сталъ щеголять, наряжать жену въ шелкъ и проч. Помѣщику это показалось подозрительно, и послѣ строгихъ допросовъ, на основаніи разнесшихся слуховъ, дворникъ признался, что ему дался кладъ: «Я вышелъ ночью, услыхавъ проѣзжихъ извощиковъ, и увидалъ за оврагомъ, по ту сторону ручья, въ лѣсу небольшой свѣтъ. Я спустился, подошелъ тихонько и вижу, что два человѣка съ фонаремъ дѣлятъ межъ собою кладъ. Увидавъ меня нечаянно, они было хотѣли бѣжать, послѣ хотѣли убить меня, а наконецъ подѣлились со мною, отсыпавъ мнѣ полную шапку цѣлковыхъ, съ тѣмъ, чтобы я никому ни слова не говорилъ.» Все это конечно много походило на сказку, тѣмъ болѣе, что мужикъ

сбивался и не могъ дать толкомъ отчетъ, когда заставили его показать на мѣстѣ, гдѣ именно вырытъ кладъ; но другихъ подозрѣній не было, молва увѣрила, что дворникъ разжился отъ клада, самъ онъ сознался въ томъ же, и дѣло было оставлено.

Къ осени баринъ хотѣлъ перестроить постоялый дворъ, который былъ плохъ и въ особенности тѣсенъ и неопрятенъ, но дворникъ подъ разными предлогами отговаривалъ барина, да и впередъ, когда объ этомъ заходила рѣчь, убѣждалъ его не трогать двора, каковъ онъ есть. «Что мнѣ, говорилъ онъ, въ господахъ - я господъ не люблю пускать; за ними только хлопотъ много, а выгоды нѣтъ никакой: стаканчикъ сливокъ возьмутъ, да разъ десять воды горячей поставить велятъ, да цѣлую половину и займутъ; я, благодаря Бога, разжился отъ извощиковъ, которые берутъ овесъ да сѣно; а съ нихъ будетъ и этой избы; имъ гдѣ ни свалиться, только бы лошадь накормить.»

Удерживая такими уловками барина отъ перестройки двора, мужикъ черезъ годъ или два умеръ. Весь околодокъ зналъ, что онъ разбогатѣлъ отъ клада, и во всякой деревнѣ разсказывали по-своему, какъ это случилось; но баринъ приступилъ къ перестройкѣ избы и совсѣмъ неожиданно нашелъ кладъ другаго рода:

подъ печью, едва прикрытые землей, лежали два человѣческіе остава съ проломленными черепами.

В. ДАЛЬ

*** *) Я съ намѣреніемъ не перечитывалъ теперь сочиненій ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборникъ, запасъ, какой случился. Праздничныхъ обрядовъ я мало касаюсь, потому что предметъ этотъ обработанъ г. Снегиревымъ; а повторенія того, что уже помѣщено въ Сказаніяхъ г. Сахарова, произошли случайно, изъ одного и того же источника. Я дополнилъ статью свою изъ одной только печатной книги: Русскія суевѣрія, Чулкова, въ которой впрочемъ весьма не много русскаго.**

*** *) Зиланъ - по-татарски змѣя.**

*** *) Осина, въ народныхъ повѣрьяхъ и въ хозяйствѣ, замѣчательное дерево. На немъ, по народному преданію, удавился Іуда - отчего и листъ осиновый вѣчно дрожитъ; осиновымъ коломъ прибиваютъ въ грудь мертвеца - колдуна, вѣдьму, упыря, - который встаетъ и бродитъ по ночамъ; осиновыми кольями должно бить коровью смерть, при извѣстномъ ночномъ опахиваніи деревни, гдѣ дѣйствуютъ однѣ нагія бабы; въ осиновый пень вколачиваются волосы и ногти больнаго, чтобъ избавить его отъ лихорадки; разбитые параличемъ, должны лежа упираться босыми ногами въ осиновое полѣно;**

такое же полѣно, засунутое въ куль негашеной извести, какъ говорятъ, не даетъ ей сырѣть и портиться, равно положенное въ посуду съ квашеной капустой не даетъ ей бродить и перекисать; осиновыя дрова, если ими протапливать изрѣдка печь, уничтожаютъ всю сажу, такъ что вовсе не нужно трубъ чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, даетъ самыя прочные торцы, для мостовой, особенно на конныхъ приводахъ.

*** *) Вотъ нѣсколько образчиковъ заговоровъ, взятыхъ изъ разныхъ губерній, они много походятъ на заговоры, собранные Сахаровымъ.**

1. Заговоръ отъ поруба. Встану я благословясь, лягу я перекрестясь и лягу во чистое поле, во зеленое, стану благословясь, лягу перекрестясь, пойду стану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: съ правой, со восточной стороны, летятъ три врана, три братеника, несутъ трои золоты ключи, трои золоты замки; - запирали они, замыкали они воды и рѣки и синія моря, ключи и родники; заперли они, замкнули они раны кровавыя, кровь горючую. Какъ изъ неба синяго дождь не канетъ, такъ бы у раба божьяго N. N. кровь не канула. Аминь.

2. Приворотный заговоръ или любжа, который читается на подаваемое питье.

Лягу я рабъ Божій помолясь, встану я благословясь, умоюсь я росою, утрусь престольною пеленою; пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, выйду въ чистое поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку, какъ красное солнышко возсіяло: припекаетъ мхи-болоты, черныя грязни. Такъ бы прибѣгала, присыхала раба Божія N. о мнѣ рабѣ Божьемъ N. очи въ очи, сердце въ сердце, мысли въ мысли; спать бы она не заспала, гулять бы не загуляла; аминь тому слову.

3. Заговоръ отъ ружья. На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, гонитъ Илья Пророкъ на колесницѣ громъ со великимъ дождемъ: надъ тучей туча взойдетъ, молнія осіяетъ, громъ грянетъ, дождь польетъ, порохъ зальетъ. Пѣна изыде и языкъ костянъ. Какъ-раба-рабица N. мечется, со младенцемъ своимъ не разрожается, такъ бы у него раба N. бились и томились пули ружейныя и всякаго огненнаго орудія. Какъ отъ кочета нѣтъ яйца, такъ отъ ружья нѣтъ стрѣлянья. Ключъ въ небѣ, замокъ въ морѣ. Аминь, трижды.

4. Отъ лихорадки. Встану я рабъ Божій N. благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, путемъ дорогой къ

синему окіану-морю. У этого окіана-моря стоитъ древо карколистъ; на этомъ древѣ карколистѣ висятъ: Косьма и Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Божій N. прошу,великіе помощники К. и Д. Л. и П., сказать мнѣ: для чего-де выходятъ изъ моря, окіана женщины простоволосыя, для чего онѣ по міру ходятъ, отбиваютъ отъ сна, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точутъ черную печень, пилами пилятъ желтыя кости и суставы? Здѣсь вамъ не житье-жилище, не прохладище; ступайте вы въ болота, въ глубокія озера, за быстрыя рѣки и темны боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя; тамъ яства сахарныя, напитки медовые - тамъ будетъ вамъ житье-жилище, прохладище - по сей часъ, по сей день, слово мое, раба Божьяго N. крѣпко, крѣпко, крѣпко.

5. Отъ укушенія гада. Молитвъ ради Пречистыя твоея Матери благодатный свѣтъ міра, отступи отъ меня, нечестивый, змѣя злая, подколодная, гадина люта, снѣдающая людей и скотъ: яко комары отъ облаковъ растекаются, тако и ты опухоль злая разойдись, растянись, отъ раба Божьяго N. Всѣ святые и всѣ монастырскіе братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте мнѣ на помощь, яко вдни, тако и въ нощи, во всякомъ мѣстѣ, рабу Божьему N. Аминь.

6. Украинскій заговоръ отъ-звиху (отъ вывиха). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гдесь-недесь на сынему мори лежыть камень билый, на билому камени кто-сь седыть, высижа, изъ жовтои кости цвиль выкликая; жовтая кость левовъ духъ; якъ у льву духъ не держится, то щобъ такъ у жовтои кости раба Божьяго N. звихъ не держався. Миколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцю ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый разъ, у третій разъ. Аминь.

*** *) Кто бы повѣрилъ, что деревянная дощечка съ тремя магнитами на одномъ концѣ, свободно обращающаяся на иглѣ, поставленная въ комнатѣ и накрытая стеклянымъ колпакомъ, показываетъ, за полчаса впередъ, направленіе вѣтра! А между тѣмъ это вѣрно, открыто случайно и теперь занимаетъ всѣхъ ученыхъ.**

*** *) Общее и повсемѣстное повѣрье, что встрѣчный предметъ, особенно непріятный, имѣетъ вліяніе на роды беременной женщины и даже на наружность ребенка, существуетъ также въ Россіи и притомъ во всѣхъ сословіяхъ.**